

ДЕМОКРИТ

МЫСАЛТЕЛИ
ПРОШЛОГО

Б. Б. ВИЦ

ДЕМОКРИТ

МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1979

1Ф
В41

РЕДАКЦИИ
ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Виц (Маргулес) Бронислава Борисовна, кандидат исторических наук, автор ряда статей по истории древнегреческой науки и философии, принимала участие в издании фрагментов произведений Демокрита (Лурье С. Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л., 1970).

В $\frac{10501-104}{004(01)-79}$ 24-79. 0302010000

© Издательство «Мысль». 1979

Найти одно причинное объяснение для меня лучше, чем овладеть персидским престолом.

Демокрит

Бедность в демократическом государстве надо предпочесть тому, что называется счастливой жизнью в монархии, настолько же, насколько свобода лучше рабства.

Демокрит

сохранившихся свидетельствах Диогена Лаэртция, Цицерона, Филона Александрийского и Афинагора рассказана легенда о суде над Демокритом в его родном городе Абдерах.

Было это примерно в конце 40-х годов V в. до н. э. * Демокрита судили за растрату отцовского имущества, а такая растрата законом абдерского полиса рассматривалась как тяжелейшее преступление. Гражданский обвинитель с возмущением излагал события, приведшие молодого человека к противозаконным действиям. Он говорил о том, что богатый Дамасипп, умирая, оставил свое огромное наследство трем сыновьям — Дамасу, Геродоту и Демокриту и, наверно, надеялся, что они умножат его состояние. Демокрит же не пожелал иметь ни земли, ни скота, ни рабов; он выбрал меньшую долю, состоящую в деньгах. Но даже эта часть составляла громадную сумму — 100 талантов. Однако неблагодарный сын не использовал их ни на

* Далее мы не будем каждый раз указывать, что даты относятся к периоду до н. э. (Ред.)

торговые операции, ни даже на покупку ценных товаров! Он отправился в далекие путешествия и восемь лет скитался по разным странам. Он растратил на свои странствования все состояние, вернулся нищим, жалким бедняком, который живет теперь за счет своего достойного брата Дамаса. Разве может такой человек оставаться безнаказанным? Законы Абдер гласят: гражданин, растративший отцовское наследство, не может быть погребен на родине. А следовательно, требовал обвинитель, надо изгнать Демокрита как преступника, нарушившего закон полиса.

Как всегда, в греческом суде в свою защиту выступал сам обвиняемый. Он не отрицал фактов. Да, ему не нужно излишнее богатство, отрывающее от научных занятий. Деньги ему были нужны для путешествий, но это были не пустые скитания. Он ездил учиться, познать мудрость других народов, увидеть их жизнь, нравы, обычаи, познакомиться с их наукой, померяться силой своих знаний с мудрецами других стран. «Я объездил больше земли, — говорил Демокрит, — чем кто-либо из современных мне людей, подробнейшим образом исследуя ее; я видел больше, чем все другие, мужей и земель и беседовал с большим числом ученых людей. И никто не обличил меня в ошибках при складывании линий, сопровождавшемся доказательством, — даже так называемые гарпедонапты у египтян» (13, XIV)*. И Демокрит напомнил своим согражда-

* Здесь и далее в круглых скобках сначала дается номер источника в списке литературы, помещенном в конце книги, далее курсивом — номер тома, если издание многотомное, затем — страница источника. В ссылках на некоторые издания текстов древнегреческих авторов после номера источника (6, 8, 12, 13, 17а, 21) дается но-

нам, как он прилежно учился еще на родине, как на их же глазах постигал эллинскую мудрость у замечательного мудреца, милетянина Левкиппа. А затем он зачитал в суде большую часть своего произведения, развивавшего учение Левкиппа о строении вещей и о Вселенной — «Большой мирострой», «самое замечательное из всех его произведений» (там же, XXVIII). Тогда абдеритяне поняли, что перед ними настоящий мудрец. И они не только сняли с него обвинение, но и оценили его произведение на сумму такую же или даже намного большую, чем все потраченное наследство. Еще его почтили медными статуями, а за его деятельность в дальнейшем, за полезные советы городу дали ему почетное прозвище «Мудрость» (Sofia). Неизвестно, в какое время, но возможно, когда родина оказалась в опасности, его сделали архонтом, и за свои заслуги он получил еще прозвище «Патриот». Демокрит был похоронен в родном городе и на государственный счет (см. там же, XXX—XXXII; XLIX).

Мы не знаем, насколько достоверна легенда. Но речь Демокрита звучит как отчет и гордая защита. Об уважении же к нему сограждан за активное участие в делах города, о его архонтстве свидетельствует одно вещественное доказательство: серебряная абдерская монета с гербом этого государства и надписью: «При Демокрите» (13, XXXI и комм. См. также 55, 362, прим. 25). Различны пути создания легенд.

мер фрагмента, или принятая пагинация. Источники отделяются точкой, страницы и фрагменты — точкой с запятой. В некоторые цитаты из древнегреческих текстов внесены необходимые, с точки зрения автора, исправления (Ред.).

Когда мало биографических данных об авторе, легенды иногда создаются на основе его произведений. Так, например, легенда о том, что Демокрит был «смеющимся философом», имела источником, по крайней мере отчасти, его исследование о смехе (см. 47, 363, прим. 39). Но иногда легендами обрастает подлинное историческое событие. Так, исторически вполне вероятен суд над Демокритом. Рассказ об этом правильно отражает законодательство абдерского полуса и, кроме того, подтверждает мнение о неистребимой жажде знаний Демокрита, его беззаветной и бескорыстной преданности науке и философии, о его истинном «любомудрии», колыбелью которого стала в истории человечества Древняя Греция. В своей диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» молодой К. Маркс, тщательно изучив имеющиеся источники, подчеркивает, что Демокрит «бросается в объятия эмпирического знания» и что этот *Vir eruditus* (ученый муж) «был сведущ в физике, этике, математике, во всех дисциплинах, входивших в круг знания его времени, во всех искусствах», он «объезжает полмира, чтобы накопить опыт, знания и наблюдения» (2, 40, 162; 163).

Левкипп и Демокрит — основоположники атомистики, сыгравшей огромную роль в истории; еще Ф. Энгельс осуждал поверхностную трактовку этого учения (см. 2, 20, 367). Вплоть до конца XIX в. физика и химия оперировали «демокритовским» атомом, и только в век атомной энергии, превратившей «неделимый» атом в «расщепляемый», древнее понятие атома во многом потеряло свою актуальность, а само слово приобрело другое значение. Однако атомисты

впервые сформулировали идею дискретности материи, которая прошла через всю историю физики и продолжает играть важную роль в наши дни. Значение атомистики заключается и в другом. У древних греков наука и философия составляли еще единое, нерасчлененное целое, они давали целостную картину мира, в которой не раскрываются подробности, зато правильно зафиксирована всеобщая связь явлений и всеобщее движение. Это был наивный, но в целом правильный взгляд на мир (см. там же, 369). Это был взгляд материалистический, ибо «материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений, и поэтому у греческих философов оно было первоначально чем-то само собой разумеющимся» (там же, 513). Однако в перипетиях социальных потрясений и в процессе развития классового общества, а затем кризиса полиса возникает «наивная разноголосица», возникают «как бы пробные системы» (3, 29, 326), в которых представлены «почти все позднейшие типы мировоззрений» (2, 20, 369), и уже проступает зерно раскола. Поскольку греческий мир «распался в самом себе вследствие практических коллизий... древние философы старались проникнуть в то, что скрыто за миром истины или за истинной их мира, и, конечно, нашли тогда, что он стал неистинным. Уже самые их искания были симптомом внутреннего упадка этого мира» (2, 3, 121—122).

Когда раскол наметился, когда сознание было отчетливо противопоставлено своему объекту, оформились античный философский материализм и античный идеализм. У истоков первого

стоит Демокрит, который выступает с позиций глубокого и для того времени замечательно последовательного материализма. В. И. Ленин назвал материалистическую линию в философии «линией Демокрита» в противоположность идеалистической «линии Платона» (см. 3, 18, 131).

Демокрит не является гением, одиноко возвышающимся над своими современниками. Он стоит в ряду замечательных предшественников и последователей. Но его учение — вершина целого периода развития философии, ее прекрасного детства, каким оно было в Древней Греции.

Но вершина — начало нового восхождения. В трудных условиях борьбы с идеализмом, развивавшимся вместе с кризисом и упадком полиса, затем в условиях кризиса всей общественно-экономической формации материализм и атомизм Демокрита получили свое дальнейшее развитие в философии Эпикура, Лукреция и всей линии материализма, которая пробивала себе путь в будущее. «Суд над Демокритом» продолжался и продолжается в веках истории. И он должен привести к полному научному выяснению истины, как это случилось, согласно легенде, на его древней родине.

Родоначальнику «линии Демокрита» в философии, прототипу людей науки всех времен посвящена эта книга.

МУДРЕЦ ИЗ АБДЕР И ЕГО ЭПОХА

а побережье Фракии, между устьем реки Нест и озером Бистонист, в недалеком соседстве с поселениями фракийцев, расположился греческий город Абдеры. Река Нест протекала через город, и на небольшом расстоянии от него можно было, по свидетельству Геродота, встретиться еще со львами (см. 8, VII 126). Дальше, вдоль берегов Эгейского моря, находились золотые прииски, которые давно привлекали внимание многих соседей на этот участок фракийского побережья.

Основание Абдер, как и многих греческих городов-колоний, овеяно легендой. Согласно преданию, город был построен Гераклом на месте, где его любимец Абдер, сын Гермеса, был разорван лошадьми Диомеда. Диомед был царем фракийского племени бистонов. Он кормил своих свирепых кобылиц человеческим мясом, отдавая им на съедение попадавшихся ему путников. Геракл одолел бистонов, охранявших стойла, пригнал кобылиц к морю и велел Абдеру сторожить их. Но кобылицы убили Абдера, растерзав на части. Геракл сразился с бистонами, убил Диомеда, а у могилы погибшего дру-

га основал город, назвав его Абдеры, по имени друга. Этот миф, имея разные напластования, не только является отголоском времени приручения животных и растущего господства человека над природой (см. 42, 74; 75); его герои, их имена, географические названия указывают возможное время возникновения первого поселения на месте Абдер: это микенская эпоха, время «ахейской Греции». В мифе запечатлена борьба местного населения северного побережья Эгейского моря с греческими пришельцами.

История говорит нам о том, что колония Абдеры была основана в VII в. пришельцами с малоазийского побережья. Согласно Геродоту, она была основана клазоменцем Тимесием (см. 8, I 168) около 656 г. Но соседние фракийские племена, которые с самого начала воевали с греческими колонистами, уничтожили город, и только позже, в 543 г., он был заново построен теосцами. С тех пор Абдеры неоднократно подвергались опасности нападения со стороны фракийских племен, но отстаивали свое существование иногда с помощью других городов военным путем, иногда путем договоров, заключая союзы с одними племенами против других, и, наконец, путем все более развивающейся торговли.

Географическое положение Абдер было благоприятным, особенно в торговом отношении. Они находились почти на скрещении путей, ведущих с запада к ионийским городам (которые в VI в. стали центром греческой торговли и культуры), к мощной Персидской державе, а также к черноморским проливам и Крыму, откуда жители материковой Греции привозили хлеб и рыбу. Уже до персидских войн Абдеры стали цветущим и могущественным городом

(см. 8, VII 109), который с 500 г. чеканил свою собственную монету, подобную теосской и отличающуюся изяществом. Много абдерских граждан из правящей прослойки нажили состояние главным образом на заморской торговле, а также имели неплохие доходы от сельского хозяйства, особенно масличных культур.

Путь к Понту (Черному морю) и Крыму стал особенно важным и прибыльным для ионийских городов после того, как в середине VI в. началась борьба между Лидией, захватившей власть над этими городами, и Персией. Под властью Лидии ионийские города продолжали развиваться и богатеть, так как они вели всю морскую торговлю; Лидия же не имела своего флота. Но в начале V в. Лидию и всю Малую Азию захватила Персидская держава. Период процветания ионийских городов, обложенных непосильными податями и налогами, на долгое время был приостановлен, перестали развиваться культура, наука и философия, нашедшие здесь столь высокое развитие в лице ионийских мыслителей. Теперь важное экономическое значение приобрели западногреческие колонии, а также города северо-востока, такие, как Сигей, Фанагория, Абдеры.

ПЕРСЫ В АБДЕРАХ. ДЕТСТВО

Справедливо или несправедливо, но жители Абдер прослыли в древности простофилями и дураками. Слово «абдерит» было символом ограниченности, послужившей темой многих анекдотов, наподобие русской пошехонской старины или болгарского города Габрово. Тем не менее

абдериты довольно умело соблюдали свои интересы. При таком положении вещей, когда с тыла угрожали воинственные фракийцы, а, с другой стороны, напротив абдерских берегов раскинулся главный торговый соперник — такой же цветущий и богатый остров Фасос, — абдерские богачи решили, что они нуждаются в сильном защитнике. После захвата Лидии персами Абдеры без особого сопротивления подчинились персидскому царю, став на длительное время его верным союзником. Сначала это оказалось им выгодно. После того как Дарий захватил фракийское побережье вместе с золотыми приисками, принадлежавшими Фасосу, ему донесли, что на Фасосе готовится восстание против Персии. Тогда он послал фасосцам приказ: срыть стены, а корабли перевести в Абдеры (см. 8, VI 46; 48). Окончательно разорил фасосцев царь Ксеркс (см. 8, VII 118). В самом начале греко-персидских войн Абдеры еще были опорой персов.

В 480 г. Ксеркс шел походом на Грецию. Во всех городах, через которые проходило его огромное войско, независимо от того, были ли это города-союзники или закабаленные силой, жители должны были готовить съестные припасы и оказывать персам «гостеприимство». Геродот дает красочное описание такого обеда персидской армии и сообщает последствия: «Эллинские города, которые принимали у себя персидское войско и должны были угощать Ксеркса, впали в великую нужду, так что граждане их даже лишились своих жилищ и имущества» (там же). Некий же Мегакреон из Абдер даже посоветовал своим соотечественникам всенародно «отправиться в святилища и просить богов о

рождения Демокрита спорна; в источниках есть несколько дат, но правдоподобны только две: дата Аполлодора (460) и Фрасилла (470). Однако Аполлодор часто неточен в хронологии. Кроме того, дата Фрасилла лучше согласуется с датами других событий из жизни Демокрита.

Два абдерских философа — Демокрит и Протагор начали, таким образом, свое образование с постижения древневосточной мудрости и этим как бы повторили путь, пройденный всей греческой философией, которая выросла на основе знаний, добытых предшествующими веками развития не только древнегреческих, но и древневосточных обществ. Диоген Лаэртий связывал с «персидским воспитанием» Демокрита его «теорию идиолов» (теорию восприятий) (см. 13, 472). И атомизм якобы был уже придуман в древней Финикии Мохом (см. там же, 169), а отсюда проник в Грецию. В действительности Демокрит вряд ли мог почерпнуть много положительных знаний из учений магов. Но вполне вероятно, что первые сведения о древневосточной науке вызвали у него желание посетить страны Востока и поучиться у «мудрецов» этих стран, что он впоследствии и осуществил.

ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ

С большим вниманием и редкой для молодого человека сосредоточенностью Демокрит изучал эллинскую философию. Если его естественнонаучные воззрения формировались под влиянием ионийцев, то первое же произведение в списке его «моральных» сочинений носит заглавие «Пифагор» (см. 13, СХV). Однако решаю-

щее влияние на формирование взглядов Демокрита оказал прибывший из Милета в Абдеры философ Левкипп; Демокрит стал его верным учеником, воспринял от него и дальше развил атомистическую систему (см. там же, VII; VIII).

Личность Левкиппа таинственна и спорна. О нем осталось крайне мало свидетельств, а Эпикур, прямой продолжатель атомистики, заявлял, по свидетельству Диогена Лаэртца, что философа Левкиппа не существовало (см. 15, 200). По этому поводу в конце XIX и первой половине XX в. среди классических филологов и историков философии разгорелся спор; в «Левкипповом вопросе» ученые разделились на противников и сторонников факта существования Левкиппа. В настоящее время большинство исследователей полностью признало его реальность (см. 55, 162).

Самым серьезным источником по истории греческой философии являются сочинения Аристотеля (хотя и он далеко не всегда объективен в суждениях). Аристотель еще в юности в Стагире, а затем в Македонии мог познакомиться с традициями и наследием абдерских философов. Он и его ближайший ученик Теофраст были авторами книг о Демокрите, которые, к сожалению (кроме небольших фрагментов), не сохранились (см. 13, CXVII; CXVIII). Аристотель пишет обычно об учении Левкиппа — Демокрита как о едином учении, но это относится не к началу философского пути Левкиппа и не к конкретным областям науки, где Левкиппа продолжил и опередил ученик, затмивший славу учителя. Учение Демокрита, возникшее в другую эпоху, охватило и новые области зна-

ния, и другие проблемы. Откуда, однако, свидетельство Диогена Лаэртция? Произведения Левкиппа (всего два: «Великий мирострой» и «Об уме») могли не дойти до Эпикура, жившего на полтора столетия позже. Скупые сведения о Левкиппе не позволили Эпикуру признать в нем философа, хотя, как в наш век показали найденные в Геркулануме (Италия) папирусы, в эпикурейской школе имя философа Левкиппа знали и уважали. Другое интересное решение предложил А. О. Маковельский. Философам часто давали прозвища исходя из сути их учений. В учении Левкиппа главным считалось признание небытия; Эпикур и назвал Левкиппа в шутку Несуществующим, подобно тому как Платон называл Гераклита Текучим, а элейцев Неподвижниками; Диоген же принял эту шутку всерьез (см. 15, 16).

Левкипп учился у элейцев; через него, как видно, и Демокрит более детально ознакомился с этой западногреческой философской школой, которая оказала на него большое влияние. На Западе Левкипп, конечно, изучил взгляды пифагорейцев и творчески воспринял некоторые их идеи. Благодаря Левкиппу Демокрит, так же как до него Анаксагор (и возможно, тоже под влиянием идей Левкиппа), синтезировал в своих учениях лучшие достижения как восточной, так и западной ветви греческой философии (см. 55, 164—173. 64, 205).

Спорным является и вопрос о происхождении Левкиппа. Его решение имеет определенное значение и для биографии Демокрита. По наиболее достоверной версии, Левкипп был родом из Милета. Несомненно также, что он переехал на Запад в Элею, которая стала его второй ро-

диной, так что некоторые источники считают его родом из Элеи. И наконец, он переехал в Абдеры, где стал учителем Демокрита и основателем атомистической школы. Всеми таблицами преемственности философов он указан как ученик Зенона. Если эти свидетельства верны, то обстановка в городе его юности определила во многом не только его философские, но и политические взгляды.

Милет на побережье Ионии был величайшим в свое время городом Греции и знаменитым центром ионийской философии; это родина Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена, долго сохранявшая их философские традиции.

Но Милет — это также город, в котором вспыхнуло восстание против персов и где впервые за 50 лет началась борьба за независимость, всколыхнувшая все малоазийское побережье. Восстание было подавлено, персам удалось взять Милет (494), и их расправа была страшной; значительная часть города была уничтожена; все оставшиеся в живых были уведены в плен или проданы в рабство.

Если Левкипп сам и не пережил ужасов покорения Милета (вероятно, его семья оказалась в числе беглецов (см. 8, VI 22)), в нем жила ненависть к царскому владычеству и к завоевателям, к тиранам и аристократам, которые начали, но предали восстание. Рассказы Левкиппа, его любовь к свободе, к демократическому государственному строю должны были оказать влияние на Демокрита, который при всем уважении к восточной мудрости ненавидел строй древних деспотий и писал, что «бедность в демократическом государстве надо предпочесть тому, что называется счастливой жизнью в мо-

нархии, настолько же, насколько свобода лучше рабства» (13, 596).

ПЕРВЫЕ СЛУШАТЕЛИ. ПРОТАГОР И ДИАГОР

Ряд авторов сообщают, что товарищем юности и первым слушателем Демокрита был Протагор.

Судя по биографии Протагора, либо его отец не был богатым Майяндрием (согласно легенде о пребывании персов в Абдерах), либо, как многие жители восточнореческих городов, разорился в результате «персидского гостеприимства» или политических перемен. Видимо, поэтому молодой Протагор не учился, а работал носильщиком корзин и дров, что, по свидетельству Геллия, привело его к знакомству с Демокритом: «...случайно Демокрит... выйдя за черту города, увидел Протагора, когда тот легко и проворно шагал с тяжелым и неудобным грузом. Демокрит подошел к нему поближе, рассмотрел расположение и соединение поленьев, сделанное искусно и опытной рукой, и попросил... чтобы Протагор распустил вязанку и снова ее таким образом сложил». Когда просьба была выполнена, Демокрит пришел в восхищение от остроумия и ловкости этого необразованного человека. Он сказал: «Дорогой юноша, так как у тебя выдающиеся способности делать все хорошо, то ты можешь совершить вместе со мной более значительные и лучшие дела!» И тотчас же он повел Протагора, взял его к себе, назначил ему содержание и научил его философии, и сделал его таким, каким он был впоследствии» (13, LXX).

Скорее всего, это легенда. Во-первых, потому, что Протагор был лет на 10—11 старше Демокрита, а если принять за точную датировку данные платоновского диалога «Протагор», то даже лет на 20. Во-вторых, Протагор не мог быть «необразованным». И все же это не совсем вымысел. Многие источники указывают на Протагора как на ученика и слушателя Демокрита (см. там же, VIII; XIX—XXI), а о его бедности говорит тот факт, что он в конце концов обратился к платному преподаванию; этим он положил начало деятельности софистов — профессиональных учителей Греции, которые вошли в историю как выдающиеся античные просветители.

Факт, что Протагор, несмотря на разницу в возрасте, много заимствовал у Демокрита, не вызывает сомнений. Возможно также, что они оба слушали Левкиппа, но прямых указаний источников на это нет.

Однако в дальнейшем пути Демокрита и Протагора разошлись. В то время, когда Демокрит путешествовал по Востоку, накапливая все новые знания, Протагор уже преподавал. Он уехал в Афины и совершил триумфальное «турне» по всей Греции, сопровождаемый громкой славой.

В отличие от Демокрита он уже не вернулся в Абдеры. Земляки Протагора, когда-то называвшие его Разумом (Sofia), затем называли его язвительно Платной Речью (16, 1, 7). Демокриту пришлось впоследствии неоднократно с ним полемизировать, опровергая его ошибочные, релятивистские утверждения (см. 13, 76—79). Однако сегодня, чем тщательнее мы восстанавливаем творчество этих философов,

тем больше видна общность между двумя выходцами из абдерского центра.

В рассказах о Демокрите и его слушателях обращает на себя внимание одна повторяющаяся деталь, которая не может быть случайной: Демокрит с уважением относился к физическому труду. Он считал вполне допустимым, что бедняк или бывший раб может стать выдающимся философом и даже активно этому содействовал. Об этом говорит не только легенда о встрече с Протагором, но и другие предания. Так, однажды Демокрит, «увидев усердно трудившегося юношу, сказал: «Ты готовишь прекраснейшую приправу к старости»» (там же, XLI). А византийский лексикограф Суда (X в.), который, несмотря на отдаленность времени, пользовался достоверными источниками и давал, как правило, ценные и подтверждающиеся фактами сведения, оставил нам следующую запись под словом «Диагор»: «Видя, что у него хорошие способности, абдерит Демокрит выкупил его из рабства за десять тысяч драхм и сделал своим учеником...» (там же, LXXVI). Итак, для Демокрита характерно уважение к труду, сочувствие угнетенным, оценка людей по их способностям, а не по происхождению и положению. Насколько это подтверждается его творчеством — читатель увидит дальше.

Обращает на себя внимание и еще один факт: слушатели Демокрита — атеисты или же становятся ими. Протагор за скептическое отношение к богам был приговорен к смерти и погиб, убегая от приговора. Как самый решительный атеист прослыл в Греции и мелиец Диагор (см. 18, 1, 252—253 и 2, 366. 20, 23; 31 и др.). Он весьма логично доказывал, что обеты и мо-

литвы бесполезны, так как люди гибнут, несмотря на свои молитвы, а корабли тонут в море независимо от того, везут ли они набожных или безбожных людей, (см. 36, 201—202). Афиняне заочно осудили Диагора на смерть за насмешки над культом и разглашение мистерий и даже объявили награду за его голову, что сразу же эхом отозвалось у злободневного Аристофана («Птицы», 1082—1086). Имя Диагора стало нарицательным; атеистов иногда называли «мелийцами». Так Аристофан назвал Сократа, намекая на мнимое безбожие последнего. Может быть, поэтому и Левкиппа вместо милетянина кое-кто называл мелийцем (см. 15, 199).

Если Демокрит был действительно учителем Диагора, то их взгляды совпадали. Материалистическое учение абдерских философов Левкиппа и Демокрита, так же как несколько раньше учение Анаксагора из Клазомен в Ионии, было атеистично. Вместе с передовыми идеями мощного умственного движения, охватившего полисы в век расцвета классической Греции, влилось это учение в духовную жизнь Афин, приобретая единомышленников, вызывая суеверный страх отсталых слоев демоса и злобу реакционеров. Обвинение в безбожии стало удобным предлогом для политической борьбы с неудобными лицами. «Святым и мучеником философского календаря» (Маркс) был не только мифический Прометей, но и вполне реальные личности, деятели и мыслители Греции классического периода.

АБДЕРЫ И АФИНЫ
В V В. ДО Н. Э.
ДЕМОКРИТ В АФИНАХ

Вскоре после окончания первого бурного этапа греко-персидских войн (но не раньше 478 г.) Абдеры освободились от персидской зависимости и стали одним из членов Афинского морского союза. Они были теперь еще более цветущим и богатым городом, который как член союза мог платить 15 талантов в его кассу. В честь этих Абдер поэт Пиндар сложил пеан. Некоторое время здесь нет опасности даже со стороны фракийцев, с которыми заключен союз. У власти утвердилась союзная Афинам демократическая партия (см. 19, 2, 29; 67; 95—101).

По своему социально-политическому строю Абдеры представляли собой типичный античный полис как город и место поселения земледельцев (см. 1, 13) и как гражданская община, покоящаяся на античной форме собственности, включавшей рабовладение. Античная форма собственности существовала в двух формах: общинная (государственная) собственность и частная собственность, причем последняя была опосредствована первой: чтобы обладать частной собственностью, индивид должен был принадлежать гражданской общине (см. 62, 49). Граждане торгового приморского города, каким были Абдеры, конечно, имели рабов и даже наживались на транзитной торговле рабами. Тем не менее к середине V в. в греческих полисах рабство еще не является основой производства. «...Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство... образуют экономическую основу классического

общества в наиболее цветущую пору его существования» (2, 23, 346. См. также 25, ч. 2, 371). Кроме крестьян и ремесленников в Абдерах проживали матросы и корабельщики торговых судов, купцы и торговцы, и классовая борьба велась главным образом между свободными гражданами — богатыми и бедными. Хотя уже в это время «деньги делали человека», законы Абдер, о которых мы говорили во Введении, еще ограничивали право частной собственности, полис, таким образом, вмешивался в имущественные отношения, не допуская растраты денег и оберегая имущественный ценз своих граждан. Когда уже к концу V в. в Афинах начинается кризис полисной системы (усиливается эксплуатация рабов, ожесточается классовая борьба, гражданская война и межпартийная борьба подтачивают силы полиса), «в Абдерах рабовладельческая демократия находится еще в расцвете, что является, в конечном итоге, одним из оснований для развития прогрессивных материалистических теорий, особенно в области естественных наук и философии» (59, 10). Однако весь период после победы над персами и до Пелопоннесской войны — с конца 70-х по 20-е годы V в., и особенно во время правления Перикла, — Афины были притягательным центром всей Греции. «Высочайший внутренний расцвет Греции совпадает с эпохой Перикла...» (2, 1, 98). Глава союза около двухсот государств, которые платили всевозможные пошлины, несли судебные расходы, содержали афинские гарнизоны и доставляли рабов, Афины, украшенные мраморами Фидия и Поликлета, были крупным торговым центром Средиземноморья. Через Пирей шли торговые пути во все стороны и по

этим путям притекали в сердце Эллады богатства всех подвластных стран и сырье для переработки в художественных и других мастерских. Из Македонии, Южной Италии, Киликии, Кипра привозился строевой лес; из Кипра, Евбеи, Пелопоннеса и Этрурии шла медь; из Колхиды, Карфагена, Египта и Финикии — лен; из колоний Северного Причерноморья, Сицилии и Египта — зерно; из Милета, Хиоса, Сиракуз — дорогие ткани и ковры; из всех стран Средиземноморья — рабы. Теми же путями расходились художественные и ремесленные изделия афинских мастерских и рабских эргастериев. И точно так же в Афины и из Афин во все стороны античного мира приезжали и уезжали люди, ищущие заработка; купцы, ремесленники, любознатные путешественники и люди науки, искусства, литературы — жаждущие просвещения и аудитории в «школе Эллады». В децентрализованной Греции существовал ряд городов, в которых сосредоточивались различные научные школы и представители различных направлений в философии, науке и искусстве. Такими центрами были ионийские города, особенно Эфес, центр «гераклитовцев»; Сицилия и Южная Италия, место деятельности последователей Пифагора, Парменида и Зенона; Хиос, Фессалийский двор и др. Представители почти всех школ в разное время, но в пределах той же бурной эпохи (V в.) побывали в Афинах: из фракийских Абдер — Протагор и Демокрит, из ионийских Клазомен — Анаксагор, из Галикарнасса — Геродот, из Элеи — Зенон и Ликофрон, из Тарента, возможно, — Филолай, из сицилийских Лесنتين — Горгий, из Сиракуз — Лисий (IV в.), из Крита — Диоген Аполлонийский,

из Лампсака — Архелай. Здесь, писал Еврипид, беседовал Сократ, «мудрейшие из эллинов... стекались из целой Эллады в этот пританейон мудрости» (Платон. Протагор 337d).

Мы не имеем точных данных о том, когда именно Демокрит посетил Афины. Вероятно, это было либо накануне, либо в начале Пелопоннесской войны (431). Согласно некоторым источникам, он пробыл в Афинах долго. Все рассказы об этом путешествии Демокрита подчеркивают его скромность и стремление учиться у других, «используя каждую минуту для того, чтобы научиться мудрости и упражняться в ней» (13, XXIV). Знаменитый римский оратор, политик и философ Цицерон, который оставил нам ряд свидетельств о Демокрите, не слишком уважал материалистическую философию. Тем не менее он с уважением пишет о Демокрите: «Демокрит сказал: «Я прибыл в Афины, и никто меня здесь не узнал». Вот твердый и уверенный в себе человек, который гордится тем, что чужд стремлению к славе!» (там же). Диоген Лаэртский также передает различные версии древних историков о том, был Демокрит в Афинах или нет. Во всех этих свидетельствах подчеркивается пренебрежение Демокрита известностью.

Есть свидетельство о том, что Демокрит «знал и Сократа, но Сократ не знал его». Но если Сократ и не знал Демокрита лично, то вполне возможно, что он был знаком с его идеями или сочинениями, которые получили распространение в Афинах. Именно в это время, ок. 420 г., был написан «Малый мирострой», одно из главных произведений Демокрита, в котором он писал о человеческом обществе, в частности о

возникновении государства. И в платоновском «Государстве» (369с), когда Сократ беседует с Адимантом о возникновении государства, он в действительности передает учение Демокрита о нужде как движущей силе развития общества (см. 23, 59). Много общего можно заметить и в этике Демокрита и Сократа. Кроме того, нам представляется, что их суждения о душе и загробной жизни носят взаимно-полемический характер.

Согласно различным сообщениям, отношения Демокрита с маститым стариком Анаксагором были холодными (см. 13, 159). Тем не менее в целом ряде вопросов мнения этих двух великих материалистов античности совпадали. В частности, общими были те взгляды, за которые Анаксагор был осужден афинским судом как богохульник и еле избежал наказания. Поэтому, возможно, Демокрит старался быть в Афинах незаметным из осторожности.

НОВЫЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ. ШКОЛА

И все же именно в Афинах Демокрит нашел горячих последователей в молодом поколении. Младший софист Антифонт (зрелость его падает уже на годы кризиса), «античный анархист», как назвал его один из исследователей, низвергал в своих произведениях многие устои рабовладельческого полиса. В дошедших до нас отрывках его сочинений имеются сплошь и рядом дословные совпадения с фрагментами Демокрита. Но Антифонт переработал взгляды Демокрита в софистическом духе и в духе кризисной эпохи и добавил много такого, чего у Демокри-

та не было и быть не могло. Там же в Афинах мог испытать влияние Демокрита и Диоген из Аполлонии на Крите (см. 48, 137).

Когда Демокрит вернулся на родину, его взгляды и здесь нашли много последователей. Целая плеяда «демокритовцев», непосредственных или отдаленных продолжателей великого философа и ученого, упоминается в источниках. Это и философы из Абдер — Анаксарх, Гекатей Абдерский, Брон и из других городов — Несса и Метродор из Хиоса, Аполлотор Кизикенский, Диотим Тирский и Навсифан Теосский, учитель Эпикура (см. 15, 366—385). Бол из Мендеса в Египте присвоил себе даже имя Демокрита и под этим именем писал фантастические, магические произведения, чем внес настоящую путаницу во мнения потомков о Демокрите (см. 10, 243—251).

Перечисленные последователи Демокрита обычно развивали только отдельные стороны его учения, в целом же, как правило, их взгляды далеко не совпадали с учением Демокрита. Создается впечатление, что они больше пользовались славой его имени, чем сутью его философии. Глубоким исследователем Демокрита был всеобъемлющий философ древности Аристотель, который полемизировал с ним, представляя другое направление в философии, и все же вольно или невольно очень много у него заимствовал. А настоящими продолжателями учения Демокрита были поздние атомисты — Эпикур, эпикурейцы, Лукреций Кар.

Но вернемся к самому Демокриту.

ДЕМОКРИТ И ГИППОКРАТ.
«СМЕХ ДЕМОКРИТА»

Около I в. н. э., во времена первых римских императоров, неизвестный автор из школы знаменитого греческого врача V в. до н. э. Гиппократа Косского написал роман в форме переписки между Гиппократом и абдеритами и между Гиппократом и Демокритом. Этот роман, который вошел в демокритовское предание как «Псевдогиппократовы письма», не может, конечно, рассматриваться как передача подлинных взглядов Демокрита и Гиппократа. Как многие романы, он имеет большую долю вымысла, носит печать своего времени и современных ему философских направлений. И все же, когда мы его читаем, текст местами настолько соответствует тому, что нам доподлинно известно, что создается впечатление, будто передаются действительные события. В основе романа лежат подлинные факты: поездки Гиппократа, почти ровесника Демокрита, в Абдеры, их знакомство и общение; в романе говорится об уединенном образе жизни пожилого Демокрита, который действительно казался странным своим соотечественникам. И, почти несомненно, в руках автора были подлинные произведения Демокрита и Гиппократа.

«Совет и народ города Абдер шлют привет Гиппократу» — так начинались «письма». «Гиппократ, величайшая опасность угрожает ныне нашему городу. Опасность грозит одному из наших граждан, в котором наш город видел свою вечную славу в настоящем и будущем. Поистине, о боги, теперь он не будет (никому) внушать зависть, столь сильно он заболел от

великой мудрости, которой он обладает. Есть серьезное основание опасаться, что, если Демокрит потеряет разум, наш город, Абдеры, придет подлинно в упадок». Далее следует перечисление признаков безумия Демокрита, в том числе пресловутый «смех Демокрита». В таком же цветистом эпистолярном стиле отвечает абдеритам Гиппократ. Он восхищен тем, что «город как один человек встревожен из-за одного человека» и считает счастливыми «народы, которые знают, что выдающиеся люди служат защитой, которая заключается не в башнях и не в стенах, но в мудрых советах мудрых людей!» (15, 349).

И Гиппократ спешит в Абдеры лечить больного Демокрита, заранее отказываясь от денег, которые ему обещали. Он говорит, что, если бы он хотел обогатиться, он мог бы поехать в Персию; но он не станет спасать врагов своей родины ни за какую плату. А вылечить Демокрита — дело свободного врачебного искусства, которому не подобает извлекать выгоду из болезни. Спасти друга, великого Демокрита, — его долг.

Всем миром встречали жители Абдер Гиппократа. Они проводили его к дому Демокрита, куда он вошел сразу, не ожидая никаких приглашений. Со слезами на глазах они показали ему «безумного» Демокрита, который «сидел один... на каменной скамье... и держал весьма бережно книгу на своих коленях, несколько других книг были разбросаны направо и налево. И рядом лежало в куче множество вскрытых трупов животных. Демокрит то, склонившись, писал, то останавливался, делая продолжительный перерыв, и в это время обдумывал. Затем, спустя немного времени, он вставал, прогули-

вался, исследовал внутренности животных, откладывая их в сторону, возвращался назад и снова садился» (там же, 351—352).

Гиппократ, понаблюдав за Демокритом, сразу понял, что перед ним не безумец, а человек до крайности углубленный в научное исследование. Разговор с Демокритом утвердил его в этом предположении. И все же, когда Демокрит посмеялся и над ним, и над его заботами, он стал укорять его: «Или ты думаешь, что не безумно смеяться над мертвым, над болезнью, над сумасшествием... и над любым еще худшим случаем? Или, наоборот, над браками, над празднествами... над мистериями, над властями, над почестями или над всем прочим добром?.. Для тебя нет различия между добром и злом!» (там же, 353).

Но Демокрит, вперив в него пронизывающий взгляд, сказал: «Ты думаешь, что имеются две причины моего смеха: добро и зло; но на самом деле причиной моего смеха является только один предмет, именно человек, полный безрассудства, не совершающий правых дел, глупый во всех своих замыслах, страдающий без всякой пользы от безмерных трудов, человек, влекомый своими ненасытными желаниями...» (там же). В своей дальнейшей речи Демокрит нарисовал драматическую картину общественных противоречий и нелепостей, картину полного несовпадения стремлений и желаний людей и общественных последствий этого. Он показал также, что мир «полон вражды к человеку и что он собрал против него неисчислимы бедствия», на которые люди обречены от самого рождения и до смерти. И вызывают смех неразумные и безрассудные люди, которые этого не

понимают и поступают так, как будто любые их желания, зачастую недостойные, вызванные жадностью или завистью, могут быть достижимы и не принесут им больше вреда, чем пользы. Однако «люди, которые устраивают (необходимые дела) с мудрым пониманием, легко справляются с трудностями, не вызывают... смеха». «...Рассудок, — считает Демокрит, — есть только у человека, который видит далеко своей правильной мыслью и который предугадывает то, что есть, и то, что будет» (там же, 355).

Гиппократ поблагодарил абдеритов за приглашение, ибо он «увидел мудрейшего Демокрита, который единственно способен делать людей мудрыми» (там же, 358). Вскоре Демокрит прислал Гиппократу свой труд о безумии, объясняя его нарушением функций мозга, куда поступает избыток желчи или слизи, и описал симптомы этой болезни.

В ответ Гиппократ прислал ему письмо и трактат о лечении безумия эллебором. Демокрит же написал ему письмо «О природе человека», где высказал мнение, что «философское исследование есть сестра врачебной науки», и изложил анатомию и физиологию человека. Нужно добавить, что в списке сочинений Демокрита (13, СХV) имеется сочинение «О природе человека», а также несколько медицинских произведений.

Если события, послужившие сюжетом романа, действительно имели место, то, значит, в Абдерах, так же как и в Афинах, пришли в противоречие и столкновение две идеологические силы: передовое научное и философское мышление и психология обывателей. Но в Афинах это противоречие было использовано демагога-

ми и олигархами в политической игре, здесь разжигались низменные инстинкты демоса и конфликт кончался позорными для Афин приговорами, травлей, казнью. В провинциальных Абдерах, на окраине греческого мира, рядовые сограждане Демокрита тоже не понимали ни уединения ученого, ни его идей о бесконечности миров, вихре атомов и различий ясной и темной мысли, но это неразумие обернулось у них заботой о душевном здоровье мудреца и в конечном счете — победой ума. Перед судом истории абдериты — эти «Иваны-дурачки» народных преданий — оказались куда умнее своих афинских братьев — заправил «пританейона мудрости!»

СТАРОСТЬ И СМЕРТЬ

Демокрит, согласно ряду источников, был долгожителем и прожил больше ста лет (см. 13, XLVIII—LIII), не прекращая научных занятий. Среди легенд о нем рассказы о старости и смерти Демокрита занимают особое место.

Под конец жизни Демокрит потерял зрение. Вокруг этого факта ходили разные слухи. Многие говорили, что Демокрит сам, преднамеренно лишил себя зрения, даже описывали, каким образом: он сконцентрировал в вогнутом медном зеркале (щите) луч солнца и, направив его на свои глаза, выжег их. Сделал же он это якобы с той целью, чтобы свет, чувственно воспринимаемый глазом, не затмил остроты его ума. К. Маркс в своей диссертации передает эту легенду. Он считает, что если это и вымысел, то очень правдоподобный, так как подчеркивает внутреннюю противоречивость, присущую Демокриту и отличающую его от Эпикура: Демо-

крит, отчаявшись в знаниях, лишает себя зрения (см. 1, 40, 163).

Это, конечно, вымысел. Способ ослепления здесь фантастический. Плутарх назвал эту историю ложью. Весь рассказ основан, видимо, на теории Демокрита о ясном и темном познании, а также на его учении о зажигательных зеркалах (см. 13, 342а). Однако легенда характерна. Немудрено потерять зрение в 90 или больше лет, тем более что теория цвета Демокрита заставляет думать о какой-то аномалии его глаз (см. там же, комм. 7 к 484). «Эмпирическому естествоиспытателю», пользовавшемуся опытом и наблюдением, зрение было необходимо. Но, ослепнув, Демокрит мужественно считал, что теперь он зато сможет полностью углубиться в исследование умопостигаемой истины, которую считал глубоко сокрытой и часто противоречащей чувственному восприятию. Это касалось и моральных истин. По свидетельству Цицерона, «Демокрит, потеряв зрение, не мог отличать белое от черного, но хорошее и дурное, справедливое и несправедливое, благородное и позорное, полезное и вредное, великое и малое различать он мог; не умея различать цвета, он мог жить счастливо, а без правильной оценки вещей он не мог» (там же, XLII). В поздних источниках мотивировки мнимого самоослепления Демокрита меняются. Самая удивительная версия (вполне достойная христианского аскета) высказана Тертуллианом: «Демокрит ослепил себя, так как не мог смотреть на женщин без вожделения...» (там же, XLVII). Это в глубокой старости?! Поистине вражда к «безбожнику» и материалисту ослепляет без зажигательных стекол! Между тем, согласно источникам, Демокрит,

крит, занятый наукой, не обращал внимания на женщин. Он даже считал, что настоящему философу и мудрецу лучше не иметь своих детей (см. там же, 721—724; 804а; 804в), за что подвергался критике. Но он не проповедовал аскетизма, и среди предметов его научных изысканий были и вопросы эмбриологии (см. там же, 522—539).

Когда Демокрит почувствовал, что он уже совершенно немощен, он, подобно Анаксагору, добровольно ушел из жизни (см. там же, LII—LVI).

НАСЛЕДИЕ

По свидетельству древних, Демокрит написал два основных произведения: «Большой мирострой» (*Megas diákosmos*) и «Малый мирострой» (*Mikros diákosmos*), а также свыше 50 трактатов, составленных Фрасиллом в тетралогии, и 9 книг «Причин» (*Aitiaí*) (см. 13, СХV). Часть источников приписывает авторство «Большого миростроя» Левкиппу. Но ничто не мешает допустить, что такое же произведение, развивающее и дополняющее взгляды Левкиппа, было и у Демокрита: одинаковые заглавия сплошь и рядом встречаются у древних философов. Остальные произведения демокритовского «корпуса» (свода сочинений) энциклопедически охватывают все известные в античности области философского и научного знания. Это сочинения моральные, «физические» (естественнонаучные), математические, географические, сочинения о музыке и, наконец, «технические» (по медицине, сельскому хозяйству, искусству и военному делу). Однако «ни для одного вели-

кого философа древности судьба его сочинений не оказалась такой мачехой, как для Демокрита» (23, 3).

В последней главе этой книги мы еще постараемся проследить судьбу Демокрита и его наследия в истории. Сейчас нам достаточно узнать, что произведения его погибли. Из огромного литературного достояния философа остались фрагменты, цитируемые древними авторами, свидетельства античных историков и философов, остались изречения, сохраненные в различных сборниках, и, наконец, мы имеем сведения о некоторых взглядах и содержании работ Демокрита из сочинений тех авторов, которые полемизировали с ним, иногда при этом до неузнаваемости искажая его точку зрения. Впрочем, это касалось не только Демокрита, но и большинства древнегреческих философов, близких к линии материализма.

Вплоть до 60-х годов XIX в. фрагменты Демокрита нигде не были собраны: ученый, занимающийся античной философией, собирал источники сам. Такой исследовательский подвиг был совершен молодым К. Марксом, когда он темой своей докторской диссертации избрал различные натурфилософии Демокрита и Эпикура. Маркс собрал и критически использовал все доступные в его время разбросанные у древних авторов фрагменты и свидетельства об этих мыслителях.

В 1860 г. в Париже вышло первое собрание фрагментов греческих философов, а в 1879 г. немецкий исследователь Г. Дильс впервые издал своих «Греческих доксографов» — труд, который создал ему мировую славу (недавно переиздан в ГДР). Но еще более значительным

стало собрание фрагментов «досократиков» того же Г Дильса, продолженное В. Кранцем (начиная с 1903 г. выдержало уже 13 изданий). Издание Дильса — Кранца стало основой многих изданий в разных странах, в частности труда А. О. Маковельского «Древнегреческие атомисты», вышедшего в Баку в 1946 г. Самое обширное собрание фрагментов и свидетельств о Демокрите с переводом и комментариями вышло в 1970 г. в Ленинграде; на это издание главным образом опирается наша книга.

История хранит свои клады. Под вулканическим пеплом, укрывшим развалины италийского города, в песках Египта, сохранивших следы древней жизни и цивилизации, в глубине вновь возникших островов, в руинах Эллады археологи находят свитки папирусов, надписи, листы пергамента, а в них как светящиеся жемчужины — памятники древней мысли — «источники» для новой. Сама история умственного творчества людей, накопившая вековой опыт развития, помогает правильно обозреть прошлое. Как из далекого космического корабля, на Земле и под Землей видны контуры и детали, которые не замечаются на ее поверхности, так и современная мысль, обогащенная опытом истории и отточенная научной теорией, может порой глубже понять развитие человеческой мысли в ранние периоды ее существования.

Мнения древних мыслителей не исчезли. Их находят и восстанавливают. Они живы, поскольку живы вопросы, по поводу которых недоумевали древние и которые они по-своему решали. Проследим же, насколько это возможно, за мыслью Демокрита из Абдер.

АТОМИСТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель.

В. И. Ленин

ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ АТОМИЗМА

Не было мощных телескопов. Лучи лазеров не проникали на расстояния в миллиарды световых лет. Спектральный анализ не раскрывал свойств невероятно отдаленных космических тел. Но человеческая мысль уже бороздила Вселенную на такое же расстояние, как и современная, — в бесконечность. И это было возможно потому, что в античной философии диалектическое мышление выступало еще в своей первоначальной, естественной простоте, не нарушаемой теми препятствиями, которые создала сама себе метафизика в XVII—XVIII вв. (см. 2, 20, 369).

Атомистическая теория Левкиппа — Демокрита была закономерным результатом развития предшествующей философской мысли. Уже

в учении Анаксимандра из Милета, философа VI в., содержался намек, догадка относительно возможности выделения из «беспредельного» («апейрона») более чем одного мира. Согласно Анаксимандру, «апейрон» находился в вечном движении, причина же этого движения — в нем самом. Уже ученик Анаксимандра — Анаксимен из Милета считал основой всех вещей в мире густое (плотное) и разреженное. Все вещи возникают, учил он, из сгущения и разрежения воздуха. В космогонии Анаксимандра, а также Гераклита Эфесского (жившего тоже в VI в.) все процессы в природе происходят по закону необходимости, который Гераклит называл «логосом».

Уже Пифагор Самосский и вся его школа обратили внимание на огромное значение количественных отношений в мире и геометрических форм, ритма и симметрии в вещах. Они же учили о мире как мире всеобщей гармонии, находящей свое выражение в гармонии чисел, и особенно в гармонии противоположностей предела и беспредельного. Согласно Филолаю, ученику Пифагора, с которым «встречался Демокрит» (13, 154), фундаментальное число — это единица как физическая монада, определенным образом оформленное пространство: отрезок, прямоугольник, квадрат, треугольник, куб, пирамида и т. д. (см. 64, 76). Уже Парменид, основатель элейской школы (VI—V вв.), учил, что бытие не возникает и не гибнет; оно едино, непрерывно, цельно, неделимо и однородно, и это бытие познается разумом. А элеец Мелисс Самосский (V в.) сформулировал закон сохранения бытия: «Из ничего никогда не может возникнуть нечто» (21, 30 В 1). Здесь же в философии элейцев

впервые появилось различие между чувственно воспринимаемой и истинной реальностью.

Уже Эмпедокл из Агригента (ок. 490—430) основой вещей считал корни-стихии, а их сочетание или разъединение — причиной возникновения и гибели вещей. Анаксагор из Клазомен (ок. 500—ок. 428) полагал, что весь мир состоит из семян «гомеомерий» (подобочастных), не только бесконечных в числе, но и заключающих в себе всю бесконечность частей существующих вещей; мельчайшие и невидимые частицы веществ соединялись в его системе в чувственно воспринимаемые вещи во всем разнообразии их качеств.

Наконец, некоторые древнегреческие учения восходят к древневосточной науке. «Восточная наука — предшественница греческой философии» (50, 149). Демокрит учился у египетских геометров — «гарпедонаптов» (см. 13, XIV; XVII). Истоки его этических идей можно обнаружить не только в высказываниях «семи мудрецов» и пифагорейцев, но и в учении вавилонских жрецов.

В атомистической системе мы находим все перечисленные учения, иначе осмысленные и дополненные. Даже важнейшие принципы — принцип сохранения бытия, принцип притяжения подобного к подобному, само понимание физического мира как возникшего из соединения первоначал, зачатки этического учения — все это было уже заложено в философских системах, предшествующих атомизму.

Однако предпосылками атомистического учения и его философскими истоками были не только «готовые» учения и идеи, которые атомисты застали в свою эпоху. Еще большее зна-

чение для возникновения атомистической теории и всей системы Демокрита имели вопросы, поставленные предшественниками.

Древнегреческая философия выросла и развивалась в благоприятных социально-экономических условиях, связанных с переходом от раннерабовладельческого к зрелому рабовладельческому обществу. Она формировалась в процессе качественного преобразования мифологического мировоззрения под воздействием становящейся науки (см. 53, 137). В отличие от мифологии философия не признавала первенства надприродного по отношению к природному, она подчиняла или растворяла его в природном и натуралистически объясняла мир. Противоречие между философским и мифологическим мышлением способствовало развитию философских идей древности. Это противоречие оставалось основным до тех пор, пока сама философия (в Греции это произошло в V в.) не разделилась на два лагеря: материализм и идеализм.

Внутри философии возникли новые вопросы и «апории» — затруднения и противоречия. Первые философы пытались определить первооснову, фундаментальное вещество мира. Затем обнаружили противоречия между движением и покоем, между единым и многим, между сущностью вещей и явлением, наконец, между физическим и психическим. Каждая философская школа решала эти вопросы по-своему, развивая при этом зачатки различных областей науки и мировоззренческие взгляды. Атомизм Демокрита отвечал на вопросы, поставленные его временем. Именно это обусловило его большое влияние на дальнейшее развитие философии.

Многие исследователи считают, что учение об

атомах возникло как ответ на вопросы, поставленные элейцами, и как разрешение обнаружившегося противоречия между чувственно воспринимаемой и умопостигаемой реальностью, ярко выразившегося в «апориях» Зенона. Впервые у элеатов из натурфилософии — умозрительного истолкования природы, рассматриваемой в ее целостности, — начинает выделяться философия. Этот важнейший шаг в истории мысли сопровождался возникновением негативного отношения к первым философам; рациональное знание, дающее философскую картину мира как умопостигаемой сущности вещей, объявляется единственно истинным, чувственное же знание, дающее натурфилософскую картину мира как мира явлений, — неистинным (см. 64, 141). В философии элеатов выясняются вопросы об отношении бытия и небытия и об отношении бытия и мышления, т. е. решается основной вопрос философии.

К миру умопостигаемому, а следовательно, истинному Парменид (540—470) относил бытие, т. е. все то, что существует. К миру же чувственному, а следовательно, неистинному он относил небытие, т. е. то, что не существует. Под несуществующим элейцы понимали пустоту как «ничто». В своей поэме «О природе» Парменид так говорит о путях познания:

Первый путь: есть бытие, а небытия вовсе нету;
Здесь достоверности путь, и к истине он приближает.
Путь же: есть небытие, и небытие неизбежно,
Путь этот знания не даст. Тебе я о том объявляю.
Небытия ни познать (непостижимо) не сможешь,
Ни в слове выразить...
...Одно существует
Лишь бытие, а ничто не существует...

Из этого Парменид и элейцы делали вывод, что бытие едино, цельно, непрерывно, однородно, неизменно и неподвижно. Не может быть ничего другого, кроме бытия, и отсюда замечательный вывод: бытие не возникает и не гибнет. Но отсюда и отрицание движения (двигаться бытие может только в небытие, а его нет), и отрицание изменения бытия во времени (не могло быть и не будет ничего другого, отличного от того, что есть в настоящем).

Доводы Парменида поддержал его воспитанник и ученик Зенон Элейский (ок. 490—430). Он доказывал невозможность движения в ряде логических «затруднений» (апорий), которые улавливали действительную (и до сих пор составляющую основу некоторых сложных философских и математических операций) трудность: как выразить движение в логике понятий? как выразить множественность? В античное время апории Зенона не могли быть действительно научно разрешены; пятнадцать веков потребовалось для выработки соответствующего логического и математического понятийного аппарата. На уровне античной науки апории разрешала атомистика, а затем (уже иными методами) — философия Аристотеля.

У Диогена Лаэртция и христианских писателей сохранились перечни философов VI—V вв., составленные в более позднюю эпоху. Согласно всем таблицам преемственности философов, Демокрит — наследник италийской линии философии. Вот один из фрагментов: «...Ксенофан, его ученик — Парменид, его — элеец Зенон, его — Левкипп, его — Демокрит» (13, VII). В других таблицах (Евсевий, Эпифаний) до или после Зенона указан еще Мелисс, который видоизме-

нил учение элейцев, провозгласив бытие не конечным, а беспредельным. Однако, как говорил комментатор Аристотеля Симпликий, Левкипп «пошел при изучении сущего не по тому пути, по которому шли Парменид и Ксенофан, но, повидимому, по прямо противоположному» (там же, 147). Аристотель это объясняет следующим образом:

«Некоторые из древних полагали, что необходимо (логически), чтобы бытие было едино и неподвижно. Ибо пустоты не существует, а при отсутствии отдельной пустоты невозможно движение, равно как и не может быть многих предметов, если отсутствует то, что отделяло бы их друг от друга... Исходя из таких рассуждений, некоторые (ученые) вышли за пределы ощущений и пренебрегли ими, так как считали, что нужно следовать разуму... Заметим, что с логической точки зрения все это последовательно, но с точки зрения фактов такой взгляд похож на бред сумасшедшего. Левкипп же был убежден, что у него есть теория, которая, исходя из доводов, согласных с чувствами (в то же время), не сделает невозможным ни возникновение, ни уничтожение, ни движение, ни множественность вещей» (там же, 146).

В начале этого рассуждения Аристотель подчеркнул, что Левкипп и Демокрит строили «наиболее методически» свою теорию «исходя из того, что подобно природе, какова она есть». В его свидетельствах первые атомисты, подобно ионийским натурфилософам, выступают как «физики», т. е. исследователи природы, причем природа понималась прежде всего как «сущность вещей» (см. 55, 9). Вслед за Эмпедоклом и Анаксагором они осуществили синтез

ионийской и западногреческой линии философии и, разрешая своей теорией поставленные элейцами вопросы, совершили коренной перелом в развитии греческой философии.

Элейское бытие было понято как вся Вселенная, как совокупность всех вещей, и как таковая она не могла возникнуть из несуществующего или превратиться в ничто (см. 13, 42; 43). Но это бытие стало из единого множественным, состоящим из бесконечного числа атомов, из которых каждый является неделимым, однородным, целостным, неизменным, полным, как элейское «единое бытие». Атомы постоянно движутся, а следовательно, бытие стало описываться как прерывное, и это было правильное решение. «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого» (3, 29, 233). Но движение — это, согласно элейцам, переход в небытие; Левкипп и Демокрит допустили существование небытия — пустоты.

АТОМЫ И ПУСТОТА

Согласно Демокриту, Вселенная — это движущаяся материя, атомы веществ (бытие — *to on, to den*) и пустота (*to uden, to meden*); последняя так же реальна, как и бытие (см. 13, 146; 173; 189 и др.). Вечно движущиеся атомы, соединяясь, создают все вещи, их разъединение приводит к гибели и разрушению последних. Системе Демокрита, как и другим древнегреческим философским учениям, были присущи диалектические черты. В. И. Ленин увидел элемент диалектики уже в самом различении атомов и пустоты. По его мнению, Гегель, излагая учение

Левкиппа, уловил «зерно истины»: в атомистике имеется «отенок („момент“) отдельности; прерыв постепенности; момент сглаживания противоречий; прерыв непрерывного, атом, единица... «Единица и непрерывность суть противоположности»...» (3, 29, 238).

Введение атомистами понятия пустоты как небытия имело глубокое философское значение. Категория небытия дала возможность объяснить возникновение и изменение вещей. Правда, у Демокрита бытие и небытие сосуществовали рядом, раздельно: атомы были носителями множественности, пустота же воплощала единство; в этом была метафизичность теории. Ее пытался преодолеть Аристотель, указывая, что мы видим «одно и то же непрерывное тело то жидким, то затвердевшим», следовательно, изменение качества — это не только простое соединение и разъединение (13, 239). Но на современном ему уровне науки он не мог дать этому должного объяснения, в то время как Демокрит убедительно доказывал, что причина этого явления — в изменении количества между атомной пустоты.

Понятие пустоты привело к понятию пространственной бесконечности. Метафизическая черта древней атомистики проявилась также в понимании этой бесконечности как бесконечного количественного накапливания или уменьшения, соединения или разъединения постоянных «кирпичиков» бытия. Однако это не значит, что Демокрит вообще отрицал качественные превращения, наоборот, они играли в его картине мира огромную роль. Целые миры превращаются в другие. Превращаются и отдельные вещи, ибо вечные атомы не могут ис-

чезать бесследно, они дают начало новым вещам. Превращение происходит в результате разрушения старого целого, разъединения атомов, которые затем составляют новое целое (там же, 343; 344). Согласно Демокриту, атомы неделимы (*atomos* — «неделимый»), они абсолютно плотны и не имеют физических частей. Но во всех телах они сочетаются так, что между ними остается хотя бы минимальное количество пустоты; от этих промежутков между атомами зависит консистенция тел.

Кроме признаков элейского бытия атомы обладают свойствами пифагорейского «предела» (см. 64, 173). Каждый атом конечен, ограничен определенной поверхностью и имеет неизменную геометрическую форму. Наоборот, пустота, как «беспредельное», ничем не ограничена и лишена важнейшего признака истинного бытия — формы. Атомы чувственно не воспринимаемы. Они похожи на пылинки, носящиеся в воздухе, и незаметны вследствие слишком малой величины, пока на них не упадет луч солнца, проникший через окно в помещение. Но атомы гораздо меньше этих пылинок (см. 13, 200—203); только луч мысли, разума может обнаружить их существование. Они невоспринимаемы еще и потому, что не имеют обычных чувственных качеств — цвета, запаха, вкуса и т. п.

Симпликий ясно говорит нам о том, что «пифагорейцы и Демокрит не без основания, отыскивая причины чувственных качеств, пришли к формам (т. е. к атомам)» (*schemata*), которые Демокрит иногда называл также абдерским словом *gustmoi* — «фигуры» или *ideai* — «идеи», «виды» (там же, 171. См. также CXV; CXVI; 198), подчеркивая их основной отличительный

признак. Сведение строения материи к более элементарным и качественно однородным физическим единицам, чем «стихии», «четыре корня» и отчасти даже «семена» Анаксагора, имело в истории науки огромное значение.

Чем же, однако, различаются между собой атомы Демокрита?

Изучая свидетельства Феофраста, ученика Аристотеля, чьи комментарии послужили первоисточником многих более поздних сообщений о философии греческих досократиков, включая Демокрита, английский исследователь Мак Диармид отметил определенное противоречие. В одних местах речь идет только о различии форм атомов, в других — также о различии их порядка и положения (см. 80, 124; 125). Однако понять нетрудно: порядком и положением (поворотом) могут различаться не единичные атомы, а составные тела, или группы атомов, в одном составном теле. Такие группы атомов могут быть расположены вверх или вниз (положение), а также в разном порядке (как буквы НА и АН), что и видоизменяет тело, делает его другим (см. 13, 238—248). И хотя Демокрит не мог предугадать законов современной биохимии, но именно из этой науки мы знаем, что, действительно, несходство двух одинаковых по составу органических веществ, например двух полисахаридов, зависит от порядка, в котором выстроены их молекулы. Огромное разнообразие белковых веществ зависит преимущественно от порядка расположения в их молекулах аминокислот, причем число возможных комбинаций при их сочетаниях практически бесконечно. Фундаментальные частицы материи, существование которых предполагал Демокрит,

соединяли в себе в некоторой мере свойства атома, молекулы, микрочастицы, химического элемента и некоторых более сложных соединений.

Атомы различались также величиной, от которой в свою очередь зависела тяжесть. Как известно, догадка об атомном весе принадлежит Эпикуру. Однако уже Демокрит был на пути к этому понятию, признавая относительный вес атомов, которые в зависимости от размеров бывают тяжелее или легче. Так, например, самыми легкими атомами он считал самые мелкие и гладкие шаровидные атомы огня, составляющие воздух, а также душу человека.

С формой и величиной атомов связан вопрос о так называемых амерах, или «математическом атомизме», Демокрита. Ряд древнегреческих философов (пифагорейцы, элейцы, Анаксагор, Левкипп) занимались математическими исследованиями. Выдающимся математическим умом был, несомненно, и Демокрит. Однако демокритовская математика отличалась от общепринятой. Согласно Аристотелю, она «расшатывала математику» (13, 108). Она основывалась на атомистических понятиях. Соглашаясь с Зеноном, что делимость пространства до бесконечности ведет к абсурду, к превращению в нулевые величины, из которых ничего не может быть построено, Демокрит открыл свои неделимые атомы. Но физический атом не совпадал с математической точкой. Согласно Демокриту, атомы имели разные размеры и формы, фигуры, одни были больше, другие меньше. Он допускал, что есть атомы крючкообразные, якоревидные, шероховатые, угловатые, изогнутые — иначе они бы не сцеплялись друг с другом (см. там же, 226; 227; 230; 233). Демокрит считал,

что атомы неделимы физически, но мысленно в них можно выделить части — точки, которые, конечно, нельзя отторгнуть, они не имеют своего веса, но они тоже являются протяженными. Это не нулевая, а минимальная величина, дальше неделимая, мысленная часть атома — «амера» (бесчастная) (там же, 120; 124). Согласно некоторым свидетельствам (среди них имеется описание так называемой «площади Демокрита» у Джордано Бруно), в самом мелком атоме было 7 амер: верх, низ, левое, правое, переднее, заднее, середина. Это была математика, согласная с данными чувственного восприятия, которые говорили, что, как бы мало ни было физическое тело — например, невидимый атом, — такие части (стороны) в нем всегда можно вообразить, делить же до бесконечности даже мысленно невозможно.

Из протяженных точек Демокрит составлял протяженные линии, из них — плоскости. Конус, например, согласно Демокриту, состоит из тончайших чувственно не воспринимаемых из-за своей тонкости кружков, параллельных основанию. Так, путем складывания линий, сопровождающегося доказательством (см. там же, XIV), Демокрит открыл теорему об объеме конуса, который равен трети объема цилиндра с тем же основанием и равной высотой; так же он высчитал объем пирамиды. Оба открытия признал (и уже иначе обосновал) Архимед (см. 49 и 23, 35—41).

Авторы, сообщающие о взглядах Демокрита, мало понимали его математику. Аристотель же и последующие математики ее резко отвергли, поэтому она была забыта. Некоторые современные исследователи отрицают различие атомов

и амер у Демокрита или полагают, что Демокрит считал атомы неделимыми и физически и теоретически (см. 73); но последняя точка зрения ведет к слишком большим противоречиям. Атомистическая теория математики существовала, и она возродилась впоследствии в школе Эпикура.

Атомы бесконечны в числе, число конфигураций атомов так же бесконечно (разнообразно), «так как нет основания, почему бы они были скорее такими, чем иными» (13, 147). Этот принцип («не более так, чем иначе»), который иногда в литературе называется принципом индифферентности или разновременности, характерен для демокритовского объяснения Вселенной. С его помощью можно было обосновать бесконечность движения, пространства и времени. Согласно Демокриту, существование бесчисленных атомных форм обуславливает бесконечное разнообразие направлений и скорости первичных движений атомов, а это в свою очередь приводит их к встречам и столкновениям. Таким образом, все мирообразование детерминировано и является естественным следствием вечного движения материи.

О вечном движении говорили уже ионийские философы. Однако этот взгляд был у них еще связан с гилозоизмом. Мир находится в вечном движении, ибо он в их понимании — живое существо. Совершенно иначе решает вопрос Демокрит. Его атомы не одушевлены (атомы души являются ими только в связи с телом животного или человека). Вечное движение — это стлкивание, отталкивание, сцепление, разъединение, перемещение и падение атомов, вызванное первоначальным вихрем. Больше того, у атомов

имеется свое, первичное движение, не вызванное толчками: «трястись во всех направлениях» или «вибрировать» (см. там же, комм. к 311). Последнее понятие не было развито; его не заметил Эпикур, когда он скорректировал демокритовскую теорию движения атомов, введя произвольное отклонение атомов от прямой.

В своей картине строения материи Демокрит исходил также из принципа, выдвинутого предшествующей философией (сформулированного Мелиссом и повторенного Анаксагором), — принципа сохранения бытия: «ничто не возникает из ничего». Он связывал его с вечностью времени и движения, что означало определенное понимание единства материи (атомов) и форм ее существования. И если элейцы считали, что этот принцип относится только к умопостижаемому «истинно сущему», то Демокрит относил его к реальному, объективно существующему миру, природе.

Атомистическая картина мира представляется несложной, но она грандиозна. Гипотеза об атомарном строении вещества была самой научной по своим принципам и самой убедительной из всех, созданных философами ранее. Она отметала самым решительным образом основную массу религиозно-мифологических представлений о надприродном мире, о вмешательстве богов. Кроме того, картина движения атомов в мировой пустоте, их столкновения и сцепления — это простейшая модель причинного взаимодействия. Детерминизм атомистов стал антиподом платоновской телеологии. Демокритовская картина мира — это уже ярко выраженный материализм, такое философское мирообъяснение

было в условиях древности максимально противоположно мифологическому.

КОСМОГОНИЯ И КОСМОЛОГИЯ. «АНАНКЕ»

В «Облаках» Аристофана имеются следующие строки:

Стрепсиад

Кто ж навстречу друг другу их гонит, скажи?
Ну не Зевс ли, колеблющий тучи?

Сократ

Да нимало не Зевс. Это Вихрь.

Стрепсиад

Не и ну! Значит, Вихрь. И не ведал я вовсе,
Что в отставке уж Зевс и на месте его нынче Вихрь
Управляет вселенной.

(376—381)

Комедия Аристофана «Облака» была поставлена в Афинах в 423 г. Ученые считают, что незадолго до этого появился «Малый мирострой» Демокрита, где были изложены космогония, космология, а также учение о природе, обществе и человеке. Как видно из комедии, взгляды Левкиппа и Демокрита стали известны — возможно, через софистов — афинской публике. Демокритовское учение вложено Аристофаном в уста Сократу, который в глазах афинян был олицетворением философии, а следовательно, антимифологических воззрений (и который неправильно отождествлен здесь с софистами).

На основе наблюдений и, возможно, философского переосмысления традиционной мифологической идеи о первоначальном «хаосе» Левкипп пришел к своей замечательной гипотезе,

одной из самых плодотворных идей древности о «вихре» (*dinos*) атомов, — начальном состоянии и движущей силе возникновения космоса. Демокрит, отбросив учение о силах, движущих материю («Любовь» и «Вражда» у Эмпедокла, Разум — «Нус» у Анаксагора), целиком принял и дальше развил концепцию Левкиппа. Ученый комментатор Аристотеля Филопон (нач. VI в. н. э.) дает нам следующее определение вихря: вихрь — «это такое движение (элементов), вследствие которого они отделяются друг от друга» (13, 288). Древние авторы приводят ряд описаний возникновения мира из вихря атомов (см. там же, 288—300), которые, «сталкиваясь между собой и всячески кружась... распределяются по отдельным местам — подобное к подобному» (там же, 289); «все рождается путем сплочения и сцепления (*epállaxis*) этих первотел» (там же, 292).

Учение о вихре отметил Ф. Энгельс (см. 2, 20, 505); на него обратил внимание и В. И. Ленин, конспектируя труд Гегеля (3, 29, 239). Для последнего это положение Левкиппа (и Демокрита) лишено всякого интереса; «пустое изображение», «смутные запутанные представления», — выписывает В. И. Ленин гегелевские характеристики и восклицает с возмущением: «Слепота Гегеля, односторонность идеалиста!» Когда же Гегель, передавая описание движения атомов у Эпикура, жалуется на «произвол и скуку», В. И. Ленин напоминает: «а электроны?», «а „бог“ у идеалистов???» (там же, 266).

Первичное движение атомов — это природное движение, им присущее, оно не требует внешнего толчка (см. 13, 313). Только в дальнейшем сплетение и сочетание атомов в сложные

тела происходит в результате толчков, ударов и силы притяжения подобного к подобному, признание которой характерно для ряда философских систем того времени. Эта сила действует в космогонической картине Демокрита как закон природы и, согласно мнению некоторых исследователей, является первичной причиной образования самого вихря.

Вихрь возникает не единожды. Хаотическое движение атомов в пространстве постоянно приводит к образованию вихрей, из которых создаются бесчисленные миры (см. там же, 347 и др.). Все эти миры, в том числе и наш, рождаются и погибают, но Вселенная вечна: безначальна и бесконечна (см. там же, 14). Она не имеет создателя, и в ней нет цели; все в ней подчинено всеобъемлющему закону необходимости, и ничто не случается без естественной причины.

Бесконечные миры во Вселенной! Эта мысль всегда в истории науки и в истории философии ассоциировалась с могучей фигурой Джордано Бруно. Однако эта идея, выдвинутая итальянским мыслителем на новой научной основе в конце XVI в., была настоящим «возрождением» из пепла идей древних атомистов. О бесконечных мирах последовательно, с точки зрения атомизма, учили Левкипп и Демокрит. Согласно их взглядам, множество миров существуют одновременно в пространстве; они разные (есть и одинаковые), на самых разных расстояниях друг от друга и на разных стадиях развития. Каждый из них рождается, расцветает и погибает. Столкновение этих миров может вызвать космическую катастрофу (см. там же, 343—360). Интересно объясняет этот взгляд Ш. Муг-

лер: Демокрит говорит не о падении целых миров друг на друга — это, по мнению Муглера, недопонимание источников, — а только о выпадении (так сказано у Плутарха и Ипполита) отдельных атомов одного мира в другой (космической радиации, сказали бы мы) в виде истечений, которые могут иметь пагубные последствия (см. 81, 223). Однако у Ипполита действительно говорится о столкновении миров (*tus kosmos*), а не атомов. Но Плутарх говорит и о выпадении чужеродных тел на Землю как источнике болезней; подобные мысли есть и у Лукреция (см. 12, VI 662—663).

Исходя из атомистической теории, Демокрит рисует грандиозную космогоническую гипотезу. Вихреобразное движение, согласно Демокриту, было причиной образования и нашего мира, и этот мир, сейчас находящийся в расцвете, подчинен естественным законам Вселенной. В процессе вихревого движения осуществилась качественная дифференциация материи. В результате действия закона притяжения подобного подобным, атомы, более или менее однородные по форме, объединились вместе, возникли Земля и небесные светила, раскалившиеся от быстроты движения. Но тот же закон имел и обратное действие; несходные атомы отталкивали друг друга (см. 13, 318; 320; 323; 382). Таким образом, процессы притяжения и отталкивания привели к образованию всего окружающего мира. Здесь особенно уместны слова Ф. Энгельса о том, что в отличие от метафизического естествознания XVII—XVIII вв. «для греческих философов мир был по существу чем-то возникшим из хаоса, чем-то развившимся, чем-то ставшим» (2, 20, 349).

Все происходящее в мире, согласно Демокриту, подчинено не сверхъестественной силе, а только закону необходимости (ανάγκη, το ἀναγκαῖον). Необходимость Демокрит понимал как бесконечную цепь причинно-следственных связей. Он не искал первопричины мира — он ее отрицал. Но он постоянно искал причинные основания всех временных явлений. Об этом говорят заглавия целого цикла его произведений: «Небесные причины»; «Воздушные причины»; «Наземные причины»; «Причины огня и того, что в огне»; «Причины звуков»; «Причины семян, растений и плодов»; «Причины живых существ»; «Смешанные причины». В составе технических сочинений — «Причины благоприятного и неблагоприятного», а в этических записках — «Причины законов» (см. 13, СХV).

Некоторые ученые пытались оспаривать подлинность «Причин». Однако эти попытки не имеют серьезных оснований. Хотя «Причины» указаны в списке Диогена Лаэртция отдельно от тетралогий, заключительная фраза Диогена ясно свидетельствует о том, что все им перечисленное в древности считалось подлинным, и только «прочие» сочинения (не вошедшие в список) либо частично переделаны, либо неподлинны (см. там же, комм. 1 к СХV). Найти причины явлений — это была, по Демокриту, одна из главных задач науки и деятельности ученого («мудреца»). Даже если заглавия «Причин» переданы неточно и если знаменитое изречение Демокрита о том, что для него предпочтительнее найти одну причину, чем занять персидский престол, — легенда, то все содержание естественнонаучных и философских отрывков Демокрита свидетельствует, что главным для фило-

софа был поиск причинной закономерности явлений. Социальная философия, теория ощущений, учение о происхождении живой природы, вопросы зоологии, ботаники, психологии — таков был круг научных интересов Демокрита, судя по дошедшим до нас фрагментам. И рассмотрение каждого вопроса было насыщено у него причинными объяснениями. Часто это мнимые объяснения, сделанные из-за скудного запаса фактов по аналогии. Но это всегда — объяснение явлений естественными причинами, поэтому у Демокрита так много правильных наблюдений и блестящих догадок.

Начиная с Аристотеля, который придерживался телеологической точки зрения, т. е. искал «конечную причину» и целенаправленность в природе, и кончая христианскими писателями, верящими в «божественное провидение», все противники материалистического детерминизма нападали на Демокрита. Приведем ряд высказываний. Аристотель: «Демокрит оставил в стороне цель и не говорил о ней, а возводил все, чем пользуется природа, к необходимости» (13, 23). Христианский писатель Лактанций: «Начать с того вопроса, который представляется первым по существу: есть ли провидение, которое направляет все на свете, или же все и создано и управляется случайностью. Основоположителем последнего мнения был Демокрит, защитником — Эпикур» (там же, 591). Дионисий: Демокрит «считает высшей мудростью постижение того, что происходит неразумно и без толку, а случай ставит и владыкой и царем вселенной и божественных (сил)» (там же, 29).

Как видно, необходимость, не управляемую божественным провидением, христианские писа-

тели называют случайностью, а Демокрита—философом, воспевающим «бестолковость» и «случай» во Вселенной. Отрицание промысла божьего, с их точки зрения, делало философию Эпикура, Лукреция и Демокрита «вредной» и «опасной», и они отвергали ее с порога, а само отрицание промысла считали введением случайности в качестве творца мира. У Данте (хотя в его поэме Демокрит находится в светлой части кругов «Ада», далеко от Эпикура) он изображен так:

Здесь тот, кто мир случайным полагает,
Философ знаменитый Демокрит.

(IV 133—134, пер. М. А. Лозинского)

В действительности Демокрит настолько был увлечен возможностью «сквозного» причинного объяснения мира, что объявлял всякого рода случайные события лишь субъективной иллюзией, порожденной незнанием подлинных причин происходящего. Знание же их, по убеждению Демокрита, превращает любую случайность в необходимость.

Демокрит, широко пользуясь распространенным в древности принципом аналогии микрокосмоса и макрокосмоса (см. 13, 9—12а), приводил в своих сочинениях примеры главным образом из человеческой практики. Поэтому Симпликий, а также вышеупомянутый Дионисий считают, что отрицание Демокритом случая не относилось к явлениям природы.

Согласно Демокриту, если человек нашел клад—это не случайно, ибо причиной было вскапывание земли или посадка оливкового дерева. Другой человек встретил того, кого не рассчитывал встретить; причиной было то, что

он пошел на рынок (см. там же, 24) и т. д. Любое явление имеет свою причину, поэтому нет случайности. Точно так же и миры и вещи возникают не случайно, а по причине сталкивания и отталкивания атомов, и весь космос — из вихря. По некоторым источникам, Демокрит называл вихрь необходимостью (см. там же, 23), овеществляя понятие в материальном явлении. Но видимо, вернее будет сказать, что он называл необходимостью движение атомов (см. 71, 346), которое было вечным, независимым от временно возникающих вихрей. Но в терминах телеологии Аристотеля и его комментаторов процесс самодвижения атомов характеризуется как «автоматический» (*to automaton*), т. е. спонтанный (см. 13, 18), а иногда «случайный», что является искажением взглядов Демокрита.

По мнению Эпикура, необходимость в философии Демокрита фатальна. Критикуя «физиков», Эпикур писал, что «лучше уж следовать мифу о богах, чем быть рабом предопределенности (почитаемой) естествоиспытателями» (там же, 37), так как неумолимая необходимость не оставляет даже такой надежды, как молитва. Возможно, отвечая на критику Аристотеля (который имел на него большое влияние), Эпикур, чтобы обосновать свободную волю человека, внес поправку в учение о движении атомов и допустил отклонение (*parenklisis*) атома от прямой линии при падении. Ведь атомы души тоже движутся, и, если они зависят от цепи причин и следствий, тянущихся в бесконечность, человек становится рабом необходимости. К. Маркс в своей диссертации показал, что это различие систем Демокрита и Эпикура существенно. Поправка Эпикура оказалась предвосхи-

щением современной науки, открывшей в движении микрочастиц соотношение неопределенностей.

Тем не менее, если вдуматься в учение Демокрита, станет ясно, что он не был фаталистом. Он отбрасывал случай только в прямом значении — «τύχη», т. е. отрицал слепую «судьбу», которая подобно мифологической богине Тюхе может внести внезапное изменение в естественный ход явлений. Он был приверженцем необходимости как естественного хода явлений (аристотелевское «*automaton*»). С другой стороны, он отрицал неизбежный рок фаталистов и судьбу — «Μοῖρα», которая тяготела, согласно греческой религии, над человеком и на поверку тоже оказывалась произволом, что было запечатлено древнегреческими трагиками.

Скорбит хор в трагедии Софокла «Эдип-царь»:

Богоравный владыка!

А ныне, где мрак погибели черней?

Где глубже грех? Резче смена жизни где?

Насмешка рока где полней?

(1204—1207, пер. Ф. Зелинского)

С точки зрения фатализма (который приобрел классическую форму в стоицизме) все события предопределены с незапамятного прошлого по настоящее и будущее цепью причин и следствий. Так истолковал взгляд Демокрита только Псевдоплатарх (см. 13, 23). Однако в указанном фрагменте говорится о том, что раз движение атомов вечно, то в нем заложены и причины настоящего. Но для каждого явления Демокрит искал специфическую причину, осуществляя самоотверженный научный поиск, что

не имело бы никакого смысла, если бы он стоял на точке зрения фатализма. Этика Демокрита также лишена фатализма и предполагает свободную волю человека (см. ниже, гл. VII); это полностью признавал Эпикур, который, однако, усматривал в этом непоследовательность и считал, что у Демокрита «теория приходит в столкновение с практикой» (13, 36а).

Вопрос о характере детерминизма Демокрита исследовал советский ученый И. Д. Рожанский. В своей книге он сравнил космологические взгляды Анаксагора и Демокрита (см. 55, 207—208). Согласно Анаксагору, если бы космообразование могло произойти не только у нас, но и в другом месте, то этот мир был бы во всех отношениях подобен нашему. Такая точка зрения была связана с анаксагоровским пониманием космоса как живого организма, который сам себя воспроизводит. Демокрит с этим не согласен. Бесчисленные миры могут быть совершенно различны. В некоторых нет ни Солнца, ни Луны, в других Солнце и Луна больше наших, в третьих же их большее число. Могут быть и такие миры, где совершенно нет воды и там нет растений и животных (см. 13, 343; 344; 349).

Таким образом, хотя Демокрит и детерминист, но, согласно его взгляду, закономерности, управляющие движением атомов, оставляют неограниченное поле возможностей (в силу бесконечного разнообразия как самих атомов, так и их сочетаний) для образования самых разных миров. То же разнообразие атомов создает различные цепи причин и следствий, которые требуют исследования в каждом отдельном случае. Итак, у Демокрита случайность и необходи-

мость не исключают, а предполагают друг друга. Эпикур был прав, видимо, обвиняя Демокрита в том, что он недостаточно обосновал этот взгляд самим движением атомов.

РАЗВИТИЕ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ

О живой природе Демокрит (судя по заглавиям) писал в сочинениях: «О природе», «Малый мирострой», а также в нескольких книгах «Причин». Не все наблюдаемое и виденное Демокрит прямо подчинял атомистической гипотезе, но всегда — каузальному пониманию мира.

В демокритовской картине мира смешиваются передовые для своего времени и уже устаревшие для греческой философии и физики взгляды. Замечательной была догадка Левкиппа и Демокрита (таков же был и взгляд Анаксагора) о звездной природе Млечного Пути. Аэций свидетельствует: «Демокрит говорит, что Млечный Путь — это совместное свечение многих малых, расположенных одна за другой звезд, светящихся вместе вследствие тесного расположения» (13, 418). По словам Сенеки, «Демокрит, самый тонкий ученый из всех древних, также утверждал, что он подозревает существование неизвестных нам (планет)» (там же, 390). Демокрит правильно считал, что в бесконечном пространстве («великой пустоте») нет ни «верха», ни «низа», ни «центра», ни «края» (см. там же, 361), только в космосе атомы падают «вниз», так как они притягиваются к центру вихря.

Но наряду с этим Демокрит представлял себе Землю плоской или имеющей форму вогну-

того, для удержания морей, барабана (хотя космос, по Демокриту, шаровиден). Он считал также, что Земля парит в центре космоса, не меняя своего положения (см. там же, 401—405). А ведь уже пифагорейцы учили, что шаровидная Земля вместе с другими планетами вращается вокруг «центрального огня» (см. 21, Д 44 А 17). Имеется все же одно не совсем ясное сообщение Диогена Лаэртция о том, что, согласно Демокриту, Земля вращается вокруг центра (возможно, вокруг своей оси) (см. 13, 404 и комм.). Вероятно, на каком-то этапе жизни Демокрит внес некоторые исправления в свою космологию.

В бесконечной Вселенной среди других миров возник наш Космос. Различные сочетания атомов обусловили разнообразие этого мира материальных вещей. Атомы различной формы и величины образовали первичные сочетания: огонь, воду, воздух и землю (см. там же, 271—281). Вода и земля — это смесь элементов, «панспермия» — «полный набор семян» (там же, 140а—145). Она потенциально способна на любые образования, в том числе живые.

Обычные атомы, сцепившиеся между собой зубцами и выступами и образовавшие большие по величине тела, как будто затормозили свое естественное движение, стали застывшими и неподвижными и движутся силой ударов и толчков (это атомы, составляющие воду, землю и другие сложные соединения).

Только шарообразные, или сферические, атомы огня имеют особую подвижность, потому что «они касаются (*других*) по наименьшей плоскости» и, видимо, потому что они в своем движе-

нии не задерживаются трением (там же, 131; 132; комм. 5 к 304), вследствие чего движутся вечно и беспрестанно. Атомы огня благодаря своей сферической форме не могут сцепляться и создавать одно целое. В своем движении они проникают повсюду и, если заполняют в достаточном количестве пустые поры в теле, придают ему свое движение.

Свойствами атомов огня Демокрит объяснял небесные явления. Он говорил, что гром вызывается тем, что с большой силой прорывается огонь, заключенный в облаках с очень толстым покровом. Когда же облако сталкивается с другими облаками, атомы огня как бы процеживаются через имеющиеся пустоты и собираются вместе — это вспыхивает молния. Наконец, когда этот поток порождающих огонь телец силой устремится вниз, молния падает на Землю. Подобно Анаксагору, Демокрит говорил, что звезды — камни, а воспламенились они от быстроты движения (см. там же, 415). Точно так же Солнце и Луна не вечны, а возникли, как и Земля, «при незаконченных образованиях отдельных миров» и их природа была сходной с природой земли, а не горячей; только впоследствии солнечная сфера, расширившись, «приняла в себя и огонь», и солнце стало «куском раскаленного металла или камня» (там же, 395; 396).

Таким образом, между огнем и движением имеется постоянное взаимодействие: от быстроты движения тела раскаляются, т. е. принимают в себя из окружения все больше атомов огня, и, наоборот, быстродвижущиеся атомы огня приводят тела в движение. Можно сказать, что движение атомов огня является силой, приводя-

щей в движение другие тела, ибо Демокрит определял силу как то, что воздействует и является причиной изменения в другом. Притом то, что воздействует, и то, что подвергается воздействию, одинаково, т. е. взаимодействуют атомы, одинаковые по форме. Если даже воздействующее инородно, оно действует «в инородном, поскольку оно сколько-нибудь одинаково», т. е. по принципу соединения подобного с подобным (там же, 315—326 и комм. к 321). Поэтому огненные атомы воздействуют на тело извне постольку, поскольку оно внутри имеет одинаковые атомы, и изнутри, поскольку они соединяются с такими же атомами вовне.

Именно так Демокрит представлял роль огненных атомов в живом организме, атомистически объясняя сущность жизни. И его концепция была шагом вперед по сравнению с гилозоизмом ионийских философов (хотя у Демокрита и были некоторые пережитки гилозоизма). Ни атомы сами по себе, ни их сложные соединения не были «живыми». Жизнь сообщали им атомы огня.

Если вдуматься в роль Демокритовых атомов огня, то их движение представляет у него вторую и, пожалуй, высшую форму движения. Первая элементарная форма движения — вихрь атомов. Вторичное же движение под воздействием атомов огня составляет, по Демокриту, как сущность жизни, так и сущность ума или психики человека; причем это уже не сугубо внешний источник движения. Атомы огня в теле человека и в связи с ним составляют его «душу» или ум, что, согласно Демокриту, одно и то же. Атомы души или разума есть везде, даже в мертвых предметах — камнях. Но там их слыш-

ком мало, они далеко отстоят друг от друга и не могут ни разогреть предмета, ни придать ему движения. Если сравнить мертвые предметы и живые, то, по Демокриту, жизнь — это результат количественного накопления, определенной концентрации движущихся огненных атомов, размещенных в ткани тела (см. там же, 443а—451). Древний гилозоизм здесь трансформирован в «физический» («огненный») план и почти исчезает: фиксируется различие живого и неживого.

Жизнь на Земле возникла из неживой материи путем спонтанной генерации из влажной земли. Согласно Демокриту (по мнению Рейнгардта, в свидетельстве Диодора, которое мы здесь приводим, излагается теория Демокрита), от солнечной теплоты «поверхность (еще полужидкой земли) вздулась, а некоторые влажные вещества вспучились во многих местах; в этих местах возникли гниlostные пузыри, покрытые тонкой кожей...». Вследствие нагревания они «стали нести живой плод», а когда «увеличились до надлежащего размера, оболочки лопнули под влиянием солнечного жара, и появились на свет различные виды животных» (13, 515). С преобладанием теплоты (огненного вещества) они оказались птицами, землистых веществ — сухопутными животными, влажных — плавающими. Животные собирались в виды по принципу тяготения подобного к подобному. Прямо из земли появились деревья и растения. Когда земля окончательно затвердела, она не могла больше рождать крупных животных и стала рождать лишь травы и другие растения, а также мельчайших животных, а «все одушевленные стали уже рождаться от взаимного смешения» (там же).

Об этой теории, которую Диодор позаимствовал от земляка Демокрита, философа Гекатея Абдерского (IV—III вв.) и которая повторяется у ученого Гермиппа (III в.), постоянно (особенно в зарубежной науке) идут споры. Одни ученые признают ее демокритовской, другие нет. Данная теория приводится и другими авторами (Цензорином, Аэцием, Лактанцием). Правда, она не излагается в терминах атомистического учения, но, во-первых, авторы, переработавшие ее, не были атомистами, а во-вторых, во всех остальных свидетельствах, касающихся вопросов биологии, у Демокрита прямо об атомах уже не говорится; речь ведь идет о соединениях, сложных телах. В биологии Демокрита (см. там же, 514—557) говорится о четырех элементах. Традиционное учение о них находилось в некотором противоречии с теорией атомов, но признавалось атомистами. Теория, приведенная Диодором, содержит взгляды, уже до Демокрита распространенные в Ионии; кроме того, подобная теория излагается в двух произведениях Гиппократов: в «О древней медицине» и «О мускулах». Наконец, еще у одного абдерита — Протагора, как мы увидим дальше, взгляды на возникновение жизни, человека, общества имели много общего с изложенными у Диодора. Нет сомнения, что именно «естествоиспытатель» Демокрит был основным автором теории, передаваемой Диодором.

Немало наивного и несостоятельного было и во взглядах Демокрита на происхождение и развитие жизни. Но в то же время у Демокрита обнаруживается замечательная догадка, своего рода зачатки теории естественного отбора. Уже Анаксимандр учил, что первоначально че-

ловек произошел от животных другого вида и «вначале был подобен ...рыбе» (14, 1, 39). Ксенофан на основе изучения окаменелостей и отпечатков доказывал, что некогда земля была покрыта водой и существовали только морские животные. Затем земля стала илом и эти животные были занесены на сушу, тогда появились и люди (см. там же, 103).

Взгляды Анаксимандра и Ксенофана на возникновение живых существ развивал в середине V в. Эмпедокл. Согласно его концепции, в природе под влиянием двух мировых сил — Любви и Вражды — был осуществлен ряд последовательных разрушений и созиданий животного царства. В первобытном море плавали сначала части тел животных — «голова без тел, руки без плеч, ноги без тела» (14, 2, 199). Под действием Любви они стали соединяться; но сначала это были уродливые образования — существа с двумя головами, с головой быка и телом человека, и наоборот. Эти образования оказались нежизнеспособными и погибли. После трех рождений улучшающихся, но все еще неудачных существ появились, наконец, совершенные, которые остались в живых (см. там же, 199—201; 159; 160). Так, в этой еще полумифической картине катастроф прозвучала мысль о выживании приспособленных. Идеи борьбы за существование, результатом которой является естественный отбор, здесь нет еще. «Уроды» Эмпедокла никакой борьбы не вели, они вообще были не способны к жизни.

Несравненно более научной была философия великого мыслителя V в. Анаксагора. Мы не знаем полностью его взглядов на происхождение жизни и человека; но до нас дошла его бле-

стящая догадка о решающей роли руки в становлении человека (см. 55, 201). Наличие рук привело, согласно Анаксагору, к развитию разума человека и определило превосходство последнего над животными. На каком же основании мы можем утверждать, что именно в учении Демокрита появились зачатки теории естественного отбора?

В «Физике» Аристотеля утверждается, что то или иное устройство тел животных возникает в силу естественной закономерности и необходимости, причем целесообразность этого устройства является результатом случайных благоприятных совпадений, которые сохранились, в то время как другие, неблагоприятные приводили и приводят к гибели организмов: «...что́ препятствует тому, чтобы так же обстояло дело и в природе, и с (отдельными) частями (тела), например, то, что из числа зубов в силу природной необходимости передние вырастают острыми, удобными для разрывания пищи, а коренные — плоскими, полезными для растирания пищи, т. е. не может ли быть, что это происходит не для указанной цели, а имеет место лишь случайное совпадение?.. (Части), в которых все совпало таким образом, как если бы они возникли для определенной цели, уцелели, так как они, образовавшись спонтанно, оказались полезными, части же не такого устройства погибли и погибают, подобно тому как Эмпедокл рассказывает о своих «быка порожденьях с лицом человеческим»» (13, 31). Здесь ясно выражена мысль о естественном отборе. Зубы животных устроены удобно и целесообразно для питания животных потому, что животные с такими зубами уцелели в борьбе с окружающей природой.

Но кому принадлежит эта мысль? Аристотелю? Великий систематизатор древности излагал не только свои взгляды. Он широко использовал труды философских предшественников, не всегда называя их по имени. С одними он соглашался, с другими полемизировал. Уже давно доказано, что в приведенном месте Аристотель излагал взгляды противника. Это подтверждается особенно последующими словами: «Таково это рассуждение, способное привести в недоумение...», а дальше говорится о «тех, которые выставили эту теорию».

Комментатор Аристотеля Симпликий, разъясняя это место, развил и более обстоятельно изложил приведенный детерминистский взгляд. Приведя в пример орлов, которые вследствие слишком искривленного клюва принуждены голодать и погибают, тогда как другие, наоборот, сохраняют жизнь, и повторив из текста Аристотеля стих Эмпедокла, Симпликий продолжает: «Все, что соединилось друг с другом таким образом, что могло уцелеть, стало живым и сохранилось, так как его части взаимно удовлетворяли одни потребностям других: зубы разрывали и разжевывали пищу, желудок переваривал ее, печень превращала ее в кровь... То же, что соединилось ненадлежащим образом, погибло... На этой точке зрения, по-видимому, стояли из древних физиков все те, которые считают (сквозную) необходимость, присущую материальному миру, причиной происходящего... а из более поздних — эпикурейцы» (там же, 516).

Почему же Аристотель не согласен с этим мнением?

Потому что все его мировоззрение пронизывает телеологическая точка зрения. Поэтому он

выступил против концепции «бесцельного процесса». Согласно Аристотелю, если у животных вырастают зубы, полезные для разрывания и растирания пищи, то дело не в необходимости, а в цели. Противник Аристотеля — материалист и детерминист, который все явления окружающего мира объясняет естественными причинами.

Как видно, у Аристотеля и Симпликия в изложении точки зрения противников объединены теории нескольких философов — «древних физиков», т. е. изучающих природу. Одним из них, несомненно, является Эмпедокл, который здесь прямо цитируется. Однако неверно, как это делают некоторые ученые, приписывать зачатки теории естественного отбора только Эмпедоклу. В приведенных строках ясно говорится о «древних физиках» во множественном числе. Кроме того, Симпликий и Аристотель приводят ряд мнений, которые никак нельзя считать принадлежащими Эмпедоклу.

Есть основания полагать, что автор высказанной точки зрения — Демокрит (см. 77, 111—133; 160—184). Неоднократное подчеркивание Аристотелем и Симпликием того, что у «древних физиков» материальная необходимость (*hylikē ananke*) — причина явлений, является прямым указанием на Демокрита, у которого признание этого было характерной чертой учения, а сам Демокрит был даже известен как «почитатель необходимости». Это подтверждает и включенный в новое издание Демокрита отрывок из произведения Аристотеля «О происхождении животных», где автор прямо полемикует с Демокритом. Здесь тоже речь идет о зубах, а именно о причине выпадения молочных зубов у животных, вырастания и выпадения

прочих и т. д. Оба философа в общем одинаково понимают это явление, но Аристотель обрушивается на Демокрита за то, что тот все объясняет «случаем и природной необходимостью», а не указывает разумной цели, не указывает, что это происходит «ради блага» (см. там же, 517).

Вспомним, что на подобные обвинения отвечал впоследствии Дарвин: «Если бы происходили только одни правильные изменения, естественный отбор был бы излишним». Интересно, что для Дарвина не осталось незамеченным приведенное нами место из второй книги «Физики» Аристотеля, где говорится о форме зубов животных. Несмотря на предоставленный ему сильно искаженный перевод, Дарвин усмотрел в нем как бы проблеск будущего начала естественного отбора. Можно сказать, что, так же как до великого Коперника существовал надолго забытый Аристарх, как до диалектики Гегеля «прирожденными диалектиками» (Энгельс) были древнегреческие философы, так и зародыш теории естественного отбора появился в учениях древнегреческих материалистов.

ВОПРОСЫ БИОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ. УЧЕНИЕ О ПОЗНАНИИ

...Последовательность мысли во все времена должна была помогать недостаточным еще знаниям двигаться дальше...

Ф. Энгельс

ЧЕЛОВЕК И ЕГО СТРОЕНИЕ

Мир, согласно Демокриту, не создан ради человека, и в бесконечной Вселенной есть космосы и без людей.

Человек также не творение богов, а продукт природы.

Земля, наполненная влагой, насыщенная атомами огня, рождала травы и растения, а также созревших под защитными оболочками животных вплоть до человека. А если это так, то человек — сын земли и воды. Так понял Демокрита римский писатель Цензорин (III в. н. э.), который утверждал, что, согласно Демокриту, «люди впервые были созданы из воды и грязи» (13, 514). Христианский писатель Лактанций

наставительно напоминал, что мир, по Священному писанию, создан на потребу человека, следовательно, «заблуждался Демокрит, считая, что люди вышли из земли так, как (выходят) червячки, без всякого творца и разумной цели» (там же). Однако правильно ли поняли эти авторы Демокрита? Конечно, человек возник без «творца», и это утверждали уже ионийские материалисты. Но из земли ли? Согласно приведенной нами выше теории, изложенной у Диодора и Гермиппа, только в очень отдаленные времена, когда земля была полужидкой, она способна была рождать животных заметной величины. Но под влиянием палящих лучей солнца земля высыхала, затвердевала и уже из нее могли возникать только травы, деревья, плоды и пресмыкающиеся. В конце концов земля «оказалась неспособной производить сколько-нибудь крупных животных; все одушевленные существа стали уже рождаться от взаимного смешения» (там же, 515). Итак, согласно этому изложению, пресмыкающиеся — последние животные, порожденные землей. Человек же, как одушевленное существо, не мог появиться таким образом. Но если люди возникли «путем взаимного смешения» уже имеющихся на земле живых существ, то человек, по Демокриту, вышел из животного мира. Другого вывода сделать нельзя, хотя в источниках это — недостающее звено. Но такой вывод не будет натяжкой, если вспомнить, что, уже согласно Анаксимандру, человек произошел от рыб.

Подобную теорию происхождения живых существ излагает средневековый схолиаст Иоанн Цецца и приписывает ее «эллинским философам». От раннехристианского писателя Ипполита мы

узнаем, что такая теория была у Анаксагора (см. 21, А 42 (12)). О разделении живых существ на виды согласно преобладанию в них одного из четырех элементов учил Эмпедокл. Мы имеем, таким образом, некоторые основания предполагать, что Демокрит, опираясь на учение Анаксагора и Эмпедокла, выдвинул свое, согласно которому разумные существа возникли позже растений и мелких животных и возникли путем рождения. Из учения Демокрита и Анаксагора о первых людях и создании ими общества (см. ниже, гл. IV) также видно, что эти философы не считали, что первые люди появились «из земли»; хотя эти люди неопытны и живут «звероподобно», нет никакого намека на то, что они рождались иначе, чем нормально.

Согласно Демокриту, органы человека, так же как и животных, формировались в силу необходимости, по принципу полезности (см. 13, 34). Демокрит исследует строение и функционирование органов как животного, так и человеческого тела, явно не усматривая в них принципиального различия. Так, одинакова, по его мнению, причина роста и выпадения зубов, строение легких, пищевода, ноздрей и других органов, а сами тела человека и животного состоят из одной и той же материи — воздуха и воды (см. там же, 518). Последний взгляд Аристотель передает, не указывая имени ученого. Однако характерные выражения: «спонтанно» (*to automaton*), «по необходимости» (*eks anankes*) — позволяют предполагать в качестве автора Демокрита. Здесь, так же как и во всей биологии Демокрита, об атомах прямо не говорится. Однако не так давно «демокритоведение» обогатилось новым фрагментом, который, хотя,

видимо, и искаженно, трактует об атомистическом строении человеческого тела. Этот фрагмент связан с известным сравнением атомов и их естественного движения с беспорядочным (типа «броуновского») движением пылинок в луче солнца. Остановимся немного на этом сравнении.

Существовал древний пифагорейский взгляд, по которому пылинки, носящиеся в воздухе и видимые в солнечном луче, представляют собой души покойников и еще не рожденных людей (см. там же, комм. 1 к 200). У Анаксагора эти пылинки стали моделью для научного наблюдения, с помощью которой он объяснял движение воздуха. По свидетельству Плутарха, «Анаксагор говорил, что воздух приводится Солнцем в движение, которое имеет характер дрожания и колебания, как это ясно видно на примере легких крошек и осколков, вечно носящихся в лучах Солнца и называемых пылинками» (55, 281). Моделью атомов сделал их позже пифагореец Экфант из Сиракуз (время жизни точно неизвестно), который, возможно, под влиянием Демокрита превратил пифагорейские монады в физические атомы (см. 13, 201 и 64, 97; 98).

Но прочнее всего образ пылинок в луче солнца связан с учением Демокрита. Об этом сообщают Аристотель, его комментаторы Симпликий, Филопон, Фемистий, Софоний, а также Иероним, Лактанций, Суда. Демокрит говорил о пылинках как о модели движущихся атомов, но прежде всего атомов души. Довольно ясно объяснил это Фемистий: «Нет ничего удивительного в том, что душа невидима, хотя она и есть тело: ведь, как замечает Демокрит, и так

называемые пылинки, которые наблюдаются в лучах (солнца), пропускаемых через окно, невозможно было бы наблюдать, когда не сияет солнце, но воздух кажется нам совершенно пустым, хотя он и наполнен твердыми телами. Но атомы еще много мельче, чем эти пылинки, и движутся много быстрее, чем они, а особенно шарообразные атомы, из которых состоит душа» (там же, 200). Христианские писатели, не понимая философского значения учения Демокрита о невидимых атомах, прямо отождествляли их с пылью, причем Иероним нашел возможным даже сослаться на строки из Ветхого завета, где говорится о пыли (см. там же, 202).

В 1968 г. ученый-филолог из ГДР Г Штромайер обнаружил неизвестный (видимо, подлинный) фрагмент Демокрита на арабском языке. Это цитата, приведенная в медицинском сочинении придворного врача султана Саладина Ибн аль-Матрана (ум. 1191) «Сад врачей и золото разумных». Отрывок гласит: «Утверждение Демокрита — это человек с пылью и частицами, которые не делятся. Он говорит: консистенция тела — это тончайшая пыль, которая в воздухе находится размельченной и видима в луче солнца. Доказательство для этого следующее: если встать под луч солнца и почесывать тело, то именно такая пыль из него поднимается вверх и снимается с кожи, так что кожа отслаивается все время, пока почесывание продолжается. Он говорил: и это отслаивание происходит вследствие измельчения того, что разрушается в составе тела из тех частей, которые не делятся» (84, 2). С помощью филологических изысканий исследователь пришел к выводу, что цитата могла быть позаимствована из произведения

римского врача II в. н. э. Клавдия Галена, которое было переведено на арабский язык. На основе фрагмента он заключил, что Демокрит, который в отличие от Эпикура признавал атомы разной, даже большой, величины (см. 13, 204; 207; 230), действительно «пылинки в луче солнца» считал атомами.

Это единственный фрагмент об атомистическом строении человеческого тела. Он, несомненно, обогащает наши знания о Демокрите. Однако что касается прямого отождествления атомов с пылинками, то такое толкование вряд ли корректно. Хотя Гален не искажал имени Демокрита, как это часто встречается в средние века, вряд ли можно считать точной всю цитату. Все греческие источники, близкие по времени к Демокриту, указывают на то, что пылинки были только моделью, аналогией. Значит, взгляд Демокрита был не более наивен, чем взгляд Эпикура.

Какова роль пылинок у атомистов, ярко передает Лукреций:

...Вот посмотри: всякий раз, когда солнечный свет
 проникает
 В наши жилища и мрак прорезает своими лучами,
 Множество маленьких тел в пустоте, ты увидишь,
 мелькая,
 Мечутся взад и вперед в лучистом сиянии света...
 Можешь из этого ты уяснить себе, как неустанно
 Первоначала вещей в пустоте необъятной мнутся...

(II 114—117; 121—122)

Согласно Лукрецию, первоначала приводят в движение мелкие соединения атомов, те — более крупные и т. д., пока, наконец, движение не достигает наших чувств и не становится видимым в пылинках в солнечном свете.

Как мы уже видели, по Демокриту, сущность живого — огненные атомы. Если тело состоит из воздуха и воды, то атомы огня (а они сродни воздуху) составляют душу человека. Именно наличие души (т. е. бóльшая концентрация атомов огня, вызывающих как вторичное явление теплоту) отличает человека от животных (см. 13, комм. к XLV и комм. 1 к 342а).

Комментатор Аристотеля Филопон отмечал, что атомы души наиболее бестелесные из всех тел только вследствие своей малости. Душа тот же огонь (см. там же, 443а; 444; 447—451), но ее атомы еще мельче и тоньше атомов огня. Она движет и оживляет человека, только будучи в связи с его телом и поскольку это тело способно удерживать эти мелкие и подвижные атомы в порах организма, где они чередуются с другими атомами тела. Атомы души особенно концентрируются в пустотах мозга, и потому в нем центр разума (по другим источникам — в сердце). Возможно, Демокрит признавал не один центр разума, или его взгляд на этот вопрос менялся. Неразумная же часть души рассеяна по всему организму (см. там же, 83; 455). Больше всего огненных атомов в воздухе, так что он при дыхании становится источником пополнения атомов души. Огненные атомы воздуха и души Демокрит считал самыми тонкими, причем только в живом организме они сосредоточены в достаточной мере и находятся «в надлежащей пропорции» с холодными атомами (см. там же, 460).

Лукреций так передает это учение Демокрита:

В этих вопросах смотри, не держись ты такого же
взгляда,
Как полагает о том Демокрита священное мненье:

Будто один за другим расположены — атом телесный
С атомом духа — и так, чередуясь, связуют все члены.
(там же, 454)

Значит, душа не заперта в теле, как в темнице, как верили орфики, а затем утверждал Платон; она находится в тесной связи со всем телом, хотя атомы души и не сцепляются с другими и движутся быстрее. Их движение становится источником жизни и сознания.

Человек жив, пока он дышит; дыхание обеспечивает человеку равновесие: оно выравнивает количество огненных атомов, уходящих с выдохом и входящих из воздуха при вдохе (см. 13, 462; 463. Ср. 34, 58). Души, согласно Демокриту, погибают, «ибо то, что рождается вместе с телом, с необходимостью должно погибнуть вместе с ним» (13, 466).

Отрицание существования отдельной от тела бессмертной души было также разрывом с мифологией, особенно это противоречило взглядам, которые распространяли орфики, пифагорейцы (учение о метемпсихозе — переселении душ), а затем Платон. Оно подтверждает атеистический характер учения Демокрита. Ибо, по словам Фейербаха, самим «предметом религии является самостоятельное, от человека отличное и независимое существо, которое есть не только внешняя природа, но и внутренняя природа человека как нечто независимое и отличное от его воли и разума». Это высказывание Фейербаха В. И. Ленин охарактеризовал как «превосходное, философское (и в то же время простое и ясное) объяснение сути религии» (3, 29, 59). Он отрицал «бессмертную душу» — и это имело принципиальное философское значение.

дым днем убавлял пищу. Когда же он почувствовал, что умирает, то, не желая испортить женщинам в доме праздник Фемосфорий, он искусственно продлил себе жизнь, приказав поставить около себя сосуд меда, и питался некоторое время только его испарениями (по другой версии — поднося к ноздрям горячие хлебы). У Диогена Лаэртция есть стихи о том, как Демокрит задержал смерть:

Кто же еще был так мудр, кто дело исполнил такое
Славное, что совершил знающий все Демокрит?
Смерть, что явилась за ним, задержал на три дня
в своем доме,
Лишь угощая ее паром горячих хлебов.

(13, LIII)

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА

Человек для Демокрита не только биологическое существо, состоящее из тела и «души» (т. е. психики и сознания). Человек — это сложное образование атомов и субъект познания, целый «микрокосмос». «Человек — это то, что все мы знаем», — говорил Демокрит, но эта фраза оборвана скептиком Секстом Эмпириком, которому очень не понравилось такое «догматическое» утверждение. Согласно Аристотелю и его комментаторам, Демокрит хотел сказать, что мы все знаем человека внешне, по его виду, но надо объяснить о нем то, что неясно (см. 13, 65). Недостаточно выяснена, с точки зрения Демокрита, материальная сущность человека (см. предыдущий параграф). Неясным был также вопрос о познании мира человеком.

Развитие древнегреческой науки и философии, накопивших множество неразрешенных проблем,

настойчиво выдвигало вопросы теории познания. Как мы уже видели, гносеологическая проблематика, появившаяся в учении элеатов, и поставленные ими вопросы привели к возникновению атомистического материализма. В системе Левкиппа — Демокрита было признано различие и противоположность чувственного восприятия и разумного мышления.

Подобно элеатам Демокрит сомневался в абсолютной достоверности показаний чувств. В его учении о познании была немалая доля скепсиса, и вовсе не случайно в таблицах преемственности философов одна линия последователей Демокрита ведет к основателю скептицизма Пиррону (см. там же, LXXXI; LXXXII), а скептик Секст Эмпирик очень часто цитирует Демокрита. Но у последнего это был пропедевтический скептицизм, который вел к углублению познания; сомнение у Демокрита служит постановке вопроса, а вопрос должен быть решен. Демокрит не останавливается на простой констатации противоречия, что вело парменидовскую дилемму и зеноновские апории в метафизический тупик, к отрыву кажущегося от реального. Он ищет его решение, видя в этом поиске настоящий смысл жизни философа. Многие противоречия остаются теоретически неразрешенными, но элементы диалектики помогают преодолевать их интуитивно и дальше строить систему, которую Аристотель называл самой последовательной из предыдущих (см. там же, 146).

Вопрос об источниках нашего познания, о существовании объективной истины и т. п. В. И. Ленин называл «старым, престарым философским вопросом», который состоит прежде

всего в том, дана ли человеку в ощущениях объективная реальность, философское понятие для которой есть материя. Именно по этому поводу В. И. Ленин говорит о двух тенденциях, или линиях, — Платона и Демокрита — в философии, в которых выражена борьба материализма и идеализма, равно как борьба науки и религии, а также борьба сторонников «отрицания объективной истины и признания ее» и «сторонников сверхчувственного знания с противниками его». Линию Демокрита В. И. Ленин связывает с положительным решением второй стороны основного вопроса философии (см. 3, 18, 131).

Античный материализм не был еще развитым материализмом, но содержал в себе его «непреходящие основы» (2, 20, 142). В XIX в. эмпириокритики «по-новому» доказали, что пространство и атомы — «рабочие гипотезы». «Мы вовсе не идеалисты, — иронически высказывается за них В. И. Ленин, — это клевета, мы только трудимся (вместе с идеалистами) над опровержением гносеологической линии Демокрита, трудимся уже более 2000 лет, — и все напрасно!» (3, 18, 376). К этому мы можем добавить, что «жалоба» эмпириокритиков — это голос субъективных идеалистов и нашего времени (см. ниже, гл. VII).

В познании человека Демокрит видел отражение подлинной реальности, существующей объективно вне нашего сознания. Процесс познания состоит как из ощущений, так и из разумного познания. Особенно высоко ценил Демокрит второе, ибо только разумом можно прийти до понимания атомного строения материи, до постижения атомов и пустоты: органы чувств прямо о них не свидетельствуют. Поэтому Де-

мокрит полемизировал с софистами, опровергая их сенсуализм и релятивизм. Некоторые из них считали, что все ощущения истинны, а следовательно, «какой мне кажется каждая вещь, такова она для меня и есть, а какой тебе, такова же она, в свою очередь, для тебя» (Платон. Тезетет, 152а). Протагор утверждал соответственно этому тезису, что каждая вещь, «не более такова, чем такова», Демокрит же «написал против него много убедительного» (13, LXXIII). В частности, Демокрит логически опровергал тезис о том, что все истинно. Ведь если кто-нибудь полагает, что не все истинно, то и этот тезис будет истинным, и, таким образом, положение, что все истинно, оказывается ложным. Демокрит опровергал и софиста скептического толка Ксениада, утверждающего, что все ложно: ведь если все ложно, то ложно и то, что все ложно (см. 53, 55).

Но, опровергая релятивизм, основанный на крайнем сенсуализме, Демокрит выступал и против умозрений, оторванных от чувственных данных. Демокрит различал два вида познания: чувственное и разумное. Чувственное познание он называл «темным» (*gnome skotīe*), так как оно затемняется обманом ощущений, индивидуальными особенностями познающего субъекта и т. д., разумное же, теоретическое мышление он называл «светлым» (*gnome gnesīe*), ибо оно глубже проникает в суть вещей, способно открывать существование атомов и пустоты (см. 13, 83). Но разум не имеет особой природы. Он то же, что и душа, состоит из тех же атомов огня. В своем различении разума и чувств Демокрит несколько противоречив. То он отождествляет ощущения и мысль (см. там же, 68), то

он противопоставляет их друг другу (см. там же, 55; 79; 80). Но на поверку оказывается, что в одном Демокрит усматривает тождество: в телесном характере того и другого, в едином материальном субстрате, противоположность же (вернее, различие) — в их роли и значении для познания.

Чувственное восприятие и мышление, разум выступают у Демокрита как две ступени (или два уровня) познания: низшая и высшая, которые дополняют друг друга. Это различие обусловлено психологией античного ученого, который оперировал, хотя еще неосознанно, понятием порога ощущения. Согласно Демокриту, сущностью каждого мира являются минимальной величины атомы и пустота, а также первичные сочетания атомов, а все это органам чувств человека и животных недоступно.

Незадолго до Демокрита Эмпедокл учил, что материя может быть в очень разреженном состоянии (воздух — вещество, занимающее весьма обширное пространство) и прямо не обнаруживаться органами чувств (см. 14, 2, 165), а Анаксагор, смешивая по капле белую и черную жидкость, показывал, что мы до определенного предела мелких перемен не постигаем, следовательно, чувства являются неточными, хотя и не целиком ошибочными свидетелями реальности (см. 55, 21). Демокрит еще больше приближается к пониманию порога ощущений. Органы чувств так устроены, что воспринимают только вещи, целые конгломераты атомов, и те свойства, которые возникают от их сочетаний (см. 13, 90), а также от взаимодействия предметов с органами чувств. Так, например, нет в природе острого вкуса, но он появляется в восприятии

и в «мнении», когда на органы чувств воздействует вещество, составленное преимущественно из атомов острой, угловатой, формы; цвет зависит от поворота атомов и т. д. (см. там же, 496—499). Таким образом, теплое и холодное, цвет, вкус и запах существуют «по мнению», а «по истине» — атомы и пустота.

Итак, мышление не может вскрыть истины без чувств, а чувственные ощущения обманчивы, они ее затемняют. Отсюда трудность познания истины. Это Демокрит выразил, пользуясь изречением, которое давно употреблялось в народной речи и в литературе и затем вошло в поговорку: «истина скрыта в глубине» или «на дне глубокого колодца» (там же, 51). Это изречение выражает трудный путь к истине, а не свидетельствует об агностицизме, который приписывают Демокриту многие идеалистически настроенные историки философии.

Демокрит обосновывал трудность познания также индивидуальными свойствами каждого человека. Согласно Сексту Эмпирику, который всячески выпячивает скептические моменты в философии предшественников, Демокрит говорил: «В самом деле мы ничего непреложного не воспринимаем, но лишь нечто изменяющееся в зависимости от того, как организовано наше тело, от того, что к нему притекает, и от того, что реагирует на этот приток» (там же, 55). Постановка вопроса о роли субъекта в познании тоже была плодотворна в развитии философии и по сути дела правильна. Но это в какой-то мере сближало Демокрита с Протагором, что послужило для многих идеалистически настроенных толкователей философии Демокрита поводом для приписывания ему агностицизма и

отказа от объективной истины. Однако в учениях Демокрита и Протагора было существенное различие: по Протагору, нет критерия для различения истины и лжи (см. 16, 1, 73); человек, и как коллектив, и как индивид, — мера всех вещей, причем имелось в виду именно его чувственное восприятие окружающего; Демокрит же (если точен источник) имел иную точку зрения: «Для всех людей одно и то же добро и истина, приятно же одному одно, другому другое» (13, 89), т. е. он ограничивал чисто субъективную сторону познания. Протагор, как и Демокрит, признавал основой бытия реальную «текущую материю» (18, 2, 252). Но Демокрит, кроме того, считал реальный мир, состоящий из атомов, основой ощущений; существование атомов он объявлял подлинно истинным и в этой истине не сомневался, ибо она объясняла всю природу, ее становление, устройство, эта истина не противоречила, а, наоборот, подтверждала данные чувственного опыта.

Учение Демокрита о соотношении разума и чувств в процессе познания было большим завоеванием античной философии. Это соотношение понималось, по сути дела, как единство противоположностей. Об этом говорится, в частности, в диалоге — споре, часть которого передана Галеном.

Римский врач Гален, который, как преемник школы Гиппократата, располагал, видимо, сочинениями Демокрита, оставил ряд сведений о последнем. На основе двух свидетельств Галена можно составить следующий диалог:

Говорит разум (мысль):

«Только считают (пóτοί), что существует цвет, только считают, что существует сладкое, только

считают, что существует горькое, в действительности же — атомы и пустота» (13, 90).

На это отвечают ему чувства:

«Жалкая мысль! От нас ты взяла (все), на что ты опираешься, и нас же ниспровергаешь? Ниспровергая нас, ты падаешь сама» (там же, 80).

В учении Демокрита о познании замечателен не только элемент диалектики. Демокрит преодолевал в своей гносеологии ограниченность наивного реализма ионийских философов и, сознавая всю сложность отношений субъекта к объекту, в сущности впервые ставил огромной важности проблему, получившую в философии Нового времени название проблемы «первичных и вторичных качеств».

Первичные качества, согласно Демокриту, это фигура, порядок и положение атомов. Они постигаются разумом и существуют в «действительности» (ετερε̅; эту категорию тоже впервые ввел в философию Демокрит). Действительность означает у Демокрита, во-первых, объективно существующие атомы и пустоту, во-вторых, предмет познания и, в-третьих, истину (см. 34, 130). А поскольку каузальная связь была для Демокрита всеобщей закономерностью, то, в-четвертых, действительность означает у него также подлинную причину всех ощущений и восприятий.

Вторичные качества, согласно Демокриту, это чувственно воспринимаемые свойства вещей: тепло, холод, цвет, вкус, запах. Они существуют «во мнении» (ποπο), так как связаны с субъектом и его органами чувств. Однако они вызываются действительностью; форма и сочетание атомов определяют те или иные чувственные

качества. Таким образом, уже Демокрит дал диспозиционное решение проблемы первичных и вторичных качеств, притом не впадая в субъективизм. Но мы должны все же отметить, что излишнее подчеркивание иллюзорности чувственного познания было слабой стороной гносеологии Демокрита. Противоречие, обнаруженное философией между видами познания, осталось у Демокрита неразрешенным до конца, и это дало основание молодому Марксу говорить о противоречивости и неуверенности Демокрита в этом вопросе, о некотором разрыве между его теоретическими и практическими установками (см. 2, 40, 160—163). Тем не менее Демокрит положительно решал вопрос о познаваемости мира. Его материалистическая теория способствовала развитию научного исследования.

Огромной заслугой Демокрита было также создание одного из первых в Древней Греции логических учений. Вероятно, мы могли бы говорить о системе логики, если бы до нас дошел его трактат «О логике» или «Канон» (в трех книгах). В нем излагалось учение о критерии истины, хотя слово «критерий» Демокрит, возможно, еще не употреблял. К сожалению, от этого произведения остались только немногочисленные отрывки. Согласно Аристотелю, из философов-естествоиспытателей («физиков») впервые Демокрит стал оперировать логическими понятиями и определениями, и «в методе исследования он выгодно отличается от других» (13, 99; 100).

На основе свидетельств Секста Эмпирика (Против ученых VII 138) и Альберта Великого (Этика I 1, 3), а также некоторых других источников А. О. Маковельский следующим

образом восстанавливает суть логического учения Демокрита. Критериями истины являются: «1) «совершенное ощущение», т. е. чувственное восприятие, совершаемое в условиях научной проверки; 2) «совершенный разум», т. е. ум, вооруженный научным методом и руководствующийся правильными принципами исследования и 3) чувственная практика, служащая проверкой принятых нами мнений, поскольку применение в жизни тех или иных положений приносит нам пользу или вред, содействует нашему благу или причиняет нам страдание» (51, 54—55). Это учение затем развил демокритовец и учитель Эпикура Навсифан в своем логическом произведении «Треножник», а затем Эпикур в своей «Канонике».

Выступая против «аподейктики», т. е. чисто дедуктивного метода, Демокрит явился одним из зачинателей индуктивной логики (см. 47 и 46, 440—445), которая была включена Аристотелем в его грандиозную логическую систему (основным методом Аристотеля была дедукция, силлогизм) и получила развитие в эпикурейской школе.

Лексикограф Суда под словом «необходимое» сообщает о том, как Демокрит классифицировал суждения и как широко он понимал в логике το αναγκαιον. Согласно Суде, Демокрит разделял все существующее на то, что существует в силу необходимости, т. е. всегда во всех случаях (например, человек — живое существо), 2) и то, что возможно. Из возможного а) одно существует в огромном большинстве случаев (например, человек имеет пять пальцев; старея, седеют), б) другое случается реже (например, противоположное — что человек имеет от рож-

дения четыре пальца или шесть, или же, что, старея, человек не седеет). Наконец, 3) некоторые явления в равной мере существуют или не существуют (например, человек занимается общественными делами или не занимается, уезжает или не уезжает). Свидетельство Суды, позднего, но ценного по своим источникам автора, совпадает с рассуждением Аристотеля в его логическом сочинении «Топика» и с высказываниями его комментатора Александра, поэтому данную классификацию считали (вопреки прямому свидетельству Суды) принадлежащей только Аристотелю. Но Аристотель здесь, как и в ряде других мест, мог опираться и, видимо, опирался на Демокрита. В свидетельстве Суды имеется один пример, который не мог принадлежать Демокриту: «необходимо, например, что бог нетленен». Но вряд ли он принадлежал и Аристотелю. Поздние комментаторы, в частности стоики, считали своим долгом снабжать тексты классиков подобными «наставительными» примерами; рецепты таких приемов изложены в специальном сочинении у Плутарха (см. 46, 571—575 и 47, 61; 62).

То, что бывает не во всех случаях, Аристотель называл «привходящим», или «совпадающим» (*symbebekos*). Определяя это «привходящее» в другом месте (Метафизика V 30), он дает пример, взятый, видимо, из сочинения Демокрита: человек копал яму под деревом и нашел клад. Конечно, это случается не каждый раз, поэтому это «привходящее». Как видим, здесь, по сути дела, дается пример случайного. Но, по Демокриту, который отрицал чистую случайность (*tyche*), такие совпадения не мешали необходимости. Совпадениями (то же слово

«*symbebekos*») он объяснял, как мы уже видели, и целесообразность строения органов животных и человека, что было чуждо Аристотелю. В данном у Суды примере, согласно Демокриту, наличие пяти пальцев можно было считать характерной чертой человека, хотя бывают случаи, когда люди рождаются с другим количеством пальцев. А когда совпадения оказывались полезными, животные сохранялись и не гибли (см. выше, с. 73—75); в этом — спонтанность развития, в ней же проявляется необходимость. Таким образом, индуктивная логика Демокрита не обнаруживает тенденций к фаталистическому толкованию действительности. Демокрит, не формулируя еще законов логики как таковых, фактически применил закон исключенного третьего (см. 13, 104) и — вслед за Левкиппом — закон достаточного основания в его онтологической форме: «Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости» (там же, 22).

В теории атомов и в математике Демокрит применял метод сведения сложного к простому и последующего объяснения сложного как суммы составных элементов. Применяя этот метод к самой логике, Демокрит выделял элементы мышления: данные чувственного восприятия и суждения. Суждения состоят из субъекта и предиката: «имени» и «глагола». Далее следуют более сложные образования — сочетания суждений. Такая схема приводится Платоном в «Теэтете» (201с и сл. См. 15, 81—82).

Демокрит часто пользовался также методом аналогии, который широко применяли и другие греческие философы и который восходил еще к

предфилософскому сознанию. Этот метод переносил черты непосредственно наблюдаемого окружающего мира на всю природу, на весь космос. Так, например, в соответствии с принципом «подобное стремится к подобному» Демокрит утверждал, что познание основывается на определенном тождестве субъекта и объекта, микрокосмоса и макрокосмоса. Выводы, сделанные на основе аналогического метода, в древности иногда наталкивали на плодотворные догадки, но чаще, утверждая сходство внешних и второстепенных признаков, вели к ошибкам.

«ЭМПИРИЧЕСКИЙ МЕТОД»

Еще Маркс в своей диссертации писал о жажде знаний Демокрита, о его всесторонности и о том, что тот обратился к «опытному наблюдению» (2, 40, 162). И действительно, в работах Демокрита не только содержится энциклопедический для древности свод положительных знаний. Ряд теоретических выводов Демокрит сделал на основе опытов и наблюдений. Так, положение о чередовании атомов с пустотой в сложных телах он подтвердил опытом с золой, которая пропускала воду (см. 13, 255); закон притяжения подобного подобным — аналогиями из жизни природы: животные собираются стаями по породам, камешки на морском берегу — в кучки одинаковой величины (см. там же, 11; 133). Потоки атомов, по Демокриту, движутся как пылинки в солнечном луче. Унаследованная от элеатов гениальная догадка о сохранении вещества (которая получила большое признание Д. И. Менделеева) также подтверждается ссылками на природные явления, например кругово-

рот воды. Зачатки учения о бесконечно малых были связаны с наблюдениями над каменной кладкой строений. Мы видели, что как в математических, так и в других исследованиях Демокрит часто пользуется методом индуктивной логики. Упомянутый нами новый отрывок (см. выше, с. 81) об атомистическом составе человеческого тела тоже включает описание эксперимента. Тонкое наблюдение позволило Демокриту подтвердить опытным путем саму основу его теории: атомарную делимость материи. Демокрит заметил, что руки золотых или позолоченных статуй худеют от прикосновения тысяч уст. Эта способность золота к распылению подтверждала атомистическую гипотезу. Наконец, Демокрит первый исследовал зажигательные действия вогнутых зеркал. А его биологические фрагменты свидетельствуют об анатомировании животных.

В рассказах о жизни Демокрита он всегда представлен в уединении, занятый экспериментами и наблюдениями: вскрывает убитых животных, наблюдает трупы, одно время специально для своих наблюдений он проживает на кладбище (см. 13, XIIIa; 579a). Это вполне согласуется с положением его теории познания о том, что единственным источником знаний являются ощущения, которые затем осмысляются разумом. Историк античной философии Дж. де Сантиллана приводит стихотворение Бертона «Анатомия меланхолии», которое в сатирическом свете изображает Демокрита-естествоиспытателя:

В тени деревьев старик Демокрит
Сидит на камне, в книгу глядит.
Висят кругом трупы меж ветвей

Кошек, собак и подобных зверей.
 Анатомирует он их строение,
 Ищет холеры местонахождение...
 Проглядывает небо над головой
 И Сатурн, бог меланхолии, злой.

(83, 141, пер. наш. — Б. В.)

Источником этого образа являются «Гиппократовы письма», о которых говорилось выше. Но облик Демокрита-ученого (хотя он превращен волей поэта из «смеющегося философа» древности в меланхолика), стремящегося доказывать свои положения экспериментально, передан верно.

Вполне правомерна характеристика, данная Марксом и Энгельсом Демокриту: это был «эмпирический естествоиспытатель» (2, 3, 126). Однако древнегреческая наука еще не знала эмпирического естествознания. Низкий уровень производительных сил не мог предоставить естествознанию должной экспериментальной базы. Античная диалектика правильно схватывала картину мира в целом, но не могла научно объяснить природу в частности (см. 2, 20, 369; 370).

Это противоречие налицо в мировоззрении Демокрита. Если его материалистические принципы не устарели и за 2000 лет и не устареют и дальше, то его конкретные естественнонаучные взгляды, несмотря на имеющиеся в них гениальные догадки, являются стихийными, наивными, а многие и неправильными. Где не хватало фактического материала, его заменяло воображение. Проверить выводы на практике было почти невозможно.

Тут мы подходим к демокритовской «теории идолов».

«ТЕОРИЯ ИДОЛОВ»

Если некоторые ученые и сомневались в существовании теории отражения у греков, то этот взгляд полностью опровергается знаменитой теорией «истечений», которая, несомненно, была первой в истории философии теорией отражения. Она является атомистическим, естественнонаучным обоснованием теории познания Демокрита. Как же, согласно этой теории, происходит процесс познания при зрительном восприятии?

С поверхности каждого предмета постоянно отделяются потоками кадров тончайшие пленки, образы (*eidola* или *deikela*) и по форме и по цвету такие же, как его поверхность, но полые внутри и недоступные вследствие своей тонкости никаким другим чувствам, кроме зрения (см. 13, 467—471). Они состоят из таких же атомов, что и поверхность излучающего предмета. В воздухе эти образы составляют тысячи отпечатков-изображений. С помощью встречных истечений из влажной части глаз (можно сказать, лучей) они попадают, продвигаясь по ним, в наш глаз и уменьшаются по закону перспективы. Зрительные и другие образы могут попадать прямо в тело — тогда они вызывают видения и сновидения. Таким образом, зрение, по мнению Демокрита, возникает «благодаря изображению» (там же, 478).

С. И. Вавилов находил в этой теории, унаследованной затем Эпикуром и Лукрецием, зерно истины с точки зрения современной теории света. Волновое поле, распространяющееся от освещенного предмета, скрывает в себе потенциальное изображение, которое может быть

проявлено соответствующей оптической системой; глаза как раз такую систему содержат. В этом смысле от светящихся предметов действительно летят «призраки» (см. 12, 2, 38). Кроме того, Демокрит высказал догадку о роли Солнца в зрительном восприятии, и, видимо, развитием этого взгляда было мнение Эпикура о том, что цвета меняются в зависимости от ощущений. Г. Лей сравнивает «образы» Демокрита с фотонами, которые, как мы сегодня знаем, проецируют в глазу образ предмета (см. 76, 263). Наконец, замечательно представление о том, что «образы» движутся в воздухе один за другим так быстро, что для глаза они сливаются воедино: сегодня мы их можем сравнить с кинокадрами. Другие ощущения (осознание, вкус, запах) вызываются атомами предметов, которые непосредственно попадают в тело и воспринимаются органами чувств, причем каждая форма отражения имеет свою специфику. Весь процесс непосредственного восприятия является, таким образом, как бы осознанием (см. 13, 428). Однако образы дают нам только внешность вещей, а не их суть. Кроме того, они могут оказаться причудливыми и обманчивыми. И наконец, истинность получаемых впечатлений затемняют особенности устройства органов чувств, состояние здоровья людей и их индивидуальные качества. Поэтому знание, полученное от чувственных восприятий, является «темным», т. е. ограниченным, и только с помощью разума можно правильно истолковать образы вещей и даже проникнуть в их суть. Так, например, в зрительном восприятии Солнце нам кажется небольшим, однако с помощью разума мы приходим к выводу, что оно огромно (см. там же, 396).

При всей своей наивности теория истечений, так же как и вся теория познания Демокрита, имела большое значение в борьбе против религиозно-идеалистического понимания сознания как сверхматериального. И все же наряду с имеющимся в этой теории рациональным зерном в ней еще оставались следы древних магических представлений: образы, идущие от живых существ, несли с собой и их переживания, гнев и милость, которые воздействовали на воспринимающих их людей (см. там же, 476; 472а). Существует мнение, что источником «теории идолов» были учения персидских и индийских магов; с их взглядами Демокрит мог познакомиться и в юности, и в своих путешествиях по Востоку. Несомненно и то, что Авеста оказала известное влияние на учение древних атомистов. Но предпосылки этой теории имелись и в Греции.

Согласно учению старшего современника Демокрита Эмпедокла, всякое познание получается только путем проникновения в наше тело истечений (αρογοαί) от вещей, о которых сигнализируют чувства (см. 21, 31 В 89; А 86, 88, 90, 91). В процессе зрения, по Эмпедоклу, различаются два элемента: истечение мельчайших частичек из созерцаемого тела и лучеиспускание из глаза; в результате получается видимый образ. По некоторым свидетельствам, уже Эмпедокл говорил о том, что истечения состоят из «образов» (eikones) (см. там же, 31 В 109а). Эту теорию, несомненно, использовал Демокрит. Но в мировоззрении Эмпедокла наряду с научными большую роль играли мифологические представления. Последние наложили свой отпечаток и на философское и научное мировоззрение Демокрита.

Из теории «истечений» следовало, что любые ощущения, представления и мысли о каких-либо объектах обязательно имеют свой реальный предмет. Правда, Демокрит причинно объяснял и заблуждения, и фантазии: «образы» по пути могли друг с другом спутаться, перемешаться, могли испариться и создать совершенно ложное восприятие (см. 13, 475). Выходит, что даже сновидения, по Демокриту, были «истинными», т. е. имели свой предмет и требовали только «научного» истолкования. Отличить ложный образ от истинного мог только разум, но где был критерий истинности? Как уже говорилось, в своем логическом произведении Демокрит выдвигал три критерия истинности, в том числе критерий чувственной практики, проверки последствиями, но часто он не имел средств это сделать. Критерием оставался разум человека. «Мудрец — мера всех существующих вещей» (там же, 97). Если верить источнику; можно сказать, что только так, исправляя знаменитый тезис Протагора («человек — мера всех вещей»), Демокрит мог ответить на поставленный вопрос.

Фантастические элементы «теории идолов» косвенно привели Демокрита к своеобразному учению о богах. Все люди верили в богов. Больше того, они верили в предсказания, вещие сны, «дурной глаз» и т. п. Откуда эти представления? По «теории истечений», выходило, что где-то существовал их реальный и материальный источник.

Как Демокрит решал этот вопрос, как объяснял происхождение религии, каково было его собственное отношение к ней — все это будет рассмотрено в одной из следующих глав.

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

*Познай самого себя!
И зречение семи мудрецов*

*Человек — это то, что все мы
знаем.*

Демокрит

ПОВОРОТ К ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ДЕЛАМ. ПРОБЛЕМЫ ЭПОХИ

В биографиях нескольких греческих философов встречается ходячий анекдот: философ, увлеченный исследованием космоса, засмотревшись на небо, спотыкается и падает, так как не замечает, что у него под ногами. Здесь народная мудрость как бы предъявляет требование к философии: сойди с облаков на землю!

Ходили подобные рассказы и о Демокрите. Однажды, когда он сидел со своими книгами в беседке, отец привязал быка к этой беседке, но, углубленный в занятия, юноша этого не заметил. Другой раз Демокрит принялся самым настойчивым образом исследовать причину сладости огурца, а вся причина была в том, что огурец положили в сосуд от меда. Отвлеченность философа от мира испугала и абдеритов, которые вызвали к «одержимому» Демокриту

Гиппократ. Однако это (согласно тому же источнику) мнение не соответствовало действительности. Демокрит хорошо знал имена своих сограждан и даже кто из них где живет; мог предвидеть, какой будет урожай и соответственно — каковы будут цены; он мог также вершить дела города (см. 13, XIII; XXVII; XXX—XXXVI; 726. 15, 352). Но легенды отразили как нельзя лучше и дух эпохи, и характер самого Демокрита. Слишком бурно и беспокойно было на земле древних греков. Поэтому примерно в середине V в. центр тяжести философских интересов стал перемещаться от космоса и природы к человеку и человеческим делам. Развитие после персидских войн производительных сил и вследствие этого — имущественного и социального расслоения, постепенный переход к развитому рабовладению классовая и политическая борьба, вылившаяся в кровопролитную и роковую для Греции Пелопоннесскую войну, — все это требовало обращения философии к жизни, решения практических вопросов, выработки умственного оружия для ориентировки и действия в хаосе повседневных событий. Этот перелом в философии обычно связывают с выступлением софистов и Сократа.

Однако уже в творчестве Демокрита совершился поворот ко всем важнейшим человеческим проблемам, в том числе социально-политической и этической. После исследований вопросов «большого миростроя» объектом его изучения стал «малый мирострой» — человек как атом общества, человек как индивид гражданской и человеческой общности (хотя, несомненно, «физик» Демокрит вопросами естествознания занимался всю жизнь). Мы не можем,

конечно, утверждать, что именно такова была хронология научных интересов и трудов Демокрита, но за нее говорит примерная дата появления «Малого миростроя» — двадцатые годы V в.

Даже в том скудном по объему наследстве Демокрита, которое сохранилось до наших дней, отражены почти все вопросы, будоражившие умы древних греков в его эпоху.

Какая форма правления лучше: монархия, аристократия или демократия? Это был самый актуальный, самый животрепещущий вопрос времени, вокруг которого разворачивались дискуссии философов, софистов, политических деятелей. Это нашло отражение и в греческой драме, и в трудах историков, например у Геродота (III 80—82) и Фукидида (II 37—42). С этой проблемой была связана и проблема личности и общества. Личность свободного гражданина демократического государства противопоставлялась произволу монарха и тирана. С другой стороны, с углублением кризиса полиса личность оказалась противопоставленной законам общества.

Софоклова «Антигона» (ок. 442) запечатлела спор между сторонниками «неписаного права» (*agraphos nomos*) и «писаного права» (*nomos gegrammenos*), т. е. спор между сторонниками традиционных нравов и обычаев и сторонниками государственного права, записанного в актах и постановлениях. Но уже в следующем поколении, в 20-х годах V в. (примерно тогда, когда Демокрит был в Афинах), противоречие между «писанным» и «неписанным правом» уступило место новому противоречию — между «законом» (*nomos*) и «природой» (*physis*). «Неписанные»

законы, большей части которых стали придерживаться некоторые правители (например, Перикл), стали определяться как «природные», или «естественные», и противопоставляться законам, установленным самими людьми, и, следовательно, изменчивым. «...Есть нечто справедливое и несправедливое по природе, общее для всех, признаваемое таковым всеми народами, если даже между ними нет никакой связи и никакого соглашения относительно этого» (Аристотель. Риторика, 1, 13). Это высказывание свидетельствует о зарождении античной теории естественного права, первые идеи которой явно обнаруживаются у Демокрита.

Как развивалось человеческое общество? От «золотого века», который был далеко позади, в сказочном веке Кроноса, до все ухудшающихся поколений людей или же от дикого и звероподобного состояния ко все более замечательным вершинам человеческой культуры и цивилизации?

Характерной чертой всех рассуждений на эту тему был абстрактный характер терминологии. Споры велись об обществе и государстве вообще, о законе вообще. Поэтому не могло быть однозначного решения проблемы, как не может быть и однозначной оценки того или иного ее решения. Так, защита «неписаного права» Антигоной, ценой жизни выполнившей долг по отношению к умершему брату вопреки «писаному праву» тиранна, — это противопоставление общечеловеческой морали произвольно установленной насильственной власти. Однако в устах олигархов времени конца Пелопоннесской войны лозунг «возврата к законам отцов» стал знаменем консерватизма и реакции. Естественное пра-

во, защищавшее равенство и права людей исходя из их «исконных» свойств, независимо от богатства и происхождения, было превращено в «право сильнейшего», обосновывало дикий произвол и жестокость правления «тридцати тираннов», «сверхчеловеков» типа Алквиада, Крития или персонажа одного из диалогов Платона («Горгий») — Калликла. Теория поступательного развития общества, развиваемая передовыми философами Греции классического периода и многими мыслителями последующего времени, была, несомненно, прогрессивной. Она противопоставлялась другой — теории «золотого века». Но разве не бывала мечта о «золотом веке», проецированном в прошлое, социальной утопией низов общества, обездоленных людей, грезящих о лучшей жизни?

Восстанавливая социальную философию Демокрита, мы должны рассматривать ее в связи с его естественнонаучными взглядами, социально-политической обстановкой того времени, а также в связи с развитием предшествующей общественной мысли.

ПУТЬ ОБЩЕСТВА К ЦИВИЛИЗАЦИИ. ЛЕГЕНДА И ФИЛОСОФИЯ

«Миф — это повествование, которое там, где оно возникало и бытовало, принималось за правду, как бы оно ни было неправдоподобно» (58, 4).

Представление о счастливом детстве человечества, о «золотом веке», возникающее в известный момент общественного развития у всех на-

родов, было реакцией на классовое расслоение, которое для низов оборачивалось общественным злом. В Греции в начале VII в. нужда, страдания, непосильная работа беотийских крестьян, их закабаление и притеснения со стороны знати нашли свое выражение в поэме Гесиода «Труды и дни» и особенно в мифе о сменяющихся поколениях людей. Миф гласил о том, что первый золотой род не знал ни труда, ни горестей. Это был век бога Кроноса, когда земля давала человеку плоды в изобилии без всякого его труда, у людей всего было вдоволь, они не знали ни зависти, ни борьбы; на земле царило счастье. Но настали другие времена, воцарились другие боги, золотой род сменился серебряным, серебряный — медным. После медного поколения было еще поколение героев, но и оно прошло и сменилось железным родом, который теряет нравственные устои и движется к своей гибели. По мере общественного развития образ золотого рода насыщается социальным содержанием, век Кроноса представляется веком всеобщего братства и равенства, когда нет богатых и бедных, знатных и низкородных, все люди свободно пользуются дарами природы.

Однако легенда о «золотом веке» была побасенкой, имеющей мало общего с действительностью. В V в., когда уже известны были произведения логографов и отца истории Геродота, и особенно у греков колоний, непосредственно соприкасающихся с жизнью некоторых отсталых народов, она вытеснялась другой — более соответствующей исторической действительности, а также более оптимистической, созвучной мироощущению растущего торгово-ремесленного населения. Эта легенда о «первых изобрета-

телях» также развивалась вначале в мифологической оболочке.

Откуда у человечества блага культуры и цивилизации, общественные институты? От богов, которые «ведали» определенными видами деятельности, где они считались зачинателями и повелителями. Афина-Паллада научила людей искусствам и ремеслу, особенно ткачеству, Гефест — кузнечному ремеслу, Триптолем по велению Деметры — земледелию, Дионис — виноделию. Хитрости торговли люди постигли от Гермеса, тонкости музыки — от Аполлона, искусство врачевания — от Асклепия. Любви покровительствовала Афродита, браку и семье — Гера, Артемида, Гименей и Гестия, Арес и Афина руководили военными действиями. А согласно другим мифам, почти все эти блага были даром титана Прометея. Он похитил для людей огонь с неба, он научил людей искусствам, приобщил к знаниям, научил счету, чтению и письму. Он познакомил людей с обработкой металлов, пахотой, впряг коня в колесницу, построил корабль, открыл людям целебную силу лекарств. Но это было вопреки воле Зевса, ревниво хранящего от людей тайны знания и счастливой жизни. И разгневался громовержец. Люди в этих мифах были игрушкой в руках Судьбы и богов.

Верили ли люди времени Демокрита в мифы? Образованная часть общества уже не считала их достоверными. Среди философов было распространено аллегорическое толкование мифов. Но большинство народа еще верило в богов греческой религии и их деяния, верило и в мифическую историю. Тем большее значение имели первые нерелигиозные теории возникно-

вения и развития общества, которые можно назвать научными. В рамках античного миропонимания они были на пути установления действительных пружин исторического развития, его направленности и основных этапов.

Уже Ксенофан из Колофона, живший во второй половине VI и в начале V в., пришел к выводу об эволюции земли, которая некогда была залита водой (правда, он учил, что когда-нибудь произойдет обратное и земля опять погрузится в воду). Люди, согласно Ксенофану, тоже прошли определенную эволюцию, он говорил: «Неверно, что боги открыли смертным все с самого начала: нет, люди постепенно искали и находили все лучшее и лучшее» (цит. по: 48, 47). Ксенофан отверг как сказку о «золотом веке», так и миф о благодетельном боге, пожалевшем несчастных людей; люди сами завоевали себе право на лучшую жизнь.

Гипотеза естественного развития человечества, возможно, имела у Анаксагора. В мифологической форме ее элементы имеются у Эсхила. В трагедии «Скованный Прометей» миф о Прометее — это целая историко-культурная концепция, уже насыщенная философским содержанием. Эсхил рисует картину печальной жизни первобытного человека. Первые люди

Смотрели — и не видели и, слыша,
Не слышали; в каких-то грезах сна
Влачили жизнь.

(Цит. по: 61, 123)

Люди гнездились в подземных пещерах, не различали времен года, не умели мыслить. От Прометея они получили разум и постепенно обучились наукам и искусствам. Эсхил возвеличивает

огонь как источник и учителя искусств. Эсхилловский титан Прометей является другом человечества, свободолюбивым бунтарем против тиранического своеволия Зевса, гордым мучеником за счастье преследуемого Зевсом племени, мудрым наставником людей. Концепция Эскила была прогрессивной, однако его воззрение еще религиозно. Его картина развития человечества не только сказочна, но и омрачена верой в божеское наказание, которое должно постичь Прометея, и в божеское могущество, которое противопоставлено человеческому.

Тот же самый миф о Прометее для изложения своей теории развития человеческого общества избрал первый софист Протагор, выступая около 433 г. перед афинской публикой. Что это только способ изложения, говорит сам Протагор (у Платона), предлагая слушателям выбрать форму рассмотрения вопроса: в виде мифа или в виде рассуждений. Миф избирается только как «более приятный». Сама теория, по всей видимости, излагалась Протагором в его произведении «О начальном состоянии человеческого общества» (21, IX, 55). Уже давно было замечено, что между мифом, вложенным Платоном в уста Протагору, и взглядами Демокрита имеются почти буквальные совпадения. Однако имеются и различия, которые показывают, что теория Демокрита (хотя, вероятно, и видоизмененная последующим изложением) была более последовательной.

В первой главе нашей книги мы уже рассматривали теорию возникновения жизни и человека (найдена К. Райнгардтом у Диодора Сицилийского), которая через Гекатея Абдерского восходит к Демокриту. В той же «Библиотеке»

Диодора после космогонии и зоогонии излагаются взгляды на происхождение и развитие человеческого общества. Как признано большинством ученых, это пересказ или даже буквальная передача теории Демокрита. Почти в тех же выражениях эти взгляды приводятся и в гиппократовском произведении «О древней медицине» (см. 13, 558). В отличие от гесиодовского мифа о «золотом веке» учение Демокрита было оптимистическим и притом далеко не сказочным вариантом теории возникновения человека и общества. Она могла излагаться только в «Малом мирострое». Сопоставим же теории развития человеческого общества двух современников — Протагора и Демокрита, как они сохранились в источниках у Платона и Диодора (17а, 320—323 и 13, 558; 559).

У Платона в начале мифа говорится, что после создания живых существ богами незадачливый Эпиметей, брат Прометей, наделил всех животных надежными средствами самозащиты, а о человеке забыл; люди оказались менее приспособленными, чем звери. Диодор следующим образом описывает «звероподобную» жизнь первых людей: люди, родившиеся вначале, «вели беспорядочный и звериный образ жизни. Поодиночке выходили они за кормом, добывая себе из трав, что посьедобнее, и доступные плоды деревьев... Так трудно жилось первым людям, когда не было изобретено еще ничего из жизненных подспорий...».

Согласно Протагору, Прометей видит, что «прочие животные заботливо всем снабжены, человек же наг и не обут, без ложа и без оружия». По словам Демокрита, «у людей не было одежды, они не знали ни жилищ, ни употреб-

ления огня и совершенно не умели готовить пищу... многие из них погибали в зимнее время от холода и недостатка пищи».

Согласно мифу Протагора, когда Прометей увидел эту плачевную картину, он украл «премудрое уменье Гефеста и Афины вместе с огнем... В том и состоит дар Прометейя человеку». Далее в мифе говорится о том, что человек «стал причастен к божественному уделу» и начал воздвигать алтари богам. Затем у людей возникла членораздельная речь, и они приобрели все необходимые материальные блага. От взаимного истребления спасло людей чувство «стыда и правды», которыми их наделил Зевс и которые способствовали овладению людьми гражданской добродетелью и «политическим искусством» (*politike techne*).

Демокрит же считает, что люди, «подвергаясь нападениям зверей... учились помогать друг другу, так как находили в этом явную пользу для себя, и, побуждаемые страхом, собирались в кучки, причем понемногу привыкали узнавать черты друг друга...». «В дальнейшем, понемногу научаемые опытом, они стали укрываться зимой в пещерах и откладывать часть плодов, допускающих хранение. А когда пришло знание огня и других пособий, понемногу стали развиваться искусства и прочее, что может принести пользу общественной жизни. Вообще только одна нужда и опыт были для человека учителями во всем, надлежащим образом наставляя это животное, от природы способное ко всяческому учению и имеющее помощником во всем руки, рассудок и умственную гибкость». На то, как люди учились, согласно Демокриту, различным искусствам, проливает свет следую-

ший отрывок у Плутарха: от животных, говорит Демокрит, мы научились «самым важным вещам: путем подражания мы научились от паука ткачеству и штопке, от ласточки — постройке домов, от певчих птиц — лебедя и соловья — пению».

Перед нами в двух текстах довольно сходная и в то же время различная картина жизни первобытного человечества и возникновения культуры на первых ее ступенях. Человек изображен как один из видов живых существ (dzoa). Его положение незавидно: первые люди не имеют даже того, чем снабжены другие животные, они в нужде, они не имеют одежды и жилища. Как у Протагора, так и у Демокрита решающее значение для культурного прогресса общества имеет изобретение огня. С огнем в жизни первобытного человечества наступает новая эпоха: огонь дает возможность выучиться ремеслам, дает начало всем необходимым для жизни человека благам. В обеих картинах прогресс человечества представляется как длительный ступенчатый процесс постепенного изобретательства все новых культурных благ и развития человечества по восходящей линии. Однако, если в мифе Протагора, по Платону, блага культуры являются (хотя бы отчасти) даром богов или героев, а о степени прогресса человечества свидетельствует политическое искусство, а следовательно, законы и государство (это подтверждают и другие фрагменты Протагора), у Демокрита, по Диодору, картина другая.

Согласно Демокриту, во-первых, пружиной развития общества является нужда (сiгеia). Это насущные потребности людей, которые движут их к объединению и изобретению все но-

вых благ. Это та самая необходимость — ананке, которая в картине мира Демокрита является основным законом природы, а здесь применена к обществу. Во-вторых, Демокрит подчеркивает связь человека с природой. Человек — часть природы; самыми лучшими своими достижениями он обязан природе, которую постигает опытом (реига) и наблюдением. Он учится у природы, и он способен к этому учению, так как у него есть руки и ум. Наконец, в этой картине нет места для богов и героев, а о возникновении религии не говорится ни слова; автор изложенной концепции явно не считает религию благом.

Ряд параллельных источников подтверждают, что картина первых шагов развития человечества, изложенная Диодором, принадлежит Демокриту. Хотя и в этой теории имеется ряд несостоятельных взглядов (например, предположение, что первобытные люди жили поодиночке), в целом она поражает своей близостью к современному пониманию вопроса. Понимание потребностей (нужды) как движущей силы развития общества, понимание роли рук и огня в становлении человека и роли опыта и наблюдения в становлении его познания — это еще не развитые крупницы истины в философии великого античного мыслителя. Интересна и оценка взаимоотношения человеческого общества и животного мира. Человек сам есть животное, только отличающееся рядом особых признаков, считал Демокрит. Человек вышел из звероподобного состояния и высоко поднялся над миром животных, но на него он опирается в своем развитии. Животные и сейчас рядом качеств превосходят человека, следовательно, этим качествам надо подражать.

Демокрит исследовал и возникновение речи (см. 13, 563—567а), а также происхождение изящных искусств, в частности музыки и поэзии. Эти искусства, согласно Демокриту, возникли позже и не из нужды, а из имеющегося излишка благ; здесь Демокрит признавал, как видно, роль изобретателей и творцов (см. там же, 568; 568а), а о поэтах говорил, что они обладают особой вдохновенной природой. В признании изящных искусств «более молодыми» заключена мысль о том, что, только удовлетворив насущные нужды, люди могли создать духовные блага.

Взгляды Демокрита на развитие общества можно считать значительным шагом вперед на пути развития натуралистических общественных учений. В диалектической идее развития человечества от самых низких ступеней первобытного общества до высоких вершин цивилизации коренились истоки передовой теории человеческого развития, которая возникла в античности и, философски осмысляемая, передавалась от автора к автору. Подытоженная Лукрецием, она повлияла на Вергилия, Цицерона, Овидия и Горация, а затем как плодотворное наследие была воспринята наукой Нового времени. Современная наука об обществе, твердо опирающаяся на данные археологии, лингвистики и этнографии, руководимая теорией и методом исторического материализма, не может и не должна забывать свое прошлое.

ЗАКОН И ПРИРОДА

Во второй половине V в. появляется понятие «природного», или «естественного», права.

были основой прогресса человеческого рода, а естественные потребности человека — движущей силой. У Демокрита понятие *physis* — «природа» чаще всего означает «сущность вещей» (см. 6, V 4, 1014в 16). Сущностью вещей, по Демокриту, являются атомы и пустота, они составляют подлинную природу людей, предметов, «образов» и демокритовских «богов» (см. ниже, гл. V).

В противоположность природе как сущности вещей и врожденного в человеке, «закон» — это то, что установлено, условно, и, если этот закон не согласуется с природой, он должен быть изменен. Это относилось к закону и как к моральному обычаю, и как к религиозному установлению; эти две сферы общественного сознания в древности четко не различались. Требование согласования существующих законов с природными задатками и стремлениями человека в философии Демокрита носило оптимистический характер, Демокрит исходил из возможности такого согласования. Должен был согласоваться закон общества и с окружающей природой. В этом убеждении проявляется могучая натуралистическая тенденция. Как сам человек, так и созданная им культура, обычаи и законы включены в сферу единой матери-природы (см. 35, 260).

Приведем свидетельства некоторых авторов. Согласно Диогену Лаэртию, «Демокрит утверждает, что законы создаются людьми, а от природы — атомы и пустота» (13, 569). По Стобею, Демокрит считал, что «закон стремится помочь жизни людей. Но он может этого достигнуть только тогда, когда сами граждане желают жить счастливо: для повинующихся закону закон —

только свидетельство их собственной добродетели» (там же, 608).

По свидетельству Эпифания, «Демокрит утверждал, что то, что кажется справедливым, таковым не является, а несправедливо то, что противоречит природе: ибо он говорил, что законы — только дурная выдумка» (там же, 571).

На первый взгляд высказывание Эпифания противоречит предыдущим. Здесь церковный писатель допустил неправомерное обобщение. В традиционном представлении греков справедливость означала соблюдение государственных законов (см. 45, 17; 18). Демокрит с этим уже не согласен. Справедливость связана с природой людей, а закон — их выдумка. Но «дурной выдумкой» являются, по Демокриту, не все законы, а только те, которые противоречат природе, несовместимы с ней. В принципе закон может «не мешать» людям жить в соответствии с их устремлениями, а люди, если они добродетельны, могут добровольно повиноваться (хорошему) закону.

Противоположность условного и естественного выступает в философии Демокрита как противоположность того, что действительно нужно человеку (т. е. является его естественной потребностью), и того, что является продуктом измышлений развращенного человека. Так, одно из этических свидетельств гласит: «Богатство, соответствующее природе, состоит из хлеба, воды и одежды для тела. Излишнее же богатство связано со свойственной душе безмерностью желаний» (13, 750а). Но, с другой стороны, «сопротивляться потребностям природы — неразумно» (там же, 717).

Та же противоположность выступает в педагогических взглядах Демокрита как соотношение обучения и природных задатков человека. «Природа и обучение сходны между собой: ведь учение также дает человеку новый облик, но, делая это, оно только выявляет природу, вновь проявляя черты, которые природа заложила изначально» (там же, 682). Однако Демокрит всячески подчеркивал важность обучения. «Никто не достигнет ни искусства, ни мудрости, если не будет учиться» (там же, 682а).

И в некоторых других случаях Демокрит решает антитезу в пользу «установления». Так, говоря о происхождении языка и речи, Демокрит, хотя и называет слова «звуковыми изображениями» вещей (там же, 564), не считает, однако, что они привязаны к природе последних (что имело бы магический смысл), а полагает, что они изменяют свое значение «по установлению». Для этого он приводил следующие доказательства: 1) различные вещи обозначаются одними и теми же словами (гомонимы), 2) различные названия применяются к одному и тому же предмету (полионимия), 3) переименования вещей, 4) несоответствия в словообразовании. Значит, заключал Демокрит, полемизируя в этом вопросе с пифагорейцами, имена присущи вещам не по природе (см. там же, 563).

И все же, как бы ни важны были в некоторых областях жизни установления, первичной, по Демокриту, остается природа — как природа вещей, так и природа человека. Самое мудрое со стороны человека и общества — это следование ей.

Понимание законов общества и природы человека как противоположностей показывает,

насколько продвинулась греческая мысль в решении центральной социально-философской проблемы «личность — общество». Данная проблема ставилась в Греции остро и драматично. Из-за разнообразия полисной системы не столь принудительно действовала сила традиции. Индивидуально-личностное начало становится одной из определяющих черт философии античного мира по сравнению с первобытнообщинной формацией, в которой личность мало выделялась из коллектива, и отчасти по сравнению с древневосточным миром, с его преобладанием общинных форм собственности и быта. Этому способствовало и развитие полисной системы. Греки стремились осуществить идеал государства, обеспечивающего существование политически равноправного, свободного, экономически независимого гражданина, активного участника общественной жизни, и этот идеал сохранялся вплоть до кризиса полисной системы и создания империи. Несомненно, атомистическая теория Демокрита по своему духу и смыслу соответствовала этому идеалу.

Человек — атом общества и государства, которые являются совокупностью атомов-индивидов. Следовательно, государство (полис) вторично, как вторично любое сочетание атомов по отношению к самим атомам. Поэтому государство, его законы должны согласовываться со стремлениями атомов-людей, их природой, обеспечивать им свободное развитие. Это не был индивидуализм, характерный впоследствии для Эпикура и эпикурейцев, живших в эпоху эллинизма, а затем римского владычества, когда полисного коллектива граждан уже почти не существовало. Демокрит требует согласия индивидов и их под-

чинения целому; как идеолог гражданской общины, он не разрывает коллективное и частное. Согласно Демокриту, «только при единомыслии возможно совершение великих дел и ведение войн государствами, а иначе все это невозможно» (13, 713).

О том, как конкретно решались политические и моральные проблемы, связанные с теоретическим решением вопроса о единстве природы и закона, личности и общества, свободы и подчинения, будет сказано в дальнейшем (гл. VI). Здесь мы хотим отметить, что понимание Демокритом взаимосвязи перечисленных понятий означало крупный шаг в развитии самосознания личности.

АТЕИЗМ

В эпоху Перикла софисты, Сократ, которого можно назвать олицетворением философии, искусство и риторика вытеснили религию.

К. Маркс и Ф. Энгельс

ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ

Атеизм философов V в. был решительнее атеизма предшественников.

Отчасти причиной этого было широкое распространение новых философских взглядов и поддержка, которую они находили среди образованных кругов греческого общества, особенно молодежи. Но была и другая причина.

Продолжительная Пелопоннесская война и рост рабовладения подорвали самые основы полиса, жившего главным образом за счет труда свободных мелких производителей. Греческие города стали ареной ожесточенной борьбы классов, партий и их лидеров. Представители групп и партий руководствовались уже не высокими нравственными принципами, а своими классовыми интересами. На авторитет богов часто ссылались, но в богов уже не верили. Конечно, это пока не касалось широких слоев демоса, кото-

рый продолжал сохранять религиозность, а превратности судьбы вызывали в нем приливы суеверия. Демос становился тем более реакционером, чем большим пережитком становился сам полис.

В 432 г. по требованию жреца Диопифа был издан декрет, согласно которому в особом государственном преступлении (*eisangelia*) обвинялись те, кто не почитал богов или занимался изучением небесных явлений (см. 55, 228). Лидеры враждующих партий получили возможность совершенно «законно», под предлогом безбожия, устранять своих политических противников.

Началась серия процессов о безбожии: Анаксагора, Протагора, Фидия, затем Сократа. Эти процессы продолжались и в следующем веке. Ярчайшим документом — свидетельством борьбы с атеизмом — является X книга «Законов» Платона. В его «идеальном» государстве полицейского типа существует строго обязательная государственная религия. Это не народная религия с ее праздниками и культом — такой «подкуп богов» воспрещается так же строго, как атеизм; это утонченная религия с богами без человеческих слабостей и с признанием науки, которая обосновывает религию. В этом государстве также изданы законы против атеистов. Атеистов, которые либо вовсе не признают богов, либо считают, что боги не принимают участия в судьбах людей, Платон советует привлекать к суду, заключать в тюрьму сначала для исправления на пять лет, а если они не изменят своих убеждений, убивать, а их детей передавать на воспитание государству. Если же понадобится, можно и надо уничтожать атеистов

целыми семьями и даже целыми государствами (см. Законы X 907—910).

Атеизм с необходимостью вызывался реальными потребностями развивающегося человечества и отражал постепенно растущее господство человека над стихийными силами природы и общества. Такое значение он имел и в Древней Греции классического периода, где были высказаны замечательные для своего времени атеистические мысли. Выдающимся представителем античного атеизма со всеми его достижениями и недостатками был Демокрит.

Мы уже видели, что Вселенная Демокрита, материальная и строго подчиненная закону всеобщей причинности, не включала и не требовала для своего объяснения никаких сверхъестественных сил. Аэций, Лактанций, Немесий подчеркивают, что Демокрит отрицал божественное провидение (ρροποία). Хотя это слово не имело еще в античности того значения, которое оно имеет в христианстве, в религиозном сознании греков V в. понятия промысла божьего, цели, божественного попечения о человеческих делах занимали важное место. Понятие «ρροποία» употребляется Геродотом, старшим современником Демокрита, а также Софоклом, оно было начертано на статуе Афины-Провидицы в Дельфах. Зато ни тени провиденциализма, веры в божественное предвидение не было в демокритовской картине развития мира и общества. Демокрит с иронией относился к вере во всемогущего Зевса и богов греческой мифологии. Эта ирония звучит в отрывке из сочинения Климента Александрийского. «Кое-кто из умников, протягивая руки в те места, которые мы, эллины, теперь называем воздухом, говорил:

«Всему Зевс дает имя, и все он знает и дает, и отнимает, и он — царь всего» (13, 580). Ученые до сих пор спорят, кого имел в виду Демокрит под «умниками» (logioi): поэтов, философов или жрецов? Но смысл ясен: согласно Демокриту, там, где люди ищут всемогущего Зевса, его нет. Есть только воздух —местилище огненных атомов (см. 23, 55. Ср. 13, 415).

Большинство источников, говорящих об отношении Демокрита к античной религии, подтверждает атеистический характер его взглядов. Такому выводу на первый взгляд противоречат несколько отрывков, которые свидетельствуют обратное: по Демокриту, мир создан божественным умом и боги людям помогают. Однако при проверке оказывается, что либо эти отрывки ошибочно приписаны Демокриту, либо «обработаны» стойками или христианскими писателями.

Еще до христианства философская школа стоиков взялась за «исправление» имеющихся текстов греческих писателей и мыслителей с точки зрения своей собственной философии и морали. Такие исправления вносились и позже, в христианскую эпоху. Согласно некоторым таким «свидетельствам», Демокрит даже предсказывал пришествие Христа! Поэтому мы должны особенно критически относиться к сообщениям поздних авторов, которые либо клеймят Демокрита как материалиста и «богохульника», либо, наоборот, изображают проповедником религии.

Но посмотрим, что говорит Демокрит о религии в тех источниках, которые являются сравнительно надежными. Согласно им, Демокрит

отбрасывал и высмеивал мифы и предрассудки, и прежде всего те, которые вступали в противоречие с его научными взглядами. «В старое время колдуны верили, что они снимают с неба луну и солнце. Поэтому еще вплоть до времени Демокрита многие называли затмения «снятиями»» (13, 577). Это сообщение свидетельствует об определенной просветительской роли Демокрита и успехе его борьбы (и борьбы его последователей) с суеверием. Автор свидетельства имеет в виду известный, общий с Анаксагором, взгляд Демокрита на природу небесных тел. Его он излагал, по-видимому, в засвидетельствованных Диогеном Лаэртием сочинениях «Космография» и «О планетах». Сохранилось несколько высказываний Демокрита о природе небесных тел как о «звездной материи» и «раскаленной земле» (см. там же, 393; 396; 398). Как известно, именно за подобные взгляды был осужден Анаксагор; взгляды Левкиппа, Демокрита и Анаксагора в этом вопросе совпадали. Обожествление небесных светил из античной религии перешло в христианство. Линия же Демокрита вела к Копернику и Бруно.

Демокрит разъяснял своим читателям, что не только небесные, но и земные явления не ниспосланы богами: «В молитвах люди требуют от богов здоровья, а не знают того, что они сами могут получить его: совершая же в своей неводержанности обратное тому, что следует, они, следуя страстям, становятся предателями своего здоровья». Итак, не от богов, а от самих людей зависит здоровье или болезнь (там же, 593. Ср. 13, 357; 359).

Решительное отрицание Демокритом религиозных мифов, предрассудков, всякого рода чу-

дес производило впечатление даже на далеких по времени его последователей. Лукреций Кар, излагая атомистическую картину мира и часто ссылаясь не только на Эпикура, но и на Демокрита, подчеркивает, что эта картина отрицает существование богов:

Если как следует ты это понял,
природа свободной
Сразу тебе предстанет, лишенной хозяев
надменных,
Собственной волею все без участия богов
создающей.

(X 1, 1)

Еще двумя столетиями позже Лукиан от лица своего персонажа с насмешкой говорит об ученых людях, которые рассказывают фантастические небылицы о чудесах и привидениях, а на вопрос: кто же «заслуживает в таких вопросах большего доверия?» — отвечает: «Таким весьма замечательным человеком... я считаю знаменитого Демокрита Абдерского» (11, 337). К Демокриту вполне можно применить известное высказывание Маркса об Эпикуре: «Философия, пока в ее покоряющем весь мир, абсолютно свободном сердце бьется хоть одна капля крови, всегда будет заявлять вместе с Эпикуром своим противникам: «Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто присоединяется к мнению толпы о богах»» (2, 40, 24). Демокрит «богов толпы» отвергал.

ТЕОРИЯ
ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕЛИГИИ.
«БОГИ» ДЕМОКРИТА

Демокрит был автором первой из известных нам теорий происхождения религии: «Некоторые полагают, что мы пришли к представлению о богах исходя из непонятных явлений, происходящих в мире; такого мнения придерживается, кажется, и Демокрит. Ибо, говорит он, первобытные люди, наблюдая небесные явления, как, например, громы, молнии, перуны и встречи звезд, затмения солнца и луны, приходили в ужас, думая, что причиной этому — боги» (13, 581).

Итак, страх перед богами возник, по Демокриту, из непонимания явлений природы, таких, как, например, смена времен года, и особенно небесных явлений. Люди дали им названия богов и божественных вещей, например, воздух или солнце называли Зевсом, а «испарения, которыми питается солнце», — амвросией (там же, 821).

Немного строк в этих фрагментах, но те же мысли излагаются и развиваются в грандиозную поэтическую картину у Лукреция:

Ужас...

Воздвигает богам все новые капища всюду...

Иль у кого же тогда не спирает дыхания ужас

Пред божеством, у кого не сжимаются члены в испуге,

Как содрогнется земля, опаленная страшным ударом
молнии,

А небо кругом огласят громовые раскаты?

И у Лукреция люди наблюдали необходимый порядок природы,

Но не могли распознать, почему это так происходит, И прибегали к тому, что богам поручали все это...

(V 1165—1166; 1218—1222; 1186)

Незнание и страх — причины возникновения и веры в загробную жизнь: незнание того, что «смертная природа подлежит уничтожению», и страх перед возможным посмертным возмездием за дурные поступки, совершаемые в жизни (см. 13, 583). Такой взгляд на происхождение религии характерен для многих представителей домарксистского атеизма. Только марксистско-ленинский атеизм указал более глубокие социально-экономические, в частности классовые, корни религии, не умаляя, однако, значения психологических и гносеологических причин. «Страх создал богов» — таким высказыванием древних начинает В. И. Ленин свое разъяснение классовых корней религии (см. 3, 17, 419).

Демокрит и другие атомисты, не признавая богов античной религии, пытались все же объяснить, почему именно богам и именно таким, какие изображены в мифах, люди приписали всемогущество.

Демокрит отвечал на этот вопрос исходя из своей теории «истечений». Если люди «видят» во сне или представляют себе богов, если божественный Гомер видел их огромными и такими, как он их описал, то источником этих представлений должны быть тоже истечения, «образы» каких-то соединений атомов, похожих на этих богов. Возможно, это живые существа вроде людей, но другой природы. «Возможно» — ибо по сообщению Цицерона, которое более чем правдоподобно, — Демокрит «колебался в вопросе о природе богов» и менял свои взгляды, говоря о них то так, то по-другому (13, 472а).

В немногочисленных источниках, сохранивших соответствующие взгляды Демокрита, вырисовываются главным образом две довольно различные версии. Видимо, вначале Демокрит считал, что помимо людей и животных есть и некие более умные и красивые существа — «боги»; они же имеют лучшие качества животных. Согласно Аэцию, «Демокрит говорит, что более (пяти) чувств имеется у бессловесных животных, у мудрецов и богов» (там же, 186). Почти во всех остальных свидетельствах Демокрит говорит не о богах, а об «образах», которые истекают откуда-то и являются людям, а люди принимают их за богов (см. наст. изд., с. 194). Поэтому еще в древности у толкующих Демокрита философов возникал вопрос: кого Демокрит считал «богами»? Эти «образы» — атомные оболочки, полые внутри? или же какие-то существа, от которых эти изображения отделяются, носятся по воздуху и попадают к людям, так же как «образы» любых предметов, животных и других людей? Так, недоумевает Цицерон: «Что же сказать о Демокрите, который возводит в боги то «образы» и их беспорядочное движение, то ту природу, которая изливает и посылает эти «образы», то нашу мысль и разум?» (13, 472а).

Так или иначе «боги» Демокрита — это объекты физического мира. Они не могут даже состоять из одних тончайших атомов огня (и души), так как эти атомы должны перемеживаться с другими; иначе они не задерживаются, рассеиваются в пространстве. Итак, это не бесплотные духи.

Вполне возможно, что сообщения некоторых источников о божественной сущности, испускающей «образы», являются смешением с мне-

нием Эпикура, который признавал богов в междумирьях (т. е. в пространствах между мирами). Лукреций же, который здесь отходит от Эпикура и сближается с Демокритом, ясно указывает, что «призраки» могут возникать в воздухе сами собой, т. е. без источника их предмета, а также складываться из разных предметов:

Всякого вида везде и повсюду ведь призраки мчатся,
 Частью сами собой возникая в пространстве воздушном,
 Частью от разных вещей отделяясь и прочь отлетая
 И получаясь из образов их, сочетавшихся вместе.
 Ведь не живым существом порождается образ Кентавра,
 Но коли образ коня с человеческим как-то сойдется,
 Сцепятся тотчас они...

(IV 735—742)

Ни боги-«образы», ни даже боги-источники «образов» у Демокрита не являются в сущности богами религии. Они не сверхъестественны, т. е. не «чудесны» в смысле власти над законами природы. Они состоят из атомов и подчинены законам природы как все остальное. Они не создают мира, не устраивают его и ничего не предопределяют, они сами подвержены необходимости и даже осенним ветрам. Они не вечны, не бессмертны. Они сами по себе не могут вызвать религиозного чувства. Они не требуют культа. Они не карают и не награждают. Они не имеют даже такого значения образца и примера (по крайней мере, согласно сохранившимся фрагментам), какое имеют боги Эпикура. И сами древние очень хорошо понимали «не-божеский» характер «богов» Демокрита и считали его взгляды просто-напросто безбожием. Цицерон, излагая это демокритовское учение, спрашивает: «Разве он... не упраздняет совер-

шенно бога, так что не оставляет и никакой мысли о нем?» (13, 472a). Знаменитый богослов Августин возмущен демокритовским учением о том, что «образы» богов происходят из природы, которую Демокрит «считает материальной и вечной, а в силу этого и божественной» (там же).

«Атеизм» — значит «отрицание бога». Но в случае с Демокритом мы имеем парадокс: его учение о богах — атеистично.

А ЧТО В АИДЕ?

Вопрос о смерти был освещен в особом произведении Демокрита — «О том, что в Аиде».

Большинство ученых согласны в одном: это был не рассказ о загробной жизни, а сочинение, направленное против веры в нее. Оно возникло, возможно, в ответ на распространение орфических представлений о загробной жизни и связанных с этим обрядов и мистерий. Религия орфиков, довольно рано проникшая из Крита во Фракию, а затем в остальные районы Греции, отличалась от гомеровской мифологии. В последней выразилось презрение греков к возможной жизни за гробом, а душа без тела рассматривалась как жалкий призрак. В орфических же верованиях, сомкнувшихся с пифагореизмом (затем развитых Платоном), тело изображалось как гробница души (отношение soma — sema: тело — душа), из которого она освобождается для соединения с богом в загробной жизни. Книга Демокрита могла быть опровержением дошедшей в Грецию из Египта «Книги мертвых», а также орфико-пифагорей-

ских произведений о схождении душ мертвых, известных в Афинах в конце V в. и отразившихся в комедии Аристофана «Лягушки».

По оставшимся отрывкам комментатора Платона — Прокла, а также по Стобею и Филодему, мы можем судить, что книга Демокрита имела два аспекта: «физический» (естественнонаучный) и моральный. Прокл говорит, что в сочинении «Об Аиде» естествоиспытатель Демокрит подобно другим собрал рассказы о тех, которых считали умершими и которые затем воскресли. Это мнимое воскресение он объяснял чисто естественными причинами: человек только казался мертвым, но смерть в действительности не наступила, сердце задержало искорку жизни (см. 13, 585). По сообщениям Цицерона, Тертуллиана, Цельса, Аэция, мы знаем учение Демокрита о душе, в котором с помощью атомистической теории обосновывался смертный характер души, невозможность ее отделения от тела и самостоятельного посмертного существования (см. там же, 586). Это было нами изложено в разделе о теории познания и психологических взглядах Демокрита. Согласно им, смерть наступает в результате того, что ослабевшее тело не может уже больше удержать с помощью дыхания атомы души, которые выдавливаются окружающей средой и наконец полностью уходят, рассеиваясь и смешиваясь с атомами воздуха (см. там же, 463; 466). Демокрит выступал здесь не только против орфических книг и мистерий. В Греции широко распространялись рассказы о воскресении различных полумифических личностей, знаменитых Абариса, Эпименида, Гермотима или таких, как Аристей, о котором писал Геродот (IV 14)

и Эр из Памфилии, персонаж диалога Платона «Государство» (614 в сл.). Приводя эти рассуждения, Демокрит подвергал сомнению их достоверность и отрицал возможность жизни души после разложения тела.

Однако это был не единственный аспект произведения Демокрита. Ведь Фрасилл поместил его одним из первых в списке этических сочинений Демокрита. Следовательно, оно опровергало учение о загробной жизни и с моральной точки зрения — как нелепое и обманчивое, а потому примосыщающее вред человеку. Такой смысл сохранили нам два отрывка Стобея (см. 13, 583; 584), в которых вера в загробную жизнь названа заблуждением глупых людей.

Замечательный сатирик II в. н. э. Лукиан, который боролся со всяким суеверием, восторгался трезвостью ума Демокрита, неподвластного религиозному обману. Он оставил нам следующий рассказ: Демокрит «был настолько убежден в невозможности подобных явлений (т. е. появления духов умерших людей.— Б. В.), что запирался в надгробном памятнике за городскими воротами, где ночью и днем писал свои сочинения. А когда какие-то юноши захотели попугать его ради шутки и, нарядившись покойниками, надев черное платье и личины, изображающие черепа, окружили его, и стали плясать вокруг него плотной толпой, то он не только не испугался их представления, но и не взглянул на них, а сказал, продолжая писать: «Перестаньте дурачиться». Так твердо он был убежден в том, что души, оказавшиеся вне тела, — ничто» (11, 337—338).

Итак, согласно взглядам Демокрита, смерть — естественное и неизбежное явление природы.

Ей не надо удивляться, не надо противиться, не надо отчаиваться по умершим и устраивать пышные погребальные обряды. Человек — творение и часть природы, и он подвержен ее неизблемым законам — так гласила атомистическая философия.

Атеизм Демокрита был еще мало доступен народу в то время. Однако, по словам Н. Г. Чернышевского, «те передовые люди, деятельностью которых развивается наука, ведут ее и к тому, чтобы прониклась результатами ее жизнь всего народа» (66, 260).

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В УЧЕНИИ О МОРАЛИ

*Не к побегу песнь звала...
А к мужеству, к отпору, к непреклонности...*

Эсхил

*Мужество уменьшает бедствия.
Демокрит*

СПОРНОЕ И ДОСТОВЕРНОЕ В ЭТИКЕ ДЕМОКРИТА

Философские изречения Демокрита — это та часть его наследия, которая наряду с теорией атомов оказала самое большое влияние на духовную жизнь последующих поколений; и в то же время она долго была анонимной, была растворена в ходячих максимах неизвестного происхождения. Дело ее полного восстановления, очищения от искажений и осмысления далеко еще не закончено.

Еще в середине прошлого века в работе «Немецкая идеология» К. Маркс и Ф. Энгельс резко критиковали анархического индивидуалиста М. Штирнера за неверное толкование этики

Демокрита и ее основного понятия «эвтимии» как «отталкивания мира». В изображении Штирнера Демокрит ничем не отличается от стойка, старающегося «избавиться от мира», и не очень многим — от индийского факира, а «его почти неизвестная этика ограничивается несколькими замечаниями, которые он будто бы сделал, будучи старым, много путешествовавшим человеком» (2, 3, 126).

Однако сомневаться в том, что существовало этическое наследие Демокрита, нельзя. В списке Диогена Лаэртция, где передан порядок сочинений Демокрита, согласно тетралогиям Фрасилла, «Моральные сочинения» находятся на первом месте и из них перечислены восемь (две тетралогии) (см. 13, СХV). Ни одно из этих сочинений не сохранилось. Однако в настоящее время можно насчитать около 70 свидетельств и фрагментов сугубо этического содержания, а таких, которые так или иначе касаются вопросов морали, гораздо больше — около 200. Все они найдены и собраны из разных источников за последнее столетие, и, конечно, вокруг их подлинности не прекращаются споры.

Первая часть этических фрагментов Демокрита дошла до нас в антологии автора V—VI вв. н. э. Стобей. Стобей собрал 130 моральных высказываний и наставлений в назидательных целях: для воспитания своего сына. Это был «Цветник» — выписки из произведений поэтов, философов, ораторов, историков и др., начиная с Гомера по IV в. н. э. Стобей не фальсифицировал изречений, он их переписал такими, какими нашел, выбирая то, что ему подходило. Каково же происхождение изречений? Как могли сохраниться этические фраг-

менты Демокрита, о которых молчал Платон и как будто не знал Аристотель, самый главный и надежный источник творчества абдерита? Неразрешимость этого вопроса вызывала большие сомнения в подлинности сохранившегося.

Однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что Платон и Аристотель не знали этических произведений Демокрита. Некоторые исследователи считают, что Платон в этике немало заимствовал у Демокрита, изменяя его взгляды на свой лад и, как обычно, не называя его имени. Еще точно не исследовано, пользовался или нет Аристотель моральными сочинениями Демокрита. Его «Этика» представляла собой лекции, составленные для сына Никомаха и прочитанные ученикам. Аристотель очень мало говорит здесь о своих философских предшественниках; видимо, он не счел нужным упомянуть и Демокрита, тем более что во многих взглядах расходился с ним. Однако в ряде мест излагаются, возможно, взгляды Демокрита или ведется полемика с ним.

Конечно, надо было искать этические фрагменты Демокрита в наследии тех философских школ, которые занимались этическими проблемами. С этикой Демокрита, несомненно, был знаком Эпикур. В произведениях школы киников были найдены моральные высказывания, взятые, правда, не прямо из трактата Демокрита, а из компиляции его произведений, упомянутых Диогеном Лаэртцем. Еще больше высказываний Демокрита было сохранено и (соответственно обработано) школой стоиков, под влиянием которой находился и автор «Цветника» — Стобей. Итак, фрагменты моральных сочинений Демокрита дошли до Стобея уже про-

сеянные через киническое и стоическое «сита», а затем и христианское. Особенно искажала эти изречения гностическая секта валентиниан. Впоследствии ортодоксальные христианские ученые списывали у валентиниан их сообщения о Демокрите; так появились отрывки, в которых говорится о бессмертии и о благом и всемогущем боге, о Христе и т. п. Такие фрагменты приходится целиком или частично исключать как подложные, так как они противоречат хорошо засвидетельствованным взглядам Демокрита (см. 46, 7; 571—575).

Несколько таких отрывков тоже вошло в сборник Стобея.

Другим источником этики Демокрита является коллекция 86 фрагментов под заглавием «Золотые изречения Демократа-философа», впервые опубликованные в XVII в. Л. Голстеинем, а затем в начале XIX в. переизданные Орелли (см. 10, 338). Они происходят, как предполагают, из каталога изречений александрийского филолога и ученого эллинистического времени Каллимаха. Некоторые изречения на арабском языке, найденные учеными, тоже переданы под именем «Демократ». Достоверны ли изречения таинственного Демократа, имя которого является, по общему мнению, испорченной позднеантичной формой имени «Демокрит»? Их подлинность не раз подвергалась сомнению. Однако многие изречения второй коллекции подтверждают первую, а часть подтверждается известными и достоверными высказываниями Демокрита. Поэтому большинство ученых считают, что оба сборника можно в принципе считать источниками сведений об этике Демокрита. Но в то же время каждый фрагмент в от-

дельности подлежит проверке. Такая проверка проводилась во многих работах, результаты ее иногда были очень отличны друг от друга (см. 74, 489—495. 79).

Второй проблемой, вокруг которой до сих пор идет спор, является проблема связи между этическими фрагментами Демокрита и его физической теорией. Мы не будем томить читателя перечнем различных точек зрения и имен ученых, а сообщим результаты спора. В настоящее время большинство исследователей, в том числе советские демокритоведы, утверждают, что имеется глубокая внутренняя связь между этикой и физикой Демокрита. Но эта связь видна не сразу, она касается скорее общих принципов. Демокрит прямо не объяснял поступков и мотивов людей движением атомов, хотя именно это движение в конечном счете он считал причиной всех изменений и движений души и ума человека.

До нас дошли этические идеи и Гераклита, Эмпедокла, Анаксагора. Этику и мораль греки еще не разделяли. Под этикой или моралью понималась совокупность суждений о добре и зле и об основных целях, которыми человек должен руководствоваться в жизни, а также совокупность норм поведения людей и их взаимоотношений и обоснование этих норм.

Этика Демокрита в таком виде, в каком она до нас дошла, не представляет собой единой, стройной системы. Возможно, этические взгляды Демокрита были систематически изложены в его главном этическом произведении «О ровном настроении духа» (*Peri euthymies*). Большинство этических изречений Демокрита — это краткие сентенции, «гномы» в форме древних

изречений, таких, как изречения семи мудрецов, Гесиода («Труды и дни»), элегии Феогнида, восточные сборники — изречения Соломона, роман Ахикара. Что касается последнего, то здесь сходство не ограничивается формой. Изречения Ахикара были известны в Египте в V в. и, по преданию, были начертаны на каменной стеле. Согласно Клименту, «Демокрит... переведя стелу Ахикара, включил ее в число своих произведений» (13, XIV). Несмотря на многие возражения против признания подлинным этого сообщения, оно, как мы увидим, в какой-то мере подтверждается.

Итак, мы можем предполагать, что Демокрит кроме собственных моральных идей включал в свои произведения древние изречения, греческие и восточные, отбирая, видимо, те, с которыми был согласен. Об этом сказано и в самом перечне сочинений у Диогена Лаэртца, где выделены из «Этических записок» сочинения, связанные с путешествием по Азии. Видимо, поэтому ряд изречений ученые нашли банальными, устаревшими даже для времени Демокрита (74, 490) и несоответствующими глубине его мысли. Однако эти поучения воплощали опыт масс, народную мудрость. Большинство «золотых изречений» обоих сборников были традиционными. Но были и другие, новые для античного времени. Задача этих изречений — помочь людям избрать наилучший образ жизни, помочь достижению блага. И Демокрит говорил: «Если кто-нибудь с умом станет внимать этим моим изречениям, то он совершит много дел, достойных прекрасного мужа, и избегнет многого дурного» (17, 273).

ЦЕЛЬ И СМЫСЛ ЖИЗНИ

Известный историк древней философии Бернет считал подлинным только произведение Демокрита «Об евтимии», что дословно означает «О хорошем состоянии духа». Таким «хорошим» состоянием Демокрит считал спокойное, ровное настроение, которое устанавливается вследствие равномерного движения атомов человеческой души. Поэтому мы и переводим название: «О ровном настроении духа» (13, СХV). Достижение его, по Демокриту, — счастье и благо, и в этом цель жизни. По Диогену Лаэртию, ровное настроение духа — «это такое состояние, при котором душа пребывает в спокойствии и равновесии, не волнуемая никакими страхами, суевериями или другими переживаниями. Он (*Демокрит*) называет такое состояние *euesto* и многими другими именами» (там же, 735). По Демокриту, пишет Цицерон, «спокойствие души и есть самая счастливая жизнь». «Если даже он считал, что счастливая жизнь — в (самом) познании, то, однако, хотел, чтобы из исследования природы вытекало благо для души; поэтому он называет высшее благо *eutimia*, часто *atambia*, т. е. душой, свободной от страха» (там же, 741).

Здесь почти все было ново, начиная с самого слова «евтимия». Счастье человека, по Демокриту, не зависело от счастливого стечения обстоятельств (*tyche*) и богини Тюхе (отсюда происходило название счастья «*eutychie*»). Оно не зависело и от прихоти божества — демона (откуда происходило слово «*eudemonie*»). Оно не означало также счастья от богатства и на-

слаждений, т. е. не означало и гедонизма, который впоследствии был представлен основателем школы киренаиков Аристиппом. ...Благое состояние духа... не тождественно наслаждению, как, превратно поняв, воспринимали некоторые» (там же, 735). «Тот, кто с радостью в душе устремляется к делам справедливым и законным, тот радуется и во сне и наяву, здоров и беззаботен; тот же, кто пренебрегает справедливостью и не делает того, что нужно, когда вспомнит об этом, испытывает неприятности, страх и бранит самого себя» (там же, 740).

Ф. Энгельс в своей книге «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» пишет о том, как обыватель, филистер обычно понимает материализм: это «обжорство, пьянство, похоть, плотские наслаждения и тщеславие, корыстолюбие, скупость, алчность, погоня за барышом и биржевые плутни, короче — все те грязные пороки, которым он сам предается втайне» (2, 21, 290). Такие обвинения часто адресовались и Демокриту и еще больше — его продолжателю Эпикуру из-за того, что этика Демокрита была материалистична и глубоко отлична от религиозно-идеалистической этики Сократа — Платона (а затем — христианства). Демокрит видел источник морали не в «божественном голосе», как Сократ, не в «идее добра», как Платон, не в велениях богов, а в земной жизни людей. Нужда научила людей общаться друг с другом и способствовала организации их чувств, ума и души, которые состоят из атомов, смешанных в определенной пропорции (см. 13, 460). Так свидетельствует Феофаст, и это согласуется с этическими фрагментами о душевном покое, который зависит от

«равновесия души» (см. там же, 735; 737; 739). Цель жизни, по Демокриту, — счастье, но оно ни в коем случае не сводится к телесным наслаждениям и узкому себялюбию, которые до сих пор приписывают его этике идеалисты всех мастей (см. там же, 776—790).

«Евтимия» у Демокрита включает удовольствие. Демокрит признавал человека природным существом с естественным стремлением к удовольствию и естественным инстинктом, который велит ему избегать неудовольствий и огорчений. Этот человек имеет право на счастье. Но чувства удовольствия и неудовольствия, согласно Демокриту, — это «граница между тем, что родственно нашему духу и неродственно» (там же, 734), это как бы сигналы, которые указывают человеку, к чему надо стремиться, а чего избегать для достижения нормального и радостного состояния души. Счастье — именно в этом состоянии: это не только евтимия, но и евесто (внутренняя устойчивость), а также гармония, размеренность (симметрия) и атараксия (безмятежность, которая, однако, у Демокрита не означала бездеятельности), и атамбия (неустрашимость). И здесь, в этике, так же как в теории познания, чувства являются источником сведений о добре и зле, но решает разум. Именно разум помогает человеку соблюсти важнейшее условие счастья — меру.

Понятие меры, которое было органически связано с понятиями порядка, ритма и гармонии, было традиционным в древнегреческой философии (см. 44, 35—43). Оно применялось философами как в учении о бытии, так и в объяснении внутреннего мира человека. Соблюдение меры было важной нормой морального кодекса

Гесиода. Понятие меры роднило философию Гераклита и пифагорейцев; у последних оно было развито как числовая категория. Наконец, оно играло важную роль и в современной Демокриту медицине. Из понятия меры, упорядоченности всех желаний человека, что считалось залогом красоты и добра, выросал идеал гармонического человека, который нашел свое яркое выражение в греческом искусстве.

Требование соблюдать чувство меры звучит в старом греческом изречении, приписываемом еще семи мудрецам, в частности реформатору Солону: «Μεδειν αγαπ!» — «Ничего слишком!», т. е. ничего сверх меры. У Демокрита это стало целым учением, сочетающим атомистическую теорию и этику.

Атом невидим, ибо он слишком мал. Сущность и качества вещи зависят от того, какая форма, расположение и порядок атомов в ней преобладают; мера пройдена — и вещь превращается в другую. Жизнь животного и человека зависит от равновесия вдыхаемых и выдыхаемых атомов огня; пройдена мера тех, которые человек может удержать — и человек умирает. Сама жизнь зависит от меры концентрации огненных атомов в веществе. А мера в образе жизни человека является условием его здоровья и счастья.

Приведем ряд фрагментов по изданию С. Я. Лурье (13): «Если превысить меру, то и самое приятное станет самым неприятным» (753). «Неразумные наслаждения порождают огорчения» (755, ср. 34 и 750). «Радости доставляют наибольшее удовольствие, если они редки» (757). «У людей с уравновешенным характером и жизнь упорядочена» (752, ср. 739).

«Желать чрезмерного подобает ребенку, а не мужу» (754). «Прекрасна во всем середина: мне не по душе ни избыток, ни недостаток» (749, ср. 748; 750—761). Распознает же меру и регулирует «мудрость» человека его разум. «Вот что еще сказал Демокрит: «Мудрец — мера всех существующих вещей. При помощи чувств он — мера чувственно воспринимаемых вещей, а при помощи разума — мера умопостигаемых вещей» (97).

Человек должен быть также в меру деятельным как в личных, так и в общественных делах; ничего хорошего не получится ни для него, ни для других, если он будет брать на себя то, что сверх его сил и природных способностей; не надо принимать и слишком много благ и богатств, если судьба их пошлет, ибо это может привести к огорчениям, т. е. злу (см. 13, 737; 738; 750). «Как нужда, так и изобилие склонны к изменениям и вызывают большие душевные волнения. А души, волнуемые большими переменами, не могут быть ни уравновешенными, ни благорасположенными» (там же, 739). Демокрит требовал воздержанности и умеренности во всех сферах личной жизни, ибо «мужествен... тот, кто сильнее... своих страстей» (13, 706).

Люди, предающиеся излишним наслаждениям, не соблюдающие меры, квалифицируются Демокритом как глупцы и неразумные, которые сами виноваты в своих бедах и не могут принести счастья себе и другим (см. 13, 799; 798).

Совет быть умеренным в делах вызывал неодобрение и превратные толкования у многих как античных, так и современных авторов. Од-

нако же совет Демокрита был практически разумен и направлен, с одной стороны, против жадности и стяжательства дельцов, ставящих свои частные интересы превыше всего; а с другой стороны, — против амбиции деятелей и демагогов, которые брали на себя многое «сверх своих способностей», что приводило их к провалам и поражениям. Он свидетельствовал также о том, что у Демокрита не было «культы государства», который, по Марксу, был «истинной религией» древних (2, 1, 99); к законам полиса, как к установленным людьми, он относился положительно, но критически.

Имя Демокрита было известно в средние века на Арабском Востоке. В книге мусульманского теолога и философа XII в. Мухаммеда аш-Шахрастани «Китаб аль милал ва-н-нихал» («Книга о религиях и сектах») есть сведения и о школах греческой философии. Здесь приведены 15 «Изречений мудрости Демокрита» со вступлением и пояснениями. До недавнего времени все эти изречения считались подложными и не переводились в изданиях Демокрита даже как «псевдодемокритовская литература». В то же время свидетельства Шахрастани считались вполне применимыми к Эмпедоклу и Порфирию, а также рассматривались как ценный источник учений других философов. На эту «несправедливость» обратили внимание немецкие ученые из ГДР Ф. Альтгейм и Р. Штиль. Они подтвердили и поддержали одно уже ранее сделанное наблюдение: некоторые изречения у Шахрастани совпадают с «Романом Ахикара», тем самым, с которого, по сообщению Климента Александрийского, «списывал» свои этические изречения Демокрит.

На 11 кусках папируса из Элефантины найдена арамейская версия (таких имеется еще 8 на разных языках) романа о мудром визире ассирийского царя Синахериба, который, кроме того что заставил египетского фараона уплатить дань своему царю, оставил еще нравоучительные поучения. Арамейскую версию Альтгейм и Штиль считают оригинальной и датируют V в., временем, когда жил и, возможно, был на Востоке Демокрит. Они обратили внимание на одно изречение, которое совпадает у Шахрастани и Ахикара совершенно дословно. Оно как раз касается меры, только поучает о ней по-восточному наглядно:

Будь не слишком сладок, чтобы тебя не проглотили
И не слишком горек, чтобы тебя не выплюнули.

(22, 269)

А о значении разума в поведении гласит следующий диалог: «Ему (Демокриту. — Б. В.) сказали: Не смотри! — Он закрыл глаза. Ему сказали: Не слушай! — Он закрыл свои уши. Ему сказали: Не говори! — Он положил руку на уста. Ему сказали: Не знай! — Он ответил: Этого я сделать не могу. — Он хотел этим выразить, что внутренние вещи не подлежат свободному решению. Он указал на необходимость во внутреннем и на свободное решение во внешнем... К этому высказыванию имеется еще второе объяснение. Он этим думал о различии между разумом и чувствами...» (67, 569).

Возможно, это пересказ изречения Демокрита. А в своем объяснении автор затрагивает вопросы соотношения необходимости и свободы воли, а также двух видов познания, которые

играли важную роль в учении Демокрита. Только четыре изречения Шахрастани и Ахикара действительно дословно совпадают; этого мало, чтобы доказать подлинность всех 15 изречений. Первый советский издатель фрагментов Демокрита Г. К. Баммель еще в 1935 г. знал об этих совпадениях, но считал те и другие изречения псевдодемокритовскими (см. 110, 345). Ф. Юрсс, редактор издания «Греческих атомистов» (Лейпциг, 1973), включил только три отрывка. Все они — этического содержания. Мы приводим их на с. 151 и 154.

БЕЗРЕЛИГИОЗНАЯ ЭТИКА. ВПЕРВЫЕ — «СОВЕСТЬ»

Новым в этике Демокрита было ее нерелигиозное обоснование, а поистине революционным — мотивировка моральных норм не внешними религиозными запретами и не страхом перед наказанием, а внутренними побуждениями человека.

Идеалисты и религиозные философы исходят обычно из предпосылки, что мораль не может быть ни безрелигиозной, ни атеистической, тем более в далеком прошлом. Однако после того, как в результате последних исследований наши знания об этике Демокрита значительно пополнились, стало ясно не только то, что мы имеем дело со значительным явлением в истории этики, но и то, что перед нами светская система морали, лишенная печати религиозности и во многом противостоящая религиозным взглядам.

Правда, в этических изречениях, которые были предназначены для широкой публики, атеис-

тическая направленность учения была завуалирована. Здесь кое-где символически употреблялись мифологические образы и имена богов, но это не меняло сути. Как мы видели, чувства удовольствия и неудовольствия являются, по Демокриту, границами меры эвтимии, в рамках которых происходит спокойное движение атомов души, их хорошее расположение, которое вызывает ощущение счастья. Иными словами, счастлив тот, кто чувствует, что у него «хорошо на душе». Удовольствие и неудовольствие — это сигналы тела, и они в основном правильны. Стремления тела — естественны, само тело не требует лишнего. А вот душа часто стремится к недостижимому и не полезному природе; она и разжигает страсти тела, она изнуряет и терзает его, увлекая без необходимости на неподобающие действия (см. 13, 776а). «Как счастье, так и несчастье (заложены) в душе» (13, 777). Здесь Демокрит полностью противопоставил свое понимание соотношения души и тела орфическому и аскетическому (потом христианскому) взгляду, согласно которому тело — это источник зла, соблазна, «гробница души».

Но если неразумная душа может сбить человека с пути к своему счастью, то та же душа — это и ум, обладающий «светлым познанием». Разум контролирует показания чувств, правильно отбирает радости соответственно природе. Демокрит утверждал, что только разумный человек, а тем более «мудрец» может быть счастливым. Ведь разумный человек сумеет преодолеть страсть, уныние и горе, он способен на «мужество, которое уменьшает бедствия» (см. там же, 742; 762—764; 766; 770а). «Невыносимое страдание души, пораженной скорбью, —

говорит Демокрит, — изгоняй разумом» (10, 517).

Разумный человек лишен также суеверий (см. 13, 735), а поэтому свободен от страха, терзающего душу и нарушающего ее нормальное состояние. И наоборот, неразумные, суеверные люди постоянно ему подвержены. «Неразумные, ненавидя жизнь, как Аид, держатся за нее из страха перед Аидом». «Неразумные люди, боясь смерти, желают старости». «Люди, избегая смерти, устремляются (к ней)» (там же, 796; 797).

Поэтому знание, согласно «естествоиспытателю» Демокриту, представляет огромную моральную ценность. «Телесная красота животна, если за ней нет ума» (там же, 778; ср. 741). «Ласточки возвещают нам ясную погоду, мудрые речи — отсутствие печалей» (там же, 779). А одно изречение у аш-Шахрастани гласит: «Он сказал: кто своему брату дарит состояние, тот дарит ему свои сокровища, но кто ему дарит свое знание и свой хороший совет, тот дает ему свою душу» (67, 568). Невольно вспоминаются свидетельства о том, как Демокрит вернулся из путешествия без «сокровищ» и жил на попечении брата, но подарил ему «хороший совет». Во время жары он предсказал большой дождь и посоветовал до дождя убрать урожай. Брат спас свой урожай, а те, кто не поверил прогнозу, урожай потеряли (см. 13, XXXV).

Итак, источник морали не в велениях богов и не в законах; он в самом человеке, в его чувствах и разуме. Это огромный шаг в этике: введение понятия совести, провозглашение сознательной морали, основанной на внутренних факторах психики человека. Приведем ряд изре-

чений Демокрита: «Дурного не говори и не делай, даже если ты один; научись стыдиться себя намного больше, чем других». «Совершающий позорное дело должен прежде всего стыдиться самого себя». «...Больше всего надо стыдиться самого себя, и для души должен быть установлен закон: «Не совершай ничего неподобающего»». «Не из страха, но из чувства долга надо воздерживаться от проступков» (там же, 604; 605). Состояние «стыда перед самим собой» и есть этическая категория совести. Новым было у Демокрита и требование моральной оценки человека не только за его действия, но и за его намерения (см. там же, 606). Это было требование морали более высокой не только по сравнению с античной, но и с христианской моралью, которая связывает совесть с ожиданием загробного суда. По Демокриту, же, наоборот, сама вера в загробное существование и возмездие — признак дурной совести (см. там же, 583).

И все же на этике Демокрита лежит общая для всей античной философии печать абстрактности. Кто этот разумный «человек», в котором все прекрасно и гармонично, который не боится, не страдает, не превышает меру ни удовольствия, ни горя, который достигает евтимии? Это какой-то абстрактный человек, имеющий человеческие биологические свойства, но не существующий в природе. Или это «каждый» человек; но ни раб, ни бедняк не мог достичь спокойствия души, «гармонии» в своих отношениях к рабовладельцам и богатым, богатые же явно не хотели по совету Демокрита умерять свои удовольствия. Разве только демокритовский «мудрец», которого он ставит на большую

высоту, может достигнуть евтимии. Но даже «смеющийся Демокрит» не мог только смеяться над заботами и горем людей, ибо он никогда не «отталкивался» от мира.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

В древних, и не только древних, учениях социальные воззрения так тесно переплетены с этическими, что отделить их зачастую невозможно. У Демокрита к тому же этика и социальная философия тесно связаны с его философией природы. Основой его социальной философии являлась античная теория естественного права, которая имела у него демократический характер: по природе все люди равны, и их естественные стремления являются одинаково правомерными, закон же должен следовать природе.

Социально-политические взгляды Демокрита формировались еще в период борьбы поднимающейся греческой демократии — предприимчивых торговцев, ремесленников, мореплавателей, а также крестьян — против родовой аристократии и персидской монархии, а затем против богатых олигархов. Борьбу с персами он обосновывал не только необходимостью защиты родины от чужеземного порабощения, но и социально-политическим фактором: «Бедность в демократическом государстве надо предпочесть тому, что называется счастливой жизнью в монархии, настолько же, насколько свобода лучше рабства» (13, 596). Высказывание Демокрита о демократическом государстве бросает свет на его политические взгляды. Абдеры, чьим гражданином и патриотом был Демокрит, входили

в Афинский морской союз. Изречение подтверждает факт, что союзное членство в момент его возникновения не ощущалось как несвобода. Источники свидетельствуют, что по крайней мере некоторое время Афины были для союзников, особенно малых городов, оплотом демократии и защитником в борьбе с персидской монархией и местными аристократами. Афины несомненно защищали союзные города и от пиратов Эгейского моря.

Согласно этическому учению Демокрита, правитель, который властвует над другими, должен сначала властвовать над собой (см. там же, 618). Таков идеальный правитель Перикл в изображении Протагора, а слова о том, что справедливый правитель рискует при нынешних порядках подвергнуться впоследствии мести со стороны наказуемых им граждан (см. там же, 613), напоминает события 430 г., когда Перикл подвергся тяжелым обвинениям и судебному преследованию (см. 19, 2, 65). С другой стороны, «безрассудство и наглость» некоторых должностных лиц (см. там же, 614; 616; 689) подсказывают образ вождя радикальной демократии и противника Перикла Клеона, как он изображается Фукидидом. Действительно, гражданин союзного государства Демокрит не мог симпатизировать Клеону, который вдвое увеличил форо́с союзников, а также предлагал казнить после восстаний всех митиленян и жителей Скионы (см. там же, 36—42). Было замечено, что в знаменитой похвале афинской демократии в речи Перикла у Фукидида (см. там же, 37—42) некоторые фразы о присущем ей равноправии бедняков с богатыми, о единстве государственных и частных интересов и воз-

возможности граждан заниматься как своими, так и государственными делами напоминают высказывания Демокрита (см. 13, 596; 595; 612). Из всего этого можно сделать вывод, что Демокрит, который несколько лет провел в Афинах, был идеологом демократического полиса типа Перикловых Афин и, видимо, сторонником Афинского государства, хотя и не безусловным.

Имеющиеся фрагменты сохранили некоторые законодательные предложения и советы Демокрита. Он требовал изменить существующий порядок замещения выборных лиц, чтобы оградить справедливого правителя от мести лиц, им наказанных. Он осуждал лесть и угодничество перед властью имущими и сформулировал ряд моральных постулатов по отношению к избираемым народом и облеченным властью людям (см. там же, 611—619). Мы уже видели, что, несмотря на предпочтение, отдаваемое природе, Демокрит, как большинство греческих мыслителей классического периода, признавал закон полиса. Однако можно предположить, что, делая акцент на значении совести в морали, он мечтал об обществе, в котором принудительные законы стали бы излишними; их заменят законы морали. А поэтому «тот, кто воспитывает в добродетели убеждением и доводами рассудка, окажется лучше, чем тот, кто применяет закон и принуждение». Это, по Демокриту, соответствует человеческой психологии, ибо «тот, кто воздерживается от несправедливости, только подчиняясь закону, будет, вероятно, грешить втайне» (там же, 607). Что касается религиозного страха, как залога морали и справедливости, то Демокрит (в отличие

от софиста — олигарха Крития, считавшего религию средством воздействия на людей) в него не верил. «Дурные люди дают клятвы богам, — как он остроумно заметил, — только когда они находятся в безвыходном положении. Когда же они от него избавились, все равно их не соблюдают» (там же, 791).

Чувство долга и совесть можно выработать в людях, считал Демокрит, в процессе воспитания, в котором «учение выявляет природу», а «природные способности, упражнение и время» служат образованию человека (см. 13, 682 и сл.). И поистине современно звучит изречение Демокрита о воспитательной роли труда: «Без привычки к труду дети не обучатся ни письму, ни музыке, ни гимнастике, ни, наконец, тому, что в наибольшей степени составляет добродетель — способности стыдиться; ибо в этих занятиях обычно к человеку приходит стыдливость» (там же, 692).

Но за какие же законы, за какие социальные порядки ратовал Демокрит? Судя по имеющимся изречениям, он стоял в основном еще на почве классической, полисной, причем демократической, организации, предполагавшей экономическую, социальную и политическую солидарность полноправных членов гражданского коллектива. Идеализируя полис, Демокрит высказал замечательные слова о силе и значении человеческого коллектива: «...государство, идущее по верному пути, — величайшая опора. И в этом заключается все: когда оно в благополучии, все в благополучии, когда оно гибнет, все гибнет» (там же, 595). Поэтому он неоднократно и решительно высказывался против жестокости, нечестности и стяжательства

богачей, против их скупости и ненасытного стремления к деньгам, против богатства вообще (см. там же, 626—632; 637—643а), он сочувствовал тяжелой доли бедняков (см. там же, 657; 678). Однако Демокрит не ратует за преобразование общества. Его призывы к скромности и умеренности, обращенные к беднякам (см. там же, 651—657а), могли сыграть и самую реакционную роль как проповедь терпения и классового мира. И все же социальная философия Демокрита не лицемерна, в отличие от христианской и буржуазной.

Демокрит от всех требовал ограничить потребности необходимым (залог евтимии), и особенно сурово от богатых и образованных (мудрецов). Он высказал мысль, что в сущности можно вполне обойтись не только без золота и без стад, но и без рабов — для счастья это не нужно (см. там же, 780; 781). А если судьба все же дала человеку богатство сверх необходимого, то его надо потратить с пользой для народа (см. там же, 633; 636). Наконец, он считал, что счастье человека не зависит ни от его происхождения, ни от сословия, ни от богатства, а только от его ума. Это была идеология передовой античной демократии эпохи расцвета, того времени, когда ряд прогрессивных реформ Перикла (а до этого Солона и Клисфена) заставили богачей «поделиться» с бедными, когда государство широко помогало гражданам за общественный счет, а на богатых и знатных накладывались пропорциональные их имуществу подати — «литургии»; рабство же еще полностью не развилось.

Как же Демокрит относился к рабству? Неужели глубокий и передовой ученый, материа-

лист и атеист был сторонником рабовладения? Подобное мнение опирается обычно на одну-единственную фразу: «Пользуйся слугами, как членами своего тела, употребляя одного из них для одного дела, другого для другого» (13, 710). Но здесь идет речь не столько о рабах в собственном смысле слова (*duloi*), сколько о рабах — домашних слугах (*oiketai*), которых Демокрит образно советует использовать по их квалификации.

Согласно Демокриту, по природе все люди равны. Его ближайший последователь софист Антифонт говорил: «От природы мы все и во всем устроены одинаково — и варвары и эллины... все мы дышим воздухом через рот и нос и едим при помощи рук» (цит. по: 45, 63). Абдеритянин, сосед фракийцев, Демокрит не мог не понимать, что рабами становились свободные прежде люди, да и сами греки часто попадали в рабство. Поэтому Демокрит говорил: «Те, которым доставляют удовольствие несчастья ближних, не понимают, что перемены судьбы могут коснуться всех...» (13, 678). Выраженное в его знаменитом изречении (о предпочтении бедности в демократическом государстве) презрение к политическому рабству могло вполне относиться ко всякому рабству вообще. В псевдогиппократовском романе в письмах Демокриту приписывались такие слова: «И ему (т. е. человеку) не стыдно называть себя счастливым, тогда как он копает глубины земли руками закованных в цепи людей, из коих одни погибают под обвалами пластов слишком рыхлой земли и другие, подчиненные в течение многих лет этой необходимости, пребывают в этом месте наказания как в своей

родине» (15, 354). Легенда говорит о том, что Демокрит выкупил из рабства Диагора Мелийского и сделал его философом (см. 13, XXVI). Наконец, еще один источник косвенно говорит об отношении Демокрита к рабству. Евстафий в комментарии к Одиссее сообщает: «Этот благородный раб Евмей вызвал у древних такое уважение, что они предпринимали изыскания об его матери. Демокрит называл ее Пенией...» (там же, 819).

Уже с V в. в Греции раздаются голоса против рабства. Софисты, сократики, Еврипид, а дальше, начиная с IV в., почти все виднейшие философы выступают против рабства (см. 43, 73). Учение Демокрита открывало путь для прогрессивных законодательных нововведений и общественных перемен. Ибо, как он говорил, закон «не должен людям мешать жить» (13, 570).

Демокрит высоко ценил дружбу и оставил ряд изречений о дружбе истинной и ложной (см. там же, 658—672). Он нисколько не отрицал, как часто считают, семью и любовь. Действительно, Демокрит советовал мудрецу лучше не иметь собственных детей, так как они могли бы оказаться неудачными и отвлечь от научных занятий. Но он писал о родительской и сыновней любви, которая свойственна людям (см. там же, 562). И хотя, как истинный житель восточного города, он не очень высоко ставил женщину, в одном из изречений он впервые противопоставил любовь (любимую) простому эросу (см. там же, 707 и 74, 491).

Демокрит, мы знаем, много путешествовал. Ему приписывают крылатую фразу: «Для мудреца открыта вся земля, ибо весь мир — родина

для высокого духа» (13, 730). Некоторые на основании этого высказывания называют Демокрита «космополитом». Демокрит же был «Патриотом» своего родного города, такое ему дали прозвище, и он подтвердил его всей своей жизнью. Но он шагнул за узкие рамки полиса, ему интересен мир, наука, нравы и люди других стран, а мудрость, по его мнению, позволяет человеку везде чувствовать себя свободно.

Многие высказывания Демокрита звучат для нас как устаревшие или неприемлемые. Но в целом его взгляды глубоко впечатляют. Из глубины веков «идолы» из сокровищницы его мыслей несут нам образ старого, мудрого Демокрита, который, хотя и посмеивался над глупостью людей, но любил и уважал их. И может быть, и он уже мечтал о том, о чем говорит Максим Горький: «Научатся ли когда-нибудь люди, если уже не понимать, то хоть молча уважать друг друга? Поймут ли они когда-нибудь, что кроме человечества в мире нет ничего интересного и что только человек — мера вещей и творец жизни?»

СУДЬБА
ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ
ДЕМОКРИТА

Жизнь Демокрита в веках — это постоянная борьба лагерей в философии, столкновение научных взглядов, партий и классов. «Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии борьба идеализма и материализма? Тенденций или линий Платона и Демокрита в философии? Борьба религии и науки? Отрицания объективной истины и признания ее? Борьба сторонников сверхчувственного знания с противниками его?» (3, 18, 131). Произведения Демокрита — энциклопедический по своему охвату свод знаний, изложенных языком не менее прекрасным, чем язык Платона. Они оказали огромное влияние на современников и еще больше — на следующие поколения философов. «Что сказать о Демокрите? Кого мы можем поставить рядом с ним не только по величию ума, но и по величию духа?» — восклицает Цицерон (13, 826).

Однако еще в IV в. Платон, пользуясь сочинениями Демокрита не только в целях полемики, но и для заимствования некоторых идей, принял тактику полного умолчания его имени и трудов и даже, по свидетельству Аристоксена, пытался их сжечь (см. там же, LXXX). Некоторые современные буржуазные ученые пыта-

ются это опровергнуть. Например, Дж. Боллак в статье 1967 г. пишет, что Платон «восхищался» Демокритом, а рассказ Аристоксена — анекдот. Опровергая это мнение, голландский ученый Ферверда показал детально, что учение Платона глубоко противоречило взглядам Демокрита. Но и он постарался смягчить истину показав, что между ними было и много сходства. Поэтому сжечь книги, по его мнению, Платон хотел потому, что его концепция государства потерпела поражение в реальной жизни. Платон не хотел «дать народу открыть свой главный недостаток по сравнению с самым влиятельным философом его времени» (71, 377)

Всеобъемлющий систематизатор древнегреческой науки и философии Аристотель иначе относился к абдерскому философу. Он и его лучшие комментаторы высоко ставят Демокрита как ученого, заимствуют из его учения, а иногда правильно вскрывают его слабые стороны. «Он (Аристотель. — Б. В.) показывает, — говорит Филопон, — что доводы Демокрита далеко превосходят в убедительности доводы Платона: доводы Платона — явная нелепость, найти же ошибку в доводах Демокрита весьма трудно» (13, 101). Однако Аристотель, как мы видели, постоянно полемизирует с Демокритом, не понимая его детерминизма и не принимая атомизма. В эпоху растущего кризиса рабовладельческого общества, когда влияние Платона и Аристотеля было почти монопольным, сочинения Демокрита и других «досократиков» становились все большей редкостью. Отдельные сочинения Демокрита были еще в руках у Плутарха (I в. н. э.), у Секста Эмпирика (ок. 200 г. н. э.).

Самыми преданными хранителями идей Демокрита были, конечно, его последователи-атомисты — Эпикур, эпикурейцы и Лукреций Кар. Еще в древности враги Эпикура создали легенду о том, что он был простым плагиатором Демокрита и притом его неблагодарным врагом, который, все списывая у великого мыслителя, одновременно его поносил. Найденные в XIX в. геркуланские папирусы, которые содержат ценные фрагменты эпикурейцев, опровергают эту версию (см. там же, СIII). Советский исследователь И. А. Боричевский обратил внимание на то, что эпикурейцы целые книги посвящали Демокриту. Высоко его ценили Метродор, Аполлодор, Филодем, Леонтий и сам Эпикур.

Великий почитатель Эпикура Лукреций в своей поэме постоянно приводит «священное Демокрита мнение» и в то же время развивает его. Если высказывания Демокрита повторяются и в сохранившихся «Письмах», и в отрывках Эпикура, и в поэме Лукреция, то это, как правило, служит для нас доказательством подлинности этих высказываний. I и II книги Лукреция примерно соответствуют «Великому диакосму» Демокрита, а V книга, по всей видимости, — «Малому диакосму». «Канону» Демокрита соответствует «Каноника» Эпикура и т. д. Близки идеям Демокрита отрывки из сочинений выдающегося врача II в. н. э. Галена, который пользовался трудами родственной Демокриту по духу школы Гиппократата. Интересны и ценны мнения античных критиков религии Лукиана и Цельса, а также философа-скептика Секста Эмпирика, хотя последний выбирает только то, что подходит его школе

(II—III вв. н. э.). Некоторые объективные суждения и правдивые сведения дает еще Цицерон. Хотя наряду с похвалами он не избегает и самой злостной интерпретации (см. 13, 746), факты он передает достоверные. Именно на основании свидетельств Цицерона К. Маркс открыл суть различия между взглядами Демокрита и Эпикура.

Почти все остальные античные свидетельства в той или иной степени трактуют учение Демокрита с точки зрения идеализма и защиты религии, причем его учение известно им уже из вторых и третьих рук, из разных «извлечений» и компиляций.

Примерно между III и V вв. н. э. подлинные произведения Демокрита исчезли. То, чего не удалось сделать Платону, сделало наступающее христианство. Ведь с последовательно богословской точки зрения все произведения древних философов «были злоухищрениями сатаны, облекающего детей своих в одежды овчие, чтобы тем легче растерзать ему волчьими зубами обольщенные души язычников» (66, 267). Однако «обольщались» еще многие классически образованные идеологи христианства, поэтому часть произведений «язычников» сохранилась. Этические фрагменты Демокрита вошли в «Цветник» Стобея. Яростно полемизировали с Демокритом и тем самым сохраняли фрагменты его произведений сами богословы: Эпифаний, Евсевий, Иреней, Ипполит, Лактанций, Ориген, Климент, Тертуллиан и Августин.

Произведения Демокрита не только уничтожались, но и фальсифицировались. Мы уже видели, как фальсифицировали Демокрита стоики и христианские гностики, с которых затем спи-

сывали средневековые ученые. Уже в позднее грек-римское время из-за утери сочинений Демокрит стал легендарной фигурой. Ему приписывались не только медицинские, но и магические и алхимические открытия и сочинения. Главной причиной путаницы была писательская деятельность Бола из Мендеса в Египте, назвавшегося последователем Демокрита; магические сочинения Бола распространялись в александрийский период под именем Демокрита (см. 10, 646—659; ХСІ и комм.); в качестве мага, алхимика и чародея Демокрита упоминают Посидоний, Плиний Старший, Сенека (I в. н. э.), Зосима (III в.), Синезий (V в.) (см. 10, 662—665). По-своему толковали его неоплатоники.

В период раннего феодализма научные и философские идеи античности привлекли внимание философов в иранском и арабо-язычном мире. Ирано-арабские перипатетики переняли не только основные положения Аристотеля, но и отдельные идеи других мыслителей античности, в том числе Демокрита. Как указывалось выше, мысли Демокрита сохранились в сочинениях Ибн аль-Маграна и аш-Шахрастани. Одновременно в арабских источниках IX—X вв., в частности в книге Кратеса и произведении аль-Хабива, сохранилась фантастическая легенда о Демокрите как волшебнике и искуснике. Отсюда в синодальное собрание, напечатанное в 1570 г. в Базеле, вошли материалы, приписанные Демокриту, который представлен как великий алхимик, ученик перса Остана и товарищ старца Зосимы (Левкипп здесь переименован в Луку). Легенды о великом абдерите надолго сохранились в потайных

письмах неутомимых экспериментаторов-алхимиков (см. 76, 252; 253). Есть предположение, что образ Фауста у Гёте был навеян этим фантастическим образом Демокрита.

В эпоху Возрождения линия преемственности повела от Востока к Западу. Из арабского сочинения Ибн Габироля (XI в.) Джордано Бруно черпает (правда, искаженные) сведения о философии Демокрита. Взгляды последнего дали толчок учению Бруно о «минимуме» (см. 13, 342а и комм. 1. 33, 112—117). В XV в. кроме сочинений Аристотеля и отдельных арабских рукописей источником сведений о Демокрите стала поэма Лукреция Кара, открытая Поджо Браччолини в 1418 г.

В борьбе с церковной схоластикой идеологи подымающейся буржуазии и зачинатели науки Нового времени отвергают философский авторитет отцов церкви и идеалистически толкуемый аристотелизм, возрождают античную атомистику. Пионером движения в защиту атомистов был Николай из Отрекура (XIV в.), а в начале XVII в. поднялась целая волна антиаристотелевской демокрито-эпикурейской литературы (Д. Зеннерт, Магненус, Клод Бернгар, Дж. Нарди, Н. Хилль, Бассон, Э. де Клав). Атомистика оказала влияние на Г. Галилея, Ньютона и первых материалистов Нового времени. Пьер Гассенди (1592—1655) восстанавливает демокрито-эпикуровскую философию и защищает древних материалистов от обвинений Аристотеля (см. 29, 2, 163). Но главная заслуга в «возрождении» Демокрита принадлежит Фр. Бэкону (1561—1626). В сочинении «О началах и истоках...» Бэкон писал: «...в то время как философия Платона и Аристотеля с шумом и

помпой пропагандировалась и прославлялась профессорами в школах, философия Демокрита была в большом почете у более мудрых людей... Эта философия была... уничтожена... варварами. Ибо после того как все человеческое знание потерпело кораблекрушение, дощечки философии Платона и Аристотеля, сделанные из наиболее легкого материала, сильно разбухнув, уцелели и дошли до нас, между тем как наиболее весомые потонули и почти были забыты» (27, 2, 304).

Галилео Галилей ставил философию Демокрита выше всех философских систем и считал самого Демокрита выше Аристотеля и в отдельных специальных научных вопросах (см. 50, 5). Героический итальянский атеист Д. Ванини в своем сочинении «Амфитеатр» под видом критики язычников приводит теории Демокрита и Эпикура об образовании мира не по божественному предначертанию, а благодаря циркуляции и сочетанию атомов. В Англии к оценке Галилея примыкает Т. Гоббс (1588—1670).

Возрождение взглядов Демокрита и Эпикура вызвало ожесточенную идеологическую борьбу. Противниками выступили платонизирующие философы из Кембриджского университета. Ральф Кедворт (1617—1658) в своем сочинении «Истинная интеллектуальная система Вселенной» сделал попытку опровергнуть демокритовский атомизм. Кедворт предложил считать атомизм лишь дополнением к христианскому учению, возводя к богу творение и причину движения атомов. Другие философы XVII в. толкуют атомизм уже с теологической точки зрения. Пьер Бейль в «Историческом и критическом словаре» в статье о Демокрите, «одном

из величайших философов древности», приписывает ему учение о боге как «актуальной идее нашей души», а его атому — душу. Г. В. Лейбниц (1646—1716) в своей монадологии пытается примирить Платона с Демокритом.

Внимательно изучали и высоко ставили Демокрита как своего предшественника французские материалисты и атеисты XVIII в. П. Гольбах одно из своих метких определений атеиста связывает с «атомистами или учениками Демокрита» (см. 31, 1, 620).

В России великий Ломоносов был знаком с учением Демокрита. Он перевел часть поэмы Лукреция и высоко ставил принцип «из ничего ничто не возникает», высказанный античными философами. Об атомистической гипотезе Демокрита, как соответствующей «закону вечности вещества», писал Д. И. Менделеев (52, 372).

Однако идеалистическая философия Нового и Новейшего времени продолжала тактику христианских апологетов — умолчание или искажение взглядов материалистов и атеистов. И. Кант, правда, в свой докритический период, создавая опыт механической космогонии, названной впоследствии Канто — Лапласовской гипотезой, упоминает в качестве своих предшественников Левкиппа, Демокрита, Эпикура и Лукреция. Но впоследствии Кант в своей философии превращает атомы и пустое пространство в субъективные феномены, в фикцию разума, имеющую значение только для объединения научного знания в единое целое. Позже в толковании неокантианцев Демокрит становится чистейшим идеалистом. Гегель в «Истории философии» и «Науке логики» положи-

тельно отмечает диалектику бытия и небытия в атомистике и считает, что абстракция атомов и пустоты достигла большей определенности, чем «бытие» Парменида и «становление» Гераклита. Однако в понимании Гегеля создатели древней атомистики являются рационалистами и идеалистами, а о Демокрите сказано крайне мало. В конспекте книги Гегеля «Лекции по истории философии» Ленин отмечал: «Гегель о Демокрите — nil! О Платоне тьма размазни мистической...», и «невыносим идеалисту дух материализма!!» (3, 29, 254; 239).

В 1841 г. К. Маркс защитил докторскую диссертацию, в которой он правильно определил принципиальное отличие философии Эпикура от философии Демокрита, показав, что атомистическая теория не была искажена Эпикуром, как утверждали со времен Цицерона, а, наоборот, сделала в его лице существенный шаг вперед. В своей диссертации К. Маркс стоял еще на идеалистически-гегельянских позициях (см. 40, 42). В частности, он недооценивал материализм Демокрита; с другой стороны, он не увидел научности в системе Эпикура. Однако Маркс выступил не как правоверный гегельянец, а как революционный противник прусской монархии и христианства, обративший внимание на неугодных философов и бросивший вызов прусской официальной религии. В дальнейшем в своих работах К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно обращались к Демокриту. Они высоко оценивали его философию, отмечали, что «французский и английский материализм всегда сохранял тесную связь с Демокритом и Эпикуром» (2, 2, 140), и подчеркивали необходимость изучения их философии.

Нельзя сказать, что современные буржуазные историки философии ничего не пишут о древних материалистах и атеистах. О Демокрите имеется громадная литература. Но если сравнить, например, за последние 10 лет количество трудов, посвященных Демокриту и другим атомистам, и ученые фолианты о философии Сократа, Платона и христианских отцов церкви, то их соотношение очень напоминает ленинское «*nil*» (ничто) и «*тьму размазни мистической*». Кроме того, в этих исследованиях много идеалистических натяжек, которые отмечал еще В. И. Ленин в «Философских тетрадах» (см. 3, 29, 238; 315).

Серьезные буржуазные исследователи позитивистского направления (историки науки П. Таннери, Дж. Бернет, К. Бригер, известный исследователь Эпикура С. Бэйли, исследовательница философии досократиков К. Фриман, крупный современный английский историк философии В. Гатри, американский — Г. Властос, историк науки Б. Фаррингтон) в целом объективно оценивают учение Демокрита, признавая его материализм и даже нерелигиозный характер. Но в глазах большинства неопозитивистов учение атомистов, так же как и все другие философские течения прошлого, имеют относительную познавательную ценность. Согласно неопозитивистам (например, К. Попперу), история философии — это история попыток решения ряда «бесмысленных» проблем; это относится и к понятию «атом». Для неотомизма (Ф. Коплстон, Э. Хубер и др.), так же как и христианского экзистенциализма (К. Ясперс и др.), свойственна теологизация античной философии. Так, например, маститый современный

историк античной философии В. Иегер, автор работы «Теология ранних греческих мыслителей» (1963), изображает всех древнегреческих философов, включая Демокрита, приверженцами религии, тенденциозно толкуя источники или просто не считаясь с ними (см. 68, 114; 115). Еще Ницше, а затем Хайдеггер в интерпретации античной философии продолжили линию христианской апологетики средних веков, стремясь найти у Демокрита, как и у всей «досократовской» философии, иррациональное. В этом был смысл провозглашенного Хайдеггером лозунга: «Назад к досократикам!» Кроме того, даже талантливые буржуазные ученые в своей философской интерпретации науки не в состоянии понять диалектического материализма. Так, физик В. С. Гейзенберг отвергает в учении Демокрита именно его материализм за «непоследовательность», объявляя общие свойства атомов существующими лишь в нашей голове, а само понятие атома — чисто «символическим». В советской литературе неоднократно делались критические обзоры работ буржуазных ученых-идеалистов о Демокрите. Советские ученые положительно оценивают те конкретные достижения и оригинальные работы, с которыми выступают буржуазные ученые, исследуя наследие Демокрита. Например, Э. Франк открыл ряд заимствований из Демокрита у Платона; К. Рейнгардт предположительно восстановил содержание «Малого миростроя» и т. д. Большой вклад внесли издатели наследия Демокрита: Г. Дильс и его продолжатели В. Кранц, Г. Керк и Дж. Ревин, В. Альфиери и др. Немало сделали для исследования античного материализма в Древней Греции

прогрессивные ученые и марксисты Запада: Дж. Бернал, М. Корнфорд, Дж. Томсон, Дж. М. Робертсон, Т. Пападопуло и др.

В странах народной демократии многие историки философии, умело используя достижения своих стран в изучении классической древности, исследуют историю античной философии на основе теории марксизма-ленинизма. Такие ученые, как Ф. Юрсс, В. Шмид, Р. Мюллер, Р. Шотлэндер, В. Капелле, Г. Хартман, К. Куманецкий, А. Крокевич, К. Лесняк, И. Тренченьи-Вальдапфель, И. Бану, объективно рассматривают взгляды Демокрита и вносят большой вклад в исследование истории античной философии вообще и в изучение древнегреческих атомистов в частности.

Советская историко-философская наука имеет замечательные материалистические и прогрессивные традиции, заложенные еще в произведениях революционеров-демократов, которым далеко не были чужды вопросы античности. А. И. Герцен правильно противопоставил философию Демокрита философскому идеализму Платона, одновременно указав на некоторую односторонность и ограниченность атомизма (см. 30, 176; 218 и 15, 188). Н. Г. Чернышевский подвергал острой и язвительной критике религиозно-идеалистические толкования древней философии (см. 66).

Основой анализа античного наследия в советское время стали труды классиков марксизма-ленинизма.

В 1924 г. вышла монография Р. Пикеля «Великий материалист древности». С 1923 по 1936 г. выходили статьи и работы Г. К. Баммеля и в 1935 г. — собрание фрагментов «Де-

мокрит в его фрагментах и свидетельствах древности» под его редакцией. Фрагменты Левкиппа и Демокрита из издания Г. Дильса были переведены А. О. Маковельским уже в 1919 г. в «Известиях» Азербайджанского университета. С тех пор не переставали выходить его работы по Демокриту. Важное значение для становления марксистско-ленинской истории философии имело издание Маковельским фрагментов древнегреческих атомистов. В основном это был перевод издания Г. Дильса, дополненный обстоятельным марксистским исследованием. Большое значение в истории советской античной философии и в осмыслении наследия атомистов имели труды М. А. Дынника, которые начали выходить с 30-х годов и стали основой при освещении философии Демокрита в академических изданиях истории философии.

Важными обобщающими работами по Демокриту были книги В. Ф. Асмуса «Демокрит» (1960) и В. Е. Тимошенко «Материализм Демокрита» (1959). Значительный вклад в изучение философии Демокрита внесли И. Д. Рожанский (Анаксагор. 1972), А. Ф. Лосев (История античной эстетики (Ранняя классика). 1962), Комарова В. Я. (Становление материализма в Древней Греции. 1975), а также Чанышев А. Н., Зубов В. П., Кедров Б. М., Кукава Т. Г., Лившиц Г. М. и др. В частности, огромной заслугой А. Ф. Лосева является детальное исследование понятийного философского аппарата древних, в том числе Демокрита.

В 1947 г. вышли «Очерки по истории античной науки» С. Я. Лурье. Всего профессор Лурье опубликовал в стране и за рубежом 62 работы по Демокриту, в которых сочеталась глубокая

эрудиция историка, историка науки и филолога. Его работы неоднократно были предметом критики и дискуссий (в ходе которых он отказался от некоторых своих взглядов). В частности, интересная дискуссия развернулась по поводу «математического атомизма» Демокрита после того, как С. Я. Лурье установил, что Демокрит кроме физических атомов различал математические неделимые атомы — амеры, которые были положены в основу его геометрии. Исследование математического атомизма Демокрита продолжил азербайджанский ученый М. Д. Ахундов.

Подготовленное С. Я. Лурье издание свидетельств и фрагментов Демокрита, вышедшее посмертно стараниями его учеников, содержит более пятисот отрывков. Оно вдвое больше издания Г. Дильса и существенно отличается от него по отбору и расположению материала.

Фрагменты в издании С. Я. Лурье, в отличие от издания Г. Дильса, изложены систематически, по содержанию, хотя, конечно, мы не знаем точно, в каком контексте они были у Демокрита. Поскольку Аристотель заимствовал у своего крупнейшего предшественника все то, что, по его мнению, не устарело, важнейшей задачей, которую поставил Лурье, было отыскание учений Демокрита у Аристотеля. Привлекались лишь свидетельства, в которых 1) названо имя Демокрита прямо или описательно, 2) точно и дословно повторены его подлинные выражения, 3) ведется несомненная полемика с ним. Основания для включения того или другого свидетельства или фрагмента или для исключения подложных обстоятельно изложены:

в комментариях, в издание включены также исследования по многим вопросам учения Демокрита. В результате советская наука располагает фундаментальным трудом о Демокрите.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ДЕМОКРИТ В ВЕКАХ

Ты бы оплакивал днесь, Гераклит,
бытие человеческое
Больше, чем прежде: оно стало
жальче стократ.
Ты же над ним, Демокрит, умножил
бы смех справедливый
День ото дня на земле смеха
достойнее жизнь.
Мудрости вашей дивясь, смущается
дух мой — не знаю
Плакать ли с первым из вас
или смеяться с другим.

Античная эпиграмма

Нужно... чтобы человечество ве-
село расставалось со своим прошлым.

К. Маркс

Атомизм Демокрита лучше любой современной ему теории отвечал на вопросы своего времени. Это кульминация умственного движения, направленного на рациональное познание мира и начавшегося в Греции с деятельности ионийских натурфилософов. Атомизм основывался на результатах простых наблюдений и немногих экспериментов, его сила как теории — в максимальном соответствии этим наблюдениям. Философия

Демокрита прокладывала путь будущей науке и философии.

Самую правильную оценку античным мыслителям дал Ф. Энгельс: «Древнегреческие философы были все прирожденными стихийными диалектиками». «Поэтому и теоретическое естествознание, если оно хочет проследить историю возникновения и развития своих... общих положений, вынуждено возвращаться к грекам» (2, 20, 19; 369).

«...У античных натурфилософов, — пишет Г. Волков, — можно обнаружить зачатки почти всех основополагающих идей естествознания: мысль о единстве космоса и микрокосмоса, о человеке как космическом явлении, идеи единства пространства и времени, сохранения материи и энергии, принципы относительности, неопределенности, вероятности, генетической основы живых организмов... единства конечного и бесконечного, принцип симметрии мироздания, предположение о существовании в фундаменте самого здания материи способности, схожей с ощущением. Эти идеи были потом восприняты и переработаны философией Нового времени в лице ее крупнейших представителей, а вслед за тем стали достоянием естествознания» (8, 138—139). По словам Макса Борна, «наше поколение как раз собирает урожай, посеянный греческими атомистами».

Много раз в истории появлялись новые теории элементарных частиц. Современная физика свидетельствует о том, что и в наше время возникает если не сама теория, то во всяком случае идея действительно последовательной теории частиц, предполагающей одно фундаментальное поле и одну фундаментальную константу дли-

ны, содержащуюся в фундаментальном уравнении. Как и в эпоху Демокрита и Лукреция, новая форма атомизма возникает с характерным для этого учения оптимизмом, который намного опережает возможность строгих доказательств. Но в этом как раз его огромная ценность.

Много раз возникали и теории происхождения жизни. В них подтвердилось мнение, высказанное Демокритом: живое возникает из неживого. В глубокой сущности живого, в молекуле ДНК кроется, как «на дне глубокого колодца», тайна жизни, которая (как у Демокрита) зависит от порядка расположения частиц — нуклеотидов. Сознание же неотделимо от материи, оно отражает мир — об этом говорил уже материалист Демокрит.

Всеобъемлющие законы живой и неживой природы — закон сохранения материи и закон причинности — были открыты уже в античности на уровне простого наблюдения и лежали в основе философии Демокрита. В наше время они являются фундаментальными законами науки.

Учение астрономии о бесконечности мирового пространства и бесконечных «мирах» в несотворенной Вселенной выдвинул тоже «старый» Демокрит.

Современная наука тесно сплелась с философией. Разве это не тенденция к повторению на современном уровне «нерасчлененной науки» древних?

Какова, однако, центральная проблема современности? Исследователи не сомневаются, что это проблема человека. Разумная жизнь — вершина эволюции материи. Но разумная жизнь — это общество. Проблема личности и общества, проблемы морали, исономии — равенства лю-

дей в обществе уже ставились древними. Античная философия в лице Демокрита выдвинула идеал гармонически развитой личности, идеал, который лежит в основе наших представлений о человеке коммунистического общества.

И все же не будем увлекаться сравнениями. «Ничего слишком!» Современные типы мировоззрений, современные идеи только в зародыше могли быть у древних, и несходства с нами у них куда больше, чем сходства! «Детство человеческого общества» обладает для нас «вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень» (2, 12, 737). Философия Демокрита — пройденная ступень в развитии знаний о мире и человеке. Но однажды найденная истина сохраняется и развивается с глубокой древности до далекого будущего.

Человечество опять исследует атомы вещества и атомы общества. Оно необходимо идет вперед, несмотря на зигзаги случайности. Но перед каждой новой мировой загадкой, которую оно непременно разрешит, оно повторяет с Демокритом:

«Истина — на дне глубокого колодца!»

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДЕМОКРИТ

Избранные фрагменты

Источники печатаются
по изданию:
С. Я. Лурье. Демокрит. Тексты.
Перевод. Исследования.
Л., 1970

Из античных таблиц преемственности философов

№ VIII. Парменид—ученик Ксенофана, его ученик —
Зенон, его — Левкипп, его — Демокрит. Ученик Демокрита — Протагор...

УЧЕНИЕ

А. МИР ФИЗИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

I. ПРИНЦИПЫ БЫТИЯ

1) Принцип исономии (равновероятности)

№ 2 ...Левкипп и Демокрит утверждают, что число форм в атомах бесконечно, так как «ничто не более такое, чем такое». Такую причину бесконечности они приводят.

№ 5 ...Никто не смог бы сказать, почему (тело), приведенное в движение, где-нибудь остановится: в самом деле, «почему оно скорее остановится здесь, чем там». Следовательно, ему необходимо или оставаться в покое, или нестись в бесконечность, если только не воспрепятствует что-нибудь более сильное.

2) Принцип безначальности Вселенной

№ 13 ...Демокрит из Абдер, утверждавший, что вечное и бесконечное не имеет начала, а причина есть начало, вечное же безгранично, поэтому спрашивать, какова причина какой-либо из таких вещей, по мнению Демокрита, то же, что искать начало бесконечного.

3) Принцип сохранения бытия

№ 42. Что-либо не может ни возникнуть из ничего, ни превратиться в ничто... Демокрит говорит, что возникновение (*чувственных вещей*) происходит путем выделення из того, что существовало уже раньше.

II. УЧЕНИЕ ОБ АТОМАХ

1) История атомистических учений

№ 146. Наиболее методически построили свою теорию, руководствуясь одним общим принципом при объяснении явлений, Левкипп и Демокрит, исходя из того, что сообразно природе, какова она есть. Некоторые из древних полагали, что необходимо (*логически*), чтобы бытие было едино и неподвижно. Ибо пустоты не существует, а при отсутствии отдельной пустоты невозможно движение, равно как и не может быть многих предметов, если отсутствует то, что отделяло бы их друг от друга... Исходя из таких рассуждений, некоторые (*ученые*) вышли за пределы ощущений и пренебрегли ими, так как считали, что нужно следовать разуму. Поэтому они говорят, что целое едино и неподвижно... Заметим, что с логической точки зрения все это последовательно, но с точки зрения фактов такой взгляд похож на бред сумасшедшего. Левкипп же был убежден, что у него есть теория, которая, исходя из доводов, согласных с чувствами, (*в то же время*) не сделает невозможным ни возникновение, ни уничтожение, ни движение, ни множественность вещей.

№ 147 ...Природу атомов, которую он считал плотной и полной, он назвал «существующим» и положил, что они носятся в пустоте, которую назвал «несуществующим», и считал, что «несуществующее» существует не в меньшей мере, чем «существующее». Сходным же образом его сотоварищ Демокрит из Абдер считал первоначалами полное и пустое, из которых первое называл «существующим», а второе — «несуществующим».

№ 155. То, что, по их мнению, возникновение происходит таким образом, ясно, как говорит Аристотель,

из изречения Эмпедокла: «Есть только смешение и разделение смешанного», исходя из чего и Демокрит сказал, что сложные тела «отличаются друг от друга теми (частицами), из которых они состоят».

2) Общее об атомах и пустоте

№ 180. Демокрит полагает, что те тела, которые он называет атомами, т. е. неделимыми, вследствие своей твердости носятся в беспредельной пустоте, в которой нет ни самой высшей, ни самой низшей, ни средней, ни самой дальней, ни самой крайней точки, носятся они таким образом, что, сталкиваясь, скрепляются друг с другом, в результате чего получаются все те вещи, которые существуют и которые мы видим; это движение атомов надо мыслить не имеющим начала, но совершающимся уже в течение бесконечного времени.

№ 188. Так же и Демокрит, принимающий атомы и пустоту, называл атомы полными; полное и пустота, по его словам, — первоначала всего существующего, причем полное и пустота — это противоположности, которые он называл «существующее» и «несуществующее», «чего» и «ничего». Полное и называл «чего», а пустоту — «ничего».

3) Атом

а) МОДЕЛЬ АТОМА

№ 200. Из атомов, имеющих бесконечное число форм, шарообразные он называет огнем и душою; они подобны так называемым пылинкам, носящимся в воздухе и видимым в луче, пропускаемом через окно. «Полный набор» таких (различных атомов) он считает элементами всей природы. Подобным же образом (рассуждал) и Левкипп...

б) ВЕЛИЧИНА, ПЛОТНОСТЬ, ФОРМА И ПОЛОЖЕНИЕ АТОМОВ

№ 204. Демокрит считает, что природа вечного... это малые субстанции... Он считает, что это столь малые

субстанции, что они недоступны нашим чувствам. Они имеют самый различный вид и самые различные формы и всевозможные различия по величине.

№ 368. Демокрит утверждает, что одно неделимое имеет относительный вес по сравнению (с другими)... «Ибо пустота... делает тела более легкими»... вообще, и во всех тех случаях, когда (одно тело) легче (других), они считают причиной этого то, что в нем заключено больше пустоты... Сторонники Демокрита думают, что все тела имеют тяжесть, но огонь, так как он имеет меньший вес, будучи выталкиваем телами, занимающими передние места, уносится вверх и поэтому кажется легким. По их мнению, существует только тяжелое, и оно всегда движется к центру.

№ 233. Демокрит говорит, что атомы противоположны друг другу по форме: одни угловатые, другие углов не имеют... Это различие вызывается и порядком атомов, как, например, если окажется, что в одном теле спереди шарообразные атомы, а сзади пирамидальные (как, например, в человеке шарообразные атомы наверху, что и является причиной шарообразности головы, пирамидальные же атомы сгруппированы в области челюсти), в другом же (теле) — наоборот, но (так или иначе) переднее противоположно заднему. Кроме того, (тела) отличаются положением атомов, как, например, если пирамиды в одном теле обращены вершинами книзу, а основанием кверху (например, в челюсти; здесь вершины снизу, а основания сверху), в другом — вершинами кверху, а основаниями книзу.

№ 246. ...Итак, и он считал началом существующего противоположности, причем называл форму, положение и порядок абдерскими словами «рисмос», «тропа» и «диатига»: «рисмос» — форма, «тропа» — положение, «диатига» — порядок.

4) Пустота

№ 250. ...Из естествоиспытателей, живших до Аристотеля, сторонники Демокрита считали, что движение совершается через пустоту и что пустота — это место, в котором отсутствует тело.

№ 270. Пустота рассеяна и внутри тел и препятствует им быть непрерывными, как утверждали сторонники Демокрита и Левкиппа... Вне же космоса есть пустота, существующая отдельно.

5) Механика, космогония и космология

а) ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО. «ВИХРЬ». ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ И ВТОРИЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ АТОМОВ, ИЗМЕНЕНИЕ И СМЕШЕНИЕ

№ 283. ...Невозможно, чтобы неделимое двигалось или вообще изменялось; только в том случае оно могло бы двигаться, если бы время состояло из отдельных «теперь». Тогда бы оно в каждом «теперь» всегда бы оказывалось «уже совершившим движение» и «уже изменившимся», так что оно никогда не было бы в состоянии движения, но всегда оказывалось бы «уже совершившим движение» [полемика Аристотеля].

№ 361. Говоря о том, что он сам называет верхом и что низом, Аристотель мимоходом возражает тем, которые считают, что в мире нет ни верха, ни низа. На такой точке зрения стояли Анаксимандр и Демокрит, так как они считали вселенную бесконечной.

№ 288. ...Демокрит... утверждает: «Вихрь всевозможных форм (ideon = атомов) отделился от вселенной». Однако он не говорит, как и по какой причине... Это такое движение (элементов), вследствие которого они отделяются друг от друга.

№ 300. ...Аристотель, говоря, что естествоиспытатели «изучают происхождение мира», вовсе не хочет сказать, что они считают мир возникшим во времени, но только то, что, по их рассказам, мир соединился воедино при помощи движения. В этом-то смысле и Демокрит говорит о происхождении мира... утверждая, что атомы соединяются и разъединяются.

№ 301. ...Если неделимые тела несутся в силу тяжести вертикально по прямым линиям, как это угодно Эпикуру... Эту теорию (т. е. теорию «отклонения» — *parenklisis*) Эпикур ввел, боясь, что если (считать) атом вечно несущимся в силу своей тяжести, естественной и необходимой, то в нас не окажется ничего свободного, так как и душа двигалась бы так, как она вынуждалась бы движением атомов. Но сам изобретатель атомов Демокрит предпочел допущение, что все происходит в силу необходимости, не желая устранять из неделимых тел естественное движение.

№ 311. Демокрит признавал один род движения — движение вибрации.

№ 323. Демокрит говорит, что первотела движутся вследствие отталкивания друг от друга в бесконечном (пространстве)... Эти атомы в бесконечной пустоте... сталкиваются, и одни из них отскакивают, куда случится...

№ 340. ...Смешиваемые тела не сохраняют своего внешнего вида, но разлагаются на свои составные части, и таким образом прилегают друг к другу сами элементы; это утверждали те, которые постулировали атомы.

б) БЕСКОНЕЧНЫЕ МИРЫ ВО ВСЕЛЕННОЙ

№ 343. ...По их мнению (т. е. последователей Демокрита), подобно тому как любая из других вещей возникает и уничтожается, так возникает и уничтожается и каждый из бесконечных миров. Они говорят еще, что уничтожившаяся вещь не тождественна с возникшей (вместо нее), а (если одинакова), то лишь по (общему) облику; точно так же, по их мнению, дело обстоит и с мирами... (Лишь) сами атомы остаются неизменными, так как они не подвержены внешнему воздействию.

№ 357. Левкипп, и Демокрит, и Эпикур считали, что миров много, даже бесконечное число.

№ 360. Сердце Александра было ненасытно к славе; когда Анаксарх, его спутник, сообщил ему со слов своего учителя Демокрита, что число миров бесконечно, Александр сказал: «Горе мне, несчастному, которому до сих пор не удалось овладеть даже одним из них!»... Когда Аристотель однажды сказал, что, согласно Демокриту, число миров бесконечно, Александр, как говорят, заплакал, что ему не удалось даже одним миром завладеть целиком...

в) ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАШЕГО МИРА. О НЕБЕСНЫХ ЯВЛЕНИЯХ

№ 382. ...К центру непрерывно и все время притекали тела, захваченные вихрем. Таким же образом образовалась земля, когда сплотились тела, унесенные в центр. Что же касается окружающего землю оболочкообразного покрова, то он получил приращение вследствие присоединения тел извне: так как он вращался в вихре, то все, что соприкасалось с ним, присоединялось к нему.

Некоторые из этих тел сплетались между собой, образовали прочное соединение, сперва влажное и грязеобразное, но после того как (такие соединения) высохли и (некоторое время) вращались вместе со всем вихрем, они воспламенились и окончательно получили природу светил...

Б. ЧЕЛОВЕК

III. ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА . ПСИХОЛОГИЯ

1) Познаемость мира. Сложность познания

№ 65. ...Демокрит в своих высказываниях, направив все свои изыскания на материальную причину, дал (надлежащее) объяснение, а целевую причину или причину-форму оставил в стороне, говоря так: «Всякому ясно, каков по своей форме и по своей окраске человек и каждое из животных, а каков он с точки зрения материи, неясно. Если же это так, то надо направить изыскания на неясное, а не на то, что яснее ясного».

№ 62. (Эномая)... называвшего свое сочинение «Пойманные на краже жулики», в котором он дословно пишет следующее... Разве не по справедливости мы определили непосредственное постижение нашего собственного существования как то, что всего нам ближе? Ясно, что да. ... (17) Так вот тебе, Демокрит, и тебе, Хрисипп, и тебе, оракул, можно заявить: если вы негодуете, когда у вас хотят отнять непосредственное постижение вами вашего собственного существования — тогда ваших столь известных и столь многочисленных книг как не бывало! — то позвольте же и нам в свою очередь ответить вам негодованием... Что же это такое? В тех случаях, когда вам это угодно, это будет самым надежным и почтенным (критерием); а в тех случаях, когда вам не угодно, верх возьмет нечто затаившееся в нем (т. е. в непосредственном постижении) — некий предначертанный рок, который у каждого из вас имеет некоторые отличия: у одного (т. е. у пифийского оракула), он от бога,

у другого (т. е. у Хрисиппа) — от (случая, у Демокрита же — от) тех малых тел, несущихся вниз и устремляющихся вверх, переплетающихся и разъединяющихся, и разделяющихся, и располагающихся рядом друг с другом в силу необходимости.

2) Два вида познания

№ 83. В «Правилах (мышления)» он говорит, что есть два вида познания: одно посредством чувств, другое — мысли... Он говорит дословно следующее: «Есть два вида мысли: одна — законнорожденная, другая — незаконнорожденная. К незаконнорожденной относится все следующее: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Другая же законнорожденная. К ней относится скрытое (от наших чувств)». Далее, отдавая предпочтение законнорожденной мысли перед незаконнорожденной, он прибавляет: «Когда незаконнорожденная мысль уже не может больше (ввиду перехода) к очень мелкому ни видеть, ни слышать, ни обонять, ни чувствовать вкус, ни познавать осязанием, а (приходится прибегать) ко все более тонкому, тогда приходит на помощь законнорожденная мысль»*.

№ 81. ...Диотим говорил, что, по учению Демокрита, есть три критерия: критерий для постижения недоступных чувствам вещей — явления; критерий для (научного) исследования — мысль; критерий для выбора и избегания — чувства: то, с чем у нас есть сродство, нужно выбирать; того, чему мы чужды, нужно избегать.

№ 89. Для всех людей одно и то же добро и истина, приятно же одному одно, другому другое.

№ 97. Вот что еще сказал Демокрит: «Мудрец — мера всех существующих вещей. При помощи чувств он — мера чувственно воспринимаемых вещей, а при помощи разума — мера умопостигаемых вещей».

* Переводы некоторых фрагментов из сочинений Секста Эмпирика несколько изменены, в основе лежит перевод А. Ф. Лосева (18).

3) Логика («канон»)

№ 99. ...Разделив таким образом области исследования, он указывает на то, что древние естествоиспытатели работали во второй области исследования — в области изучения материи, хотя Эмпедокл и Демокрит в некоторой степени подошли и к изучению природы со стороны формы... Демокрит определяет с логической стороны фигуру (атома), положение и порядок, т. е. форму.

№ 100. Вообще, кроме поверхностных изысканий, никто ничего не установил, исключая Демокрита. Что же касается его, то получается такое впечатление, что он предусмотрел уже все, да и в методе исследования он выгодно отличается от других.

4) Что такое «душа»?
Душа и дыхание

443а. Некоторые утверждают, что душа преимущественно и прежде всего есть движущее (начало)... Демокрит, считая, что душе (по природе) присуще движение, сказал, что она — огонь вследствие ее подвижности. Ведь он утверждает, что огонь состоит из шарообразных атомов, ибо шар самое подвижное из всех тел, так как он касается плоскости только в одной точке. Далее, так как душа приводит в движение, а приводящее в движение должно само более всего двигаться (ибо, чем более оно движется, тем более оно движет), то он и утверждает, что и душа, и огонь состоят из самых подвижных атомов — из шарообразных... Так что в этом отношении (я имею в виду то, что он душу называет огнем) он сходится с Гераклитом. Различие же состоит в том, что Гераклит считал тот огонь (из которого состоит душа), как и мы утверждаем, непрерывным телом, а Демокрит отрицал это.

№ 452. Демокрит же утверждает, что душа и разум просто одно и то же: ибо то, что нам представляется, и есть истинное бытие...

№ 455. ...Гиппократ, Демокрит и Платон (помещали мыслительный центр) в мозгу.

№ 460. Что же касается мышления, то Демокрит ограничился заявлением, что оно имеет место, когда душа смешана в надлежащей пропорции: если же кто-либо станет слишком горячим или слишком холодным, то смесь, по его мнению, изменяется.

№ 462. Демокрит и Левкипп... полагали, что душа является источником движения для животных. Поэтому вместе с дыханием прекращается и жизнь... Сторонники Демокрита пытались все, что происходит с живым существом, объяснить в духе их теории. Они говорили, что окружающая (*среда*) холодная и что поэтому тела становятся более плотными; становясь более плотными, они «вышелкивают из себя, как зерно из скорлупы», шарообразные атомы, являющиеся для живого существа источником души и жизни. Но когда вследствие «вышелкивания» шарообразных атомов живое существо подвергается опасности погибнуть, на помощь ему приходит вдох... Поэтому мы живем до тех пор, пока дышим: с прекращением дыхания прекращается и жизнь.

5) Чувственные восприятия. «Образы»

№ 433. ...Из тех качеств, которые нам кажутся присущими телам, а в действительности не являются таковыми, одни возникают в результате соединения определенных атомов, как, например, теплота кажется нам свойственной огню вследствие соединения шарообразных атомов из-за легкой подвижности шара... некоторые же (*тела*) при сохранении составляющих их частиц вследствие перемещения и иной расстановки атомов производят впечатление превращения, аналогичного, как мы сказали, тому, что мы называем изменением. Ибо одно и то же тело производит впечатление то белого, то черного, то холодного, то горячего, вследствие того что в сложном теле атомы изменяют положение и взаимный порядок. Огонь же, конечно, всегда кажется одинаковым, потому что, если даже изменить расположение тех атомов, из которых он состоит, они, будучи шарообразными, всегда и со всех сторон производят на нас одно и то же впечатление.

№ 478. Так, он считает, что зрение происходит благодаря изображению. Об этом он говорит довольно своеобразно, (*утверждая*), что изображение получается не сразу на зрачке, но что воздух, (*находящийся*) между глазом и видимым (*предметом*), получает отпечаток, производимый как видимым (*предметом*), так и видящим.

№ 282. ...Если же спросить у них, почему видно только одно изображение какого-либо тела, истечения от которого притекают в бесчисленном количестве, то они отвечают, что чрезвычайно частое притекание и прохождение образов и является как раз причиной того, что вследствие их нагромождения и сгущения получается так, что много образов представляется одним.

6) Сновидения.

Богв

№ 472. ...Ничто не препятствует тому, чтобы доходило до спящих душ движение и ощущение от тех предметов, от которых, по его (т. е. Демокрита) мнению, исходят образы и истечения; они достигают (*души*) совершенно случайно и поэтому более ощутимы ночью, так как, носясь по воздуху днем, имеют больше (*шансов*) быть разнесенными в разные стороны (ведь воздух ночью более спокоен, так как ночи более безветренны). При посредстве сновидений (*эти образы*) вызывают ощущения в теле, так как спящие даже малые внешние движения ощущают скорее, чем бодрствующие. Эти-то движения и вызывают видения, на основании которых можно предвидеть будущее относительно соответствующих вещей. Вот почему в таком состоянии оказываются первые попавшиеся люди, а не самые мудрые. Ведь если бы бог посылал эти видения, то их видели бы мудрецы, и притом днем.

№ 472а. Дело обстоит не так, как говорит Демокрит, а скорее по-иному. Он видит причину в «образах» и истечениях, из которых, по его мнению, одни — благотворны, а другие — злотворны. Эти образы чрезвычайно велики и мало подвержены разрушению; они приближаются к людям и предвещают им будущее, так что некоторые люди могут их видеть, причем они произносят слова. Воспринимать их могут только люди, ждущие их, и только во сне, поэтому Демокрит и уповает, чтобы ему достались на долю «образы», приносящие благую судьбу... Что же сказать о Демокрите, который возводит в боги то «образы» и их беспорядочное движение, то ту природу, которая изливает и посылает эти «образы», то нашу мысль и разум? Разве он не пребывает в величайшем заблуждении? Ведь он, исходя из того, что ничто не остается всегда в одном и том же

состоянии, отрицает, что существует что бы то ни было вечное. Разве он этим не упраздняет совершенно бога, так что не оставляет и никакой мысли о нем?.. Мне кажется, что Демокрит — один из самых великих мужей, у которого Эпикур заимствовал воду для орошения своих жалких садов, колебался в вопросе о природе богов.

IV. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕКА. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

№ 514. ...Демокрит считал, что животные произошли первоначально путем возникновения (*особей*), не совершенных по виду (?) *, когда влага еще рождала живые вещества.

№ 558. ...Таково предание о возникновении всего существующего. О первых же появившихся людях говорят, что они вели неупорядоченную звероподобную жизнь... В дальнейшем, понемногу научаемые опытом, они стали укрываться зимой в пещерах и откладывать часть плодов, допускающих хранение. А когда пришло знание огня и других пособий, понемногу стали развиваться искусства и прочее, что может принести пользу общественной жизни. Вообще нужда и опыт были для человека учителями во всем... Итак, ни упомянутые искусства, ни какое-либо другое не следует возводить ни к Афине, ни к другому божеству: все искусства порождены с течением времени потребностями и обстоятельствами.

№ 562. Кажется, что иметь детей — одна из естественных потребностей человека как по природе, так и в силу некоего древнего установления. Это же можно наблюдать и у животных... Каждое животное, как только у него родятся детеныши, хлопочет и кормит их, не жалея сил... но у человека издавна установился еще и обычай, чтобы и дети доставляли родителям что-либо хорошее.

№ 566. Из голоса, первоначально невнятного и нечленораздельного, постепенно стали вылепяться слова, и люди, устанавливая между собой знаки для каждого предмета, создали для себя общепонятный способ сообщений обо всем. И так как такие системы возникали везде, где живут люди, то не все люди имеют один об-

* Греческий текст испорчен.

ший язык, а в каждом месте речь сложилась как пришлось. Поэтому существуют разные языки, для которых первые системы, возникшие у всех народов, стали родоначальниками.

V. РЕЛИГИЯ И СУЕВЕРИЕ.

НЕТ ЖИЗНИ В «ЦАРСТВЕ АИДА»

№ 581. Некоторые полагают, что мы пришли к представлению о богах исходя из непонятных явлений, происходящих в мире; такого мнения придерживается, кажется, и Демокрит. Ибо, говорит он, первобитные люди, наблюдая небесные явления, как, например, громы, молнии, перуны и встречи звезд, затмения солнца и луны, приходили в ужас, думая, что причиной этому — боги.

№ 581а. Нелепо обращать особое внимание на карканье воронов, кудахтанье куриц и на «свиной, ликующей при виде грязи», как выразился Демокрит, и видеть во всем этом предзнаменование ветров и дождей, а в то же время не считаться с движениями, потрясениями и предчувствиями собственного тела, не следить за ними и не видеть в них предзнаменование бури, назревающей в самом себе.

№ 583. Демокрит: Некоторые люди, не зная, что смертная природа подлежит уничтожению, но имея на совести совершенные ими дурные поступки, проводят всю свою жизнь в беспокойстве и страхах, сочиняя лживые сказки о загробной жизни.

№ 585. Многие из древних собрали рассказы о тех, которых считали умершими и которые затем воскресли; занимаясь этим и естествоиспытатель Демокрит в сочинении «Об Аиде»... А именно в этих случаях, по-видимому, со смертью не потухла вся жизнь тела, но только приостановилась, вероятно вследствие нового какого-нибудь удара или ранения, но узы души еще оставались прикрепленными всеми корнями к костному мозгу, а сердце задержало сохраненную в глубине искорку жизни. И поскольку это оставалось, тело опять приобрело потухшую жизнь, необходимую для возвращения сознания.

№ 592. Демокрит, а также Гераклит и Эпикур не признают провидения ни по отношению ко всеобщности, ни по отношению к частностям. Они последовательно выводят все из принимаемых ими начал, полагая, что все существующее образовалось само собой.

№ 593. Демокрит: В молитвах люди требуют от богов здоровья, а не знают того, что они сами могут получить его: совершая же в своей невоздержанности обратное тому, что следует, они, следуя страстям, становятся предателями своего здоровья.

№ 594. ...Разве не мифические измышления то, что предсказывали прорицатели в оракулах? Этому не придают веры даже философские учения эллинов, например Демокрита и Эпикура...

VI. ЭТИКА И ПОЛИТИКА

1) Мудрец ставит целью «благое состояние духа»

№ 743. Мудрость, не знающая страха, невозмутимость — ценнее всего... Он высшее благо... часто называет *athambia*, т. е. душой, свободной от страха.

№ 738. Демокрит говорил, что цель у всех одна, что превыше всего — благое состояние духа, а огорчения — мерило зла.

№ 657. Демокрит: Ибо душевная радость возникает у людей благодаря умеренности в удовольствиях и размеренной жизни. Недостаток же или излишество склонны к неустойчивости и вызывают большие волнения в душе. В свою очередь те души, которые колеблются между крайностями, далеко отстоящими друг от друга, не обладают ни стойкостью, ни хорошим настроением.

№ 731. Демокрит сказал: «Когда мудрецы приезжают в чужую страну, не являющуюся их родиной, они должны молча и спокойно разведать, приглядываясь и прислушиваясь, какой репутацией пользуются местные мудрецы: каковы те, могут ли устоять против них; для этого они тайно в уме сопоставляют свои слова со словами местных мудрецов.

№ 787. Правомерная страсть — благородно стремиться к прекрасному.

2) Долг и совесть

№ 605. Не из страха, но из чувства долга надо воздерживаться от проступков.

№ 656. Хорошо препятствовать свершающему несправедливость; если же это невозможно, — не быть участником несправедливости.

№ 603. Добро не в том, чтобы не делать несправедливости, а в том, чтобы даже не желать этого.

№ 604. Его же (*Демокрита*): Самого себя следует стыдиться ничуть не меньше, чем других людей, и не должно совершить дурной поступок, даже если никто об этом не узнает, все равно как если бы о нем узнали все люди. Больше всего надо стыдиться самого себя, и для души должен быть установлен закон: «Не совершай ничего неподобающего».

№ 609. Демокрит: Признак ума — предотвратить обиду, не ответить же на нанесенную обиду — признак бесчувственности.

3) Мера

№ 749. Прекрасна во всем середина: мне не по душе ни излишек, ни недостаток.

№ 753. ...Если превысить меру, то и самое приятное станет самым неприятным.

№ 755. Неразумные наслаждения порождают огорчения.

№ 761. Когда оно (*животное*) испытывает желание, оно знает, чего хочет, он же (*человек*), желая, не знает (*меры*).

4) Друзья

№ 659. Истинные друзья делают и радости более приятными, и несчастья более легкими, разделяя наслаждения с первыми и беря на свою долю часть вторых.

№ 662. Не достоин жить тот, у кого нет ни одного хорошего друга... Мне кажется, что ни один человек не любит того, кто сам никого не любит.

№ 666. Демокрит: Невозможность помочь друзьям — признак бедности, а нежелание — подлости.

№ 665. ...Легко найти друга в счастье, а в несчастье — труднее всего.

5) Гражданин и государство.

Против жадности богатых

№ 595. Дела государственные надо считать много более важными, чем все прочие; каждый должен стараться, чтобы государство было благоустроено, не добиваясь больших почестей, чем ему приличествует, и не захватывая большей власти, чем это полезно для общего дела. Ибо государство, идущее по верному пути, — величайшая опора. И в этом заключается все: когда оно в благополучии, все в благополучии, когда оно гибнет, все гибнет.

№ 618. ...Тому, кто будет властвовать над другими, надлежит сначала властвовать над самим собой.

№ 632. Демокрит: Как среди язв злейшая болезнь — рак, так и в имущественных делах — стремление всегда присоединять, если что находится по соседству.

№ 626. Демокрит: Чрезмерно накапливать для детей богатство — уловка сребролюбия, подлинная сущность которой обнаруживается.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Августин 135, 167
Алкивиад 109
Альберт Великий 94
Альфиери В. 174
Аль-Хабиб 168
Альтгейм Ф. 150, 151
Анаксагор 20, 25, 28,
30, 38, 43, 47, 51, 52,
55, 57, 65, 66, 68, 72,
73, 79, 80, 90, 112,
126, 129, 143
Анаксарх 31
Анаксимандр 21, 42, 71,
72, 78
Анаксимен 21, 42
Антифонт (из Афин)
30, 119, 161
Аполлодор 18, 166
Аполлодор Кизикенский
31
Аристарх Самосский
76
Аристотель 19, 31, 47,
49, 51—53, 57, 61, 63,
73—76, 79, 80, 85,
87, 94—96, 141, 165,
168—170, 177
Аристипп 146
Аристофан 25, 56, 136
Архелай 29
Архимед 53
Асмус В. Ф. 176
Афинагор 7
Афинократ 17
Ахикар 144, 152
Ахундов М. Д. 177
Аш-Шахрастани 150—
152, 154, 168
Аэций 66, 71, 127, 133,
136
Баммель Г. К. 152, 175
Бану И. 175
Бейль П. 170
Бернал Д. 175
Бернет Д. 145, 173
Браччолини Поджо 169
Бригер К. 173
Бион 31
Бол из Мендеса 31, 168
Боллак Д. 165
Боричевский И. А. 166
Бригер К. 173
Бруно Д. 53, 129, 169

- Бэйли С. 173
 Бэкон Ф. 169
- Вавилов С. И. 101
 Ванيني Д. 170
 Вергилий 118
 Властос Г. 173
- Гален Клавдий 82, 92,
 166
 Галилей Г. 169, 170
 Гассенди П. 169
 Гатри В. 173
 Гегель 48, 57, 76, 171,
 172
 Гегесистрат 17
 Гейзенберг В. С. 174
 Гекатей (из Абдер) 31,
 71, 113
 Геллий 22
 Гераклит 20, 42, 143,
 148, 172
 Гермипп 71, 78
 Геродот (брат Демокри-
 та) 7
 Геродот (историк) 13,
 14, 17, 28, 107, 110,
 127, 136
 Герцен А. И. 175
 Геснод 110, 144, 148
 Гете И. В. 169
 Гиппократ 32—35, 71,
 92, 106, 166
 Гоббс Т. 170
 Голстений Л. 142
 Гольбах П. 171
 Гомер 132, 140
- Горацій 118
 Горгий 28
- Дамас 7
 Дамасипп 17
 Данте Алигьери 62
 Дарвин Ч. 76
 Дарий 16
 Диагор 22, 24,
 25, 162
 Дьяльс Г. 39, 40, 174,
 176, 177
 Диоген (из Аполлонии)
 28, 31
 Диоген Лаэртский 7, 18—
 20, 29, 46, 60, 67, 86,
 120, 140, 144, 145
 Диодор Сицилийский
 70, 71, 78, 113—
 117
 Дионисий 61, 62
 Диопиф 126
 Диотим Тирский 31
 Дынник М. А. 176
- Еврипид 29, 162
 Евсевий 46, 167
 Евстафий 162
- Зенон (из Элеи) 21, 28,
 45, 46, 52
 Зосима 168
 Зубов В. П. 176
- Ион Габироль 169
 Ибн аль-Матран 81, 168
 Иегер В. 174

- Иероним 80, 81
Иоанн Цеця 78
Ипполит 59, 78, 167
Ирней 167
- Каллимах 142
Кант И. 171
Капелле В. 175
Кедворт Р. 170
Кедров Б. М. 176
Керк Г. 174
Клеон 157
Климент Александрийский 127, 144, 150, 167
Комарова В. Я. 176
Коперник Н. 76, 129
Коплстон Ф. 173
Корнфорд М. 175
Кранц В. 40, 174
Кратес 168
Крокевич А. 175
Критий 109, 158
Ксенофан 46, 47, 72, 112
Ксеркс 16, 17
Кукава Т. Г. 176
Куманецкий К. 175
- Лактанций 61, 71, 77, 80, 85, 127, 167
Левкипп 9, 10, 19—21, 23, 25, 38, 41, 46—49, 52, 56—58, 66, 87, 97, 129, 168
Лей Г. 102
Лейбниц Г. В. 171
- Ленин В. И. 12, 48, 57, 84, 87, 88, 132, 172, 173
Леонтий 166
Лесняк К. 175
Лившиц Г. М. 176
Ликофрон 28
Лисий 28
Ломоносов М. В. 171
Лосев А. Ф. 176
Лукиан 130, 137, 166
Лукреций Кар 12, 31, 59, 62, 82, 83, 101, 118, 130, 131, 134, 166, 169, 171, 181
Лурье С. Я. 176, 177
- Мак Диармид 51
Маковельский А. О. 20, 40, 94, 95, 176
Майяндрий 17, 22
Маркс К. 10, 25, 36, 39, 63, 94, 98, 100, 130, 139, 150, 167, 172
Мегакреон (из Абдер) 16
Меллис 42, 46, 55
Менделеев Д. И. 98, 171
Метродор 31, 166
Мох 18
Муглер Ш. 58, 59
Мюллер Р. 175
- Навсифан 31, 95
Немесий 127
Несса 31

- Николай из Отрекура 169
 Ньютон И. 169
 Овидий 118
 Орелли 142
 Ориген 167
 Пападопуло Т. 175
 Парменид 28, 42, 45, 46, 172
 Перикл 27, 108, 157
 Пикель Р. 175
 Пиндар 26
 Пиррон 87
 Пифагор 18, 28, 42
 Платон 12, 84, 88, 97, 113—116, 126, 135, 137, 141, 146, 164, 165, 167, 169, 171, 173—175
 Плиний Старший 168
 Плутарх 59, 80, 96, 116, 165
 Поппер К. 173
 Посидоний 168
 Прокл 136
 Протагор 17, 22—24, 28, 89, 91, 92, 113—116, 119, 126, 157
 Псевдоплутарх 64
 Ревин Д. 174
 Рейнгардт К. 70, 113, 174
 Робертсон Д. М. 175
 Рожанский И. Д. 65, 176
 Сантиллана Д. де 99
 Секст Эмпирик 86, 87, 91, 165, 166
 Сенека 66, 168
 Симпликий 47, 50, 62, 74, 75, 80
 Синезий 168
 Сократ 25, 29, 30, 56, 106, 126, 146, 173
 Солон 148
 Софокл 64, 107, 127
 Софоний 80
 Стобей 120, 136, 137, 140, 141, 142, 167
 Суда 24, 80, 95—97
 Таннери П. 173
 Тертуллиан 37, 136, 167
 Тимесий 14
 Томсон Д. 175
 Тренчънъи-Вальдапфель И. 175
 Фаррингтон Б. 173
 Фейербах Л. 84
 Фемистий 80
 Феогнид 144
 Феофраст 19, 51, 146
 Ферверда Р. 165
 Фидий 126
 Филодем 136, 166
 Филолай 28, 42
 Филон Александрийский 7

- Филопон 57, 80, 83,
165
Филострат 17
Франк Э. 174
Фрасила 18, 38, 137,
140
Фриман К. 173
Фукидид 107, 157
- Хайдеггер М. 174
Хартман Г. 175
Хубер Э. 173
- Цельс 136, 166
Цензорин 71
Цеца И. 78
Цицерон 7, 29, 36, 118,
132—134, 136, 145,
164, 167, 172
- Чанышев А. Н. 176
Чернышевский Н. Г.
138, 175
- Шмид В. 175
Шотландер Р. 175
Штиль Р. 150, 151
Штирнер М. 139, 140
Штромайер Г. 81
- Экфант 80
Эмпедокл 43, 47, 57,
72—75, 79, 90, 103,
143, 150
Энгельс Ф. 10, 57, 59,
76, 100, 139, 146, 172
Эпикур 12, 19, 20, 31,
39, 52, 54, 55, 57, 61—
63, 65, 66, 82, 95, 101,
102, 119, 123, 130, 134,
141, 146, 166, 167,
170—172, 180
Эпифаний 121, 167
Эсхил 112, 113
- Юрсс Ф. 152, 175
Ясперс К. 173

1. Маркс К. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. М., 1940.
2. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Изд. 2-е.
3. Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*.

* * *

4. *Античная лирика*. М., 1968.
5. *Античная философия (фрагменты и свидетельства)*. М., 1940.
6. *Аристотель. Сочинения в четырех томах, т. 1*. Под ред. В. Ф. Асмуса. М., 1975.
7. *Аристофан. Комедии*. Общ. ред. Ф. А. Петровского и В. Н. Ярхо. М., 1954.
8. *Геродот. История в девяти книгах*. Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
9. *Гиппократ. Сочинения*. Пер. В. И. Руднева. М., 1964.
10. *Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности*. Под ред. и с комм. Г. К. Баммеля. М., 1935.
11. *Лукиан из Самосаты. Избранное*. М., 1962.
12. *Лукреций. О природе вещей, т. 1—2*. Ред. и пер. Ф. А. Петровского. М., 1945—1947.
13. (Лурье С. Я.) *Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования*. Л., 1970.
14. *Маковельский А. О. Досократики. Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древ-*

ности и в свете новейших исследований, ч. 1—2. Казань, 1914.

15. *Маковельский А. О.* Древнегреческие атомисты. Баку, 1946.

16. *Маковельский А. О.* Софисты, ч. 1—2. Баку, 1940.

17. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. Под ред. М. А. Дынника. М., 1955.

17а. *Платон.* Сочинения в четырех томах. М., 1968—1972.

18. *Секст Эмпирик.* Сочинения в двух томах. Под ред. А. Ф. Лосева. М., 1976.

19. *Фукидид.* История, т. 1—2. Пер. Ф. Мищенко. М., 1915.

20. *Элиан.* Пестрые рассказы. Пер. С. В. Поляковой. М.—Л., 1963.

21. *Diels H.* Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und deutsch. 10-te Aufl., hrsg. von W. Kranz. I—III. Berlin, 1960.

22. Griechische Atomisten. (Hrsg.) F. Jürss; R. Müller, W. Schmid. Leipzig, 1973.

* * *

23. *Асмус В. Ф.* Демокрит. М., 1960.

24. *Асмус В. Ф.* Платон. М., 1969.

25. *Бергер А. К.* Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966.

26. *Бродский И. Н.* Категория небытия в древнегреческой философии. Вестник Ленинградского университета, 1959, № 11.

27. *Бэкон Ф.* Сочинения в двух томах. Под ред. А. Л. Субботина. М., 1978.

28. *Волков Г.* У колыбели науки. М., 1971.

29. *Гассенди П.* Сочинения, т. 1—2. Под ред. А. П. Ситковского. М., 1966—1968.

30. *Герцен А. И.* Собрание сочинений, т. IV.

31. Гольбах П. А. Избранные произведения в двух томах. Под ред. Х. Н. Момджяна. М., 1963.

32. Древняя Греция. Под ред. В. В. Струве и Д. П. Кааллистова. М., 1956.

33. Зубов В. П. Развитие атомистических представлений до начала XX века. М., 1965.

34. История античной диалектики. Под ред. М. А. Дынника и др. М., 1972.

35. История философии и вопросы культуры. Под ред. М. А. Лифшица. М., 1975.

36. Каждан А. П. Религия и атеизм в древнем мире. М., 1957.

37. Кааллистов Д. П., Нейхардт А. А. и др. Рабство на периферии античного мира. Л., 1968.

38. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии). М., 1972.

39. Комарова В. Я. Становление материализма в Древней Греции. Л., 1975.

40. Кузнецов К. Т. Докторская диссертация Карла Маркса. — «Вопросы философии», 1958, № 5.

41. Лившиц Г. М. Свободомыслие и атеизм в древности и средние века. Минск, 1973.

42. Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.

43. Лосев А. Ф. История античной эстетики (Ранняя классика). М., 1963.

44. Лосев А. Ф. Числовая и структурная терминология в греческой эстетике периода ранней классики. — Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966.

45. Лурье С. Я. Антифонт, творец древнейшей анархической системы. М., 1925.

46. Лурье С. Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л., 1970.

47. Лурье С. Я. Демокрит и индуктивная логика. — Вестник древней истории, 1961, № 4.

48. *Лурье С. Я.* Очерки по истории античной науки. Греция эпохи расцвета. М.—Л., 1947.

49. *Лурье С. Я.* Теория бесконечно малых у древних атомистов. М., 1935.

50. *Маковельский А. О.* Демокрит в веках истории (к 2400-летию со дня рождения Демокрита и к 100-летию докт. дис. К. Маркса). Изв. Азерб. ФАН СССР, 1941, № 3.

51. *Маковельский А. О.* История логики. М., 1967.

52. *Менделеев Д. И.* Избранные сочинения, т. 2. М., 1934.

53. *Михайлова Э. Н., Чанышев А. Н.* Ионийская философия. М., 1960.

54. Очерк истории этики. Под ред. Б. А. Чагина, М. И. Шахновича, Э. Н. Мелешенко. М., 1969.

55. *Рожанский И. Д.* Анаксагор (У истоков античной науки). М., 1972.

56. *Рутенбург В. И.* Великий итальянский атеист Ванини. М., 1959.

57. *Соколов В. В.* Античная философия. М., 1958.

58. *Стеблин-Каменский М. И.* Миф. Л., 1976.

59. *Тимошенко В. Е.* Материализм Демокрита. М., 1959.

60. *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М., 1964.

61. *Тронский М.* История античной литературы. Л., 1946.

62. *Утченко.* Проблема кризиса полиса в античной идеологии. — История социально-политических идей. М., 1955.

63. *Фейербах Л.* Избранные философские произведения, т. 2. М., 1955.

64. *Чанышев А. Н.* Итальянская философия. М., 1975.

65. *Чанышев А. Н.* Эгейская предфилософия. М., 1970.

66. Чернышевский Н. Г. Избранные философские произведения, т. 3. М., 1951.

67. Altheim F., Stiehl R. Neue Bruchstücke Demokrits aus dem Arabischen. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität. Leipzig. 11 Jahrgang, 1962. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. Hf. 3

68. The Beginnings of Philosophy. Ed. by D. J. Furley and R. E. Allen. L.—N. Y., 1970.

69. Edmunds L. Necessity and freedom in early atomists. — „Phoenix“, vol. XXVI, numb. 4.

70. Farrington B. Science and Politics in the ancient World. N. Y., 1966.

71. Ferwerda R. Democritus and Plato. — „Mnemosyne“ (Bibliotheca classica Batava). Lugduni Batavorum, 1972, Ser. IV, vol. XXV, Fasc. 4.

72. Frank E. Plato und die sogenannten Pythagoreer. Halle, 1923.

73. Furley D. J. Two Studies in the Greek Atomists. Princeton, 1967.

74. Guthrie W. K. C. A History of Greek philosophy. Cambridge, vol. I, 1962 — vol. II, 1965.

75. Kessels A. H. M. Ancient Systems of Dream. — Classification. — „Mnemosyne“, Ser. IV, vol. XXII, Fasc. 4. Leiden, 1969.

76. Ley H. Geschichte der Aufklärung und des Atheismus, Bd. 1. Berlin, 1966.

77. Löwenheim L. Die Wissenschaft Demokrits und ihr Einfluss auf die moderne Naturwissenschaft. — Archiv für Philosophie. Beilage zu Heft 4, Bd. XXVI. Berlin, 1913.

78. Luria S. Demokrit, Orphiker und Ägypten. — „Eos“. Commentarii Societatis philologiae Polonorum. Vol. LI. Fasc. 1. Wratislaviae—Varsoviae—Cracoviae, 1961.

79. Luria S. Zur Frage der materialistischen Begründung der Ethik bei Demokrit. — Vorträge der Akademie der Wissenschaft. Bd. 44. Berlin, 1964.

80. *McDiarmid J. B.* Theophrastus on Presocratic Causes. — Harvard Studies in Classical philology, 1953, vol. 61.

81. *Mugler Ch.* Democrite et les dangers de l'irradiation cosmique. — Revue d'histoire des sciences et de leurs applications. Vol. 20, N 3. Paris, 1967.

82. *Robertson J. M.* A history of freethought ancient and modern to the period of the French revolution, t. 1. L., 1969.

83. *Santillana G. de.* The Origins of Scientific from Anaximander to Proclus. 600 B. C. to 300 A. D. L., USA, 1961.

84. *Strohmaier G.* Demokrit über die Sonnenstäubchen. Philologus, Bd. 112. Wiesbaden, 1968.

85. Zarys dziejów religii. Praca zbiorowa pod redakcja komitetu: J. Keller, W. Kotanski i i. Warszawa, 1968.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Глава I. МУДРЕЦ ИЗ АБДЕР И ЕГО ЭПОХА	13
Персы в Абдерах. Детство	15
Великий учитель	18
Первые слушатели. Протагор и Диагор	22
Абдеры и Афины в V в. до н. э. Демокрит в Афинах	26
Новые последователи. Школа	30
Демокрит и Гиппократ. «Смех Демокрита»	32
Старость и смерть	36
Наследие	38
Глава II. АТОМИСТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА	41
Философские истоки атомизма	—
Атомы и пустота	48
Космогония и космология. «Ананке»	56
Развитие живой природы	66
Глава III. ВОПРОСЫ БИОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ. УЧЕНИЕ О ПОЗНАНИИ	77
Человек и его строение	—
Теория познания и логика	86
«Эмпирический метод»	98
«Теория идиолов»	101

Глава IV. ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО . . .	105
Поворот к человеческим делам. Проблемы эпохи	105
Путь общества к цивилизации. Легенда и философия	109
Закон и природа	118
Глава V. АТЕИЗМ	125
Отношение к религии	—
Теория происхождения религии. «Боги» Демокрита	131
А что в Аиде?	135
Глава VI. ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В УЧЕНИИ О МОРАЛИ	139
Спорное и достоверное в этике Демокрита	—
Цель и смысл жизни	145
Безрелигиозная этика. Впервые — «совесть»	152
Социально-политические взгляды	156
Глава VII. СУДЬБА ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ ДЕМОКРИТА	164
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ДЕМОКРИТ В ВЕКАХ	179
ПРИЛОЖЕНИЕ	183
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	200
ЛИТЕРАТУРА	205

Виц Б. Б.
В41 Демокрит.— М.: Мысль, 1979.— 212 с.—
(Мыслители прошлого)
25 к.

В книге показаны жизнь и взгляды Демокрита Абдерского, выдающегося представителя античного атомизма. Демокрит показан как глубокий ученый, страстный искатель истины, борец против религиозно-мифологических представлений своего времени. Его гениальные натурфилософские догадки, плодотворные мысли в области социальной философии и этики, развитые его замечательными продолжателями — Эпикуром и Лукрецием, оставили глубокий след в истории науки и философии.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

В $\frac{10501-104}{004(01)-79}$ 24-79

ИФ

ИБ № 1072

Бронислава Борисовна Виц

ДЕМОКРИТ

Заведующая редакцией Э. М. Павлова

Редактор А. В. Генералова

Младший редактор Н. Н. Никитин

Оформление и гравюра художника А. И. Ременни

Художественный редактор С. М. Полесницкая

Технический редактор Л. В. Барышева

Корректор В. С. Фенина

Сдано в набор 22.11.76. Подписано в печать 12.03.79. А08114. Формат 70×90^{1/32}. Бум. типогр. № 2, Академическая гарнитура, Высокая печать. Усл. печатных листов 7,90. Учетно-издательских листов 7,87. Тираж 80 000 экз. Заказ 14743 Цена 25 к.

Издательство «Мысль», 117071. Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15.

Типография издательства «Калининградская правда»,
г. Калининград, ул. Карла Маркса, 18.

НОВЫЕ КНИГИ

В 1979 г. издательство «Мысль» выпускает в свет:

К а ш у б а М. В. Конисский. — 6 л. — (Мыслители прошлого). — 25 к.

Георгий Конисский (1717—1795) — философ и общественный деятель, живший на Украине и в Белоруссии и боровшийся против католицизма.

Книга знакомит читателя с жизнью и деятельностью представителя отечественной философской мысли того времени, когда в России оформляется философско-рационалистическая и естественнонаучная традиция. Автор строит изложение на основе анализа оригинальных источников, поскольку мировоззрение Конисского выражено главным образом в рукописном наследии.

Книга будет полезной как для научных работников, так и для массового читателя, интересующегося историей общественной мысли народов СССР.